*В ближайшем из номеров
нашего журнала
мы расскажем о проекте
первого жилого поселения на Луне,
созданного советским архитектором
Джангаром Пюрвеевым
и его финским коллегой
Пекка Терявя.*

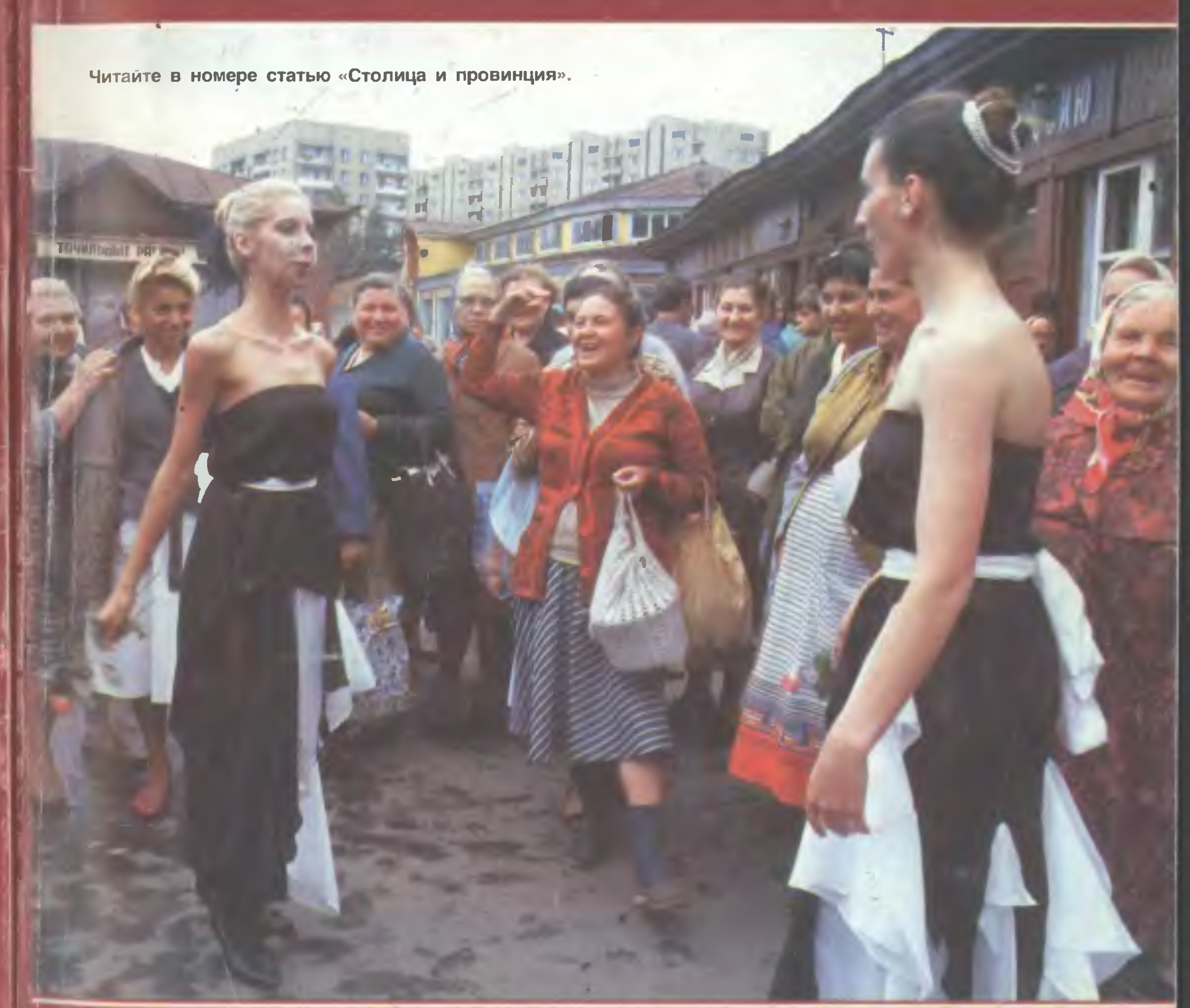

коп.

РОДИНА

3/89

Читайте в номере статью «Столица и провинция».

КРАСИВО
ЖИТЬ
НЕ ЗАПРЕТИШЬ?

ВЫБОР

РОЖДЕНО ПЕРЕСТРОЙКОЙ

...К одиннадцати часам утра очередь, до этого стройная и терпеливая, вдруг превратилась в нервную толпу, осаждающую вход в столичный Дом кино. Нет, люди рвались с такой настойчивостью не на премьеру нашумевшего фильма, привезенного «оттуда». На одиннадцать часов было назначено предвыборное собрание по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР по Московскому национально-территориальному избирательному округу.

Собрания по выдвижению кандидатов в депутаты шли по 10—15 часов, и до утра на улицах не расходились толпы людей, не вместившихся в зал,— ждали исхода дебатов. Были случаи, у выступающих отказывало сердце — увозили на «скорой» прямо от трибуны...

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

ЯРОСЛАВЛЬ. Моторный завод.

Кандидатом в депутаты был выдвинут директор предприятия В. Долецкий.

МИНСК.

Теледебаты — один из способов отстоять свою программу перед избирателями.
Человек, который не побоялся бросить вызов традиции и выдвинул сам себя,— Анатолий Майсеня, кандидат философских наук:
— Я верю в победу. Но и поражение будет для меня полезным — опыт политической борьбы из чужого кармана не достанешь.

Да, таких выборов страна за последние десятилетия не знала. Не зря мы три с лишним года поварились в котле перестройки. «Учиться демократии» — этот лозунг, провозглашенный партией, стал в последнее время кое-кого раздражать. Сколько же можно учиться? Но, во-первых, учиться надо всегда, а демократии — тем более. Демократия, как и истина, не может быть абсолютной, она находится в постоянном развитии. Что же касается «во-вторых», то ведь научились-таки. И многому. Общественная мысль повсюду была направлена на то, чтобы Советская власть являла собою именно власть народа.

Вокруг чего кипели страсти, на каких болевых моментах общества проверялись зрелость и подготовленность кандидата к государственной деятельности? Прежде всего его понимание путей осуществления хозяйственной реформы, почему она «прокручивается», почему не добавляется товаров и продуктов на прилавках. И ход политической реформы. Здесь особенно обостренное восприятие — как бы не затащило в старую колею: обещают власть народу, а на деле будут командовать по-прежнему, под прикрытием выбранных депутатов.

Выборы не игра. Это механизм демократии, а не демонстрация ее. Верховный Совет СССР должен представлять не просто социальные группы, а их интересы. Альтер-

нативные выборы позволяют учесть интересы различных социальных групп участка, округа и прежний конкурс «анкет» перевести в конкурс людей и их платформ. И избиратели свой выбор делали, как правило, исходя исключительно из деловых, политических качеств кандидата.

Конечно, выборы вызвали среди некоторой части руководящих работников тревогу, растерянность, даже испуг. Почему? Потому что непривычно такое. Непривычно, когда люди сами решают кадровый вопрос, откровенно и прямо выражают и защищают свое мнение.

Впервые мы получили потенциальную возможность влиять на выборы депутатов. Но и аппарат, в свою очередь, сохранил возможность влиять на отбор кандидатов.

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

МИНСК. Производственное обувное объединение «Луч».

— Люди, определяющие сегодняшний день,— Абалкин, Адамович, Федоров...— считает В. В. Алексеев, начальник юридического отдела объединения.— Есть ли среди нвс кандидаты, способные стать вровень с ними? Не думаю.

Это мнение подтверждает и атмосфера конференции предприятия — пока на трибуне выступают, в зале иные спят...

— Я не готова к роли депутата,— говорит рабочая цвха № 2 З. П. Шевчик, рекомендованная конференцией кандидатом в депутаты.— У меня нет необходимых политических знаний. Но и самоотвод взять не могу — коллектив надеется нв меня, болеет душой...

Наш нынешний избирательный закон — своего рода компромисс, отразивший всю сложность и противоречие переходного периода, переживаемого сейчас нашим обществом. Эта сложность во всей своей полноте отразилась и на ходе избирательной кампании: с одной стороны, высокая волна политической активности на стадии выдвижения кандидатов в кандидаты, с другой — упорные попытки аппарата сбить эту волну, используя в качестве фильтра любые возможности.

Всем памятно, какие бурные дискуссии разразились вокруг выдвижения кандидатами в депутаты академиков А. Сахарова, Р. Сагдеева...

Имена Ларисы Кузнецовой и Ольги Бессоловой известны куда меньше, но тем большего уважения заслуживает их борьба. Эти две женщины доказали еще раз, что нельзя стать свободными извне больше, нежели мы свободны изнутри. И что демократия не рождается готовой, как Афина из головы Зевса. Она вызревает в нас самих, и насколько мы сами готовы воспользоваться своими возможностями, настолько и демократия раскрывает свои.

Публицистка Лариса Кузнецова, посвятившая четверть века своей творческой деятельности проблемам женского движения, и Ольга Бессолова — председатель женсовета ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт), получили «добро» от конференции женсоветов города Жуковский. Однако следующая вышестоящая инстанция обе эти кандидатуры отвергла. Кузнецова и Бессолова с решением Мособлсовета не согласились

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО
и Владимира ЛАГРАНЖА

и продолжили борьбу, но уже не по вертикали, а по горизонтали.

В течение двух недель они провели восемь встреч в пяти городах Подмосковья: Жуковском, Пущине, Реутове, Дубне и Загорске — и в Московском институте авиационного моторостроения (ЦИАМ). Такому темпу позавидовали бы даже Буш и Дукакис, но если учесть, что опыта у претенденток никакого, средств тоже никаких, а в команде, помогавшей им, всего пять человек, то, полагаю, и Буш, и Дукакис, как истинные джентльмены, сняли бы шляпы перед этими женщинами. По существу, Кузнецова и Бессолова провели своего рода первичные выборы. Их сторонники собрали более восьми тысяч подписей, которые были переданы в адрес пленума Комитета советских женщин.

Увы, как сказал поэт, «напрасны ваши совершенства» — 276 членов пленума не услышали (или не захотели услышать?) голоса нескольких тысяч своих подруг по движению, не заметили и того, что в предвыборной кампании Кузнецовой и Бессоловой родился механизм, который вводит в процесс выборов от общественных организаций широкую общественность. Кузнецова и Бессолова были забаллотированы. И все-таки я оптимистически смотрю на их поражение, ибо это то самое поражение, которое закладывает основу для будущей большой победы. Их пример — другим наука. Наука бороться за свои гражданские права. Завтра, воодушевленные примером Бессоловой и Кузнецовой, вооруженные их опытом, десятки, сотни, а может, и тысячи новых претендентов включатся в политическую борьбу. А поддерживать их будут уже сотни тысяч избирателей! Такую силу не заметить или сознательно проигнорировать никому не удастся. Потому что нет большего авторитета, чем авторитет народа.

Более пятидесяти лет мы исправно участвовали в голосовании, искренне веря, что участвуем в выборах. Впрочем, искренность с годами испарялась все больше и больше, уступая место сначала сомнениям и скепсису, а затем равнодушию и безразличию. И вот впервые мы приняли участие в демократических выборах. Не все получилось гладко — ничего. На ошибках учатся.

Только от нас самих зависит, пойдет ли дальше наша демократия или ее задавит «вся бюрократическая рать». Уже в ходе первого этапа выборов — на стадии выдвижения кандидатов в кандидаты — противоборства проявилось немало. Вот почему так непростительны сегодня любая пассивность или безразличие к тому, кого и как мы выбираем. Вот почему так важно сегодня, чтобы каждый из нас чувствовал себя Гражданином, чувствовал величайшую ответственность за свой голос. Ибо наши голоса теперь решают судьбу выборов, а с ними — судьбу перестройки, демократии. А в них — судьба нашего Отечества, судьба наших детей, внуков и правнуков. То есть наше будущее!

Валерий КАДЖАЯ

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

МОСКВА.

Бурные страсти разгорелись вокруг кандидатуры академика Сахарова.

РОДИНА 3/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

На первой странице обложки фото Виктории Ивлевой.

ПОДСПУДНЫЙ СПОР

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

У нас никогда не было свободной, легально существующей на свой страх и риск печати. Нет ее и сейчас. В СССР цензура предварительная, а, например, в Венгрии она заявляет о себе после того, как номер выйдет в свет. Когда я там был, возник характерный для братских стран спор: кому хуже — советским журналистам и писателям, которых цензура изучает до публикации «крамолы», или венграм, которых — после? Мои хозяева мне говорили, что хуже им, а я — что хуже нам. Сошлись на том, что всем хорошо — главное ведь то, что ни у них, ни у нас нет эксплуатации человека человеком.

Редактор, каким бы смирным он ни был, — все-таки живой человек, а это нет-нет да и проявится. В природе печати есть что-то неизъяснимо соблазнительное, что-то захватывающе беспутное. В самом воздухе всякой редакции — лишь бы в ней пахло типографской краской — долго блюсти невинность невозможно. Этот воздух заражает всех — и вот не проходит дня, чтобы где-нибудь не появилось в печати что-то такое, чего не должно было появиться ни при каких обстоятельствах.

Из-за того, что печать по самой своей природе есть нечто несолидное, ненадежное, что ее тянет сообщать все время то, что не положено, лезть куда ее не просят, портить серьезным людям и организациям настроение, — из-за этого она и является предметом сугубой заботы всех положительных граждан и учреждений. Причем, что касается граждан, то среди них немало простых и лично не заинтересованных. Иногда кажется, что именно он, рядовой советский человек, какой-нибудь счетовод или учитель-пенсионер, лучше партии, даже лучше ее Центрального Комитета знает, о чем можно писать, а о чем нельзя (о чем можно писать, — этого, впрочем, не знает никто). Он прекрасно знает главное: о чем писать нельзя. Как только он ловит вас на нарушении того или иного запрета, душа его вскипает, он сигнализирует о вас властям и требует немедленной казни. Это не только метафора. Я сам недавно, чуть больше года назад, читал подобные доносы, в том числе и касающиеся меня самого.

Я думаю, в переделке человека, в изменении его природы больше преуспел не наш социализм, а все-таки проклятый капитализм. Та терпимость, которую обнаруживаешь в Западной Европе, — поистине чудо! Слушая, как спорят между собою умственные англичане, плачешь от умиления. «Вы знаете, сэр, мне кажется, я не могу безоговорочно согласиться с вашей несомненно прекрасной мыслью»... Наш оппонент скажет: «Ваша мысль — чушь, за которую вас надо расстрелять, и я, будьте уверены, позабочусь об этом».

С апреля 1985 г. давление на прессу постепенно стало ослабевать. Многих из нас, особенно публицистов, эта постепенность не устраивала с самого начала, нам хотелось стать свободными в один день, но для читательской массы это была никакая не постепенность, а взрыв, землетрясение. Неудивительно, что в первый момент некоторые решили, что произошло нечто невероятное, чуть ли не контрреволюция. Какими, кроме контрреволюционных, целями можно объяснить то, что на страницы газет и журналов были допущены свидетельства уцелевших узников сталинских лагерей, а также появилась некоторая статистика репрессий и геноцида? Однако к настоящему моменту все эти недоумения и недоразумения скорее всего позади...

Оказывается, если пресса не свободна по-настоящему, то, при всей своей остроте и обличительном задоре, она все равно будет отражать, точнее — создавать на своих страницах несуществующую жизнь. Эта жизнь не обязательно парадная, она может быть очень даже напряженной и все-таки... выдуманной, подогнанной под желания и понятия новых сценаристов. Те, кто работает языком, невольно, бывает, приписывают всем свое настроение. Не успел царь Александр II объявить об отмене крепостного права, об освобождении крестьян из-под крепостной зависимости, как русская печать кинулась описывать «отрадные явления» — вернейшие признаки благотворных перемен, бурного роста культуры и общественой активности вчерашних рабов. «Отрадное явление» стало газетным штампом. Здравомыслящие весельчаки над ним потешались, желчные — издевались, иным хотелось удавиться. Александр Энгельгардт, известный публицист того времени, специально описал состояние человека, столичного жителя, который десять лет, читая газеты, верил, что перестройка идет полным ходом, а потом стал жить в деревне, среди крестьян и... «Удивительная разница!» — вынужден был воскликнуть он.

Журналистов настойчиво призывают вести себя ответственно. Все прекрасно понимают, о чем речь. Да и как можно всерьез требовать ответственности от пишущего человека, если он не имеет свободного доступа к печатному станку? От несвободного человека требовать ответственности можно только в порядке особого издевательства, а всерьез от него можно требовать только послушания. На сей счет у нас и идет подспудный спор. Печать для перестройки или перестройка для печати? Мы, литераторы, для демократизации или все-таки демократизация для нас? Понимая отцов-реформаторов, сочувствуя им, я все-таки говорю сам себе: нет, кто-то должен их не понимать, и это как раз моя обязанность, моя, пишущего человека, профессия, моя, если хотите, судьба: не понимать их, говорить, если дают сказать, не то, что хочется им, а то, что считаю нужным я сам, иначе никакой демократизации никогда не будет.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ

Недавно мать подарила мне вещь по нынешним временам, прямо скажем, редкостную. Ну где же сегодня увидишь и услышишь настоящий колокольчик! Давно уж отзвенел его малиновый голос.

Но не только как эхо давно пролетевшего деревенского детства дорог мне этот колоколец с хрустальным звоном, трогающим душу и старого и малого.

Он дорог мне, моей семье еще и вот почему. Тройка коней с этим колокольчиком на дуге открывала свадебный поезд моих родителей. С колокольчиком ехала под венец мать моей мамы, а она звонкое это наследство получила от своей матери, моей прабабки. Три поколения свел в брачный союз этот колокольчик!

Что будет дальше с этим колокольчиком? Жизнь есть жизнь. Наверное, лет через пяток — десяток прозвенит он и для моей дочери, как звенел над свадебным поездом полстолетия назад, век назад, во времена декабристов еще...

Семейные реликвии. Часто ли мы задумываемся: есть ли они у нас, что можно к ним причислить? Наверное, реликвия — необязательно какая-то вещь редкостной красоты или старинной работы и уж тем более большой денежной стоимости.

Недавно нашел пачку своих солдатских писем, адресованных матери. Перечитывал до глубокой ночи. Двадцать лет спустя безыскусные слова: «Служба идет нормально, но отпуск пока не обещают...» — заставили и улыбнуться, и крепко взгрустнуть. Ведь это страничка твоей судьбы, частица твоей истории. Приоткрой ее — и перед глазами целый калейдоскоп лиц, характеров, забавных случаев, которые оставляет тебе армейское братство на всю жизнь.

В нынешний стандартный век памятную вещь в доме увидеть все труднее. Я не имею в виду нынешнюю моду на «ретро», на поделки «под старину» или даже подлинно старинные предметы, которые приходят в дом со стороны для забавы и престижа и остаются в нем чужестранцами. Говорю о вещах дорогих прежде всего тем, что они согреты руками наших предков. Почему не бережем мы личные, семейные реликвии? Задерганы бытом, будничной суетой? Но разве это оправдание?

Сейчас начал перебирать в памяти и поперхнулся горечью: сколько же утеряно, безвозвратно утрачено таких вот живых свидетелей истории нашей семьи! А ведь что говорить: семья-то наша была не городская, не интеллигенты в каком-то колене, а крестьянская, из глухой уральской деревеньки!

Помню, пацаном примерял отцовскую буденовку, в которой он служил срочную еще до войны. Теперь только и вижу ее на случайно сохранившейся отцовской фотографии тридцатых годов.

Где же теперь Георгиевский крест IV степени, полученный дедом по матери еще в русско-японскую войну, шашка, которая тоже была ему наградой за воинскую доблесть?

В послевоенной деревне занимали людей заботы о хлебе насущном, и никому, конечно, не было дела до этих реликвий.

...Все это — моя память, живые свидетели истории моего самого обыкновенного крестьянского рода. А ведь о многом они могут напомнить и о многом рассказать.

Ну, а если каждому из нас как следует порыться на полочках своей памяти, хорошо посмотреть вокруг себя: что тебе дорого, что несет в себе отзвуки далекого прошлого?

В. СТАХЕЕВ, журналист
Свердловск

Более века назад, 9 января 1878 года (28 декабря по старому стилю), преодолев с неимоверными трудностями балканский перевал у деревни Шейново, отряд русских войск под командованием молодого генерал-адъютанта М. Д. Скобелева нанес решительное поражение туркам, за чем последовали сдача армии Вессель-паши и освобождение Болгарии от турецкого ига.

В Болгарии свято чтят память о М. Д. Скобелеве. В России же его почему-то забыли. Правда, художник Верещагин написал большую триумфальную картину «Шипка — Шейново. Скобелев под Шипкой» (1878—1879 гг.), а в Москве Скобелеву был сооружен эффектный конный монумент (скульптор П. М. Самонов). Но памятник этот после Октябрьской революции разобрали. Сам Скобелев скоропостижно умер в 1882 году и был похоронен в имении своих родителей — в селе Заборове Рязанской губернии, где память о герое Шипки и канула в Лету...

Спасская церковь в Заборове (1763 г.) еще существует, но ее левый придел Дмитрия Ростовского, в котором похоронен М. Д. Скобелев, равно как и правый придел с гробницей родителей Скобелева варварски разрушены, так что каменные гробницы оказались под открытым небом (что видно на прилагаемом рисунке). Еще недавно они были сравнительно целы, но нет никакой гарантии их дальнейшей сохранности.

Недавно на экранах телевидения демонстрировался кинофильм «Герои Шипки», в котором образ М. Д. Скобелева показан как центральный. Почему же такое пренебрежение к его памяти на деле? Необходимо срочно помочь Рязанскому отделению Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры принять меры к приведению в порядок «мавзолея Скобелева», как по праву можно назвать Спасскую церковь в селе Заборове. Вероятно, рязанцам должен помочь и Центральный совет общества.

Г. ВАГНЕР, доктор искусствоведения
Москва

От перестройки хозяйственного механизма я ждала перемен. И они пришли. Меня сократили. Предприятие, на котором я работала инженером, перешло на хозрасчет и решило расстаться с сотрудницей, на протяжении 14 лет не повышавшей свою квалификацию. Никому нет дела до того, что все эти годы я не могла бросить дочь на 2—3 месяца и уехать в другой город на курсы, что я вдова, что в 49 лет очень трудно менять профессию. Все эти доводы для руководства родного завода — пустой звук. Рубль заслонил человека. Таких, как я, в стране, судя по печати, с каждым днем становится все больше. Я получаю письма от подруг и родственниц из других городов. Все они солидарны со мной в неприемлемости необдуманных административных мер по отношению к таким работницам, как я.

Мало того, что подавляющее большинство советских женщин трудятся в нечеловеческих условиях, выполняют работу, за которую не всякий мужчина возьмется, воспитывают при этом детей, ведут дом, с трудом дотягивая до следующей зарплаты. Всего перечисленного разве мало для того, чтобы хозяйственные и законодательные органы подумали над тем, как помочь женщине, облегчить ей жизнь?

На XIX Всесоюзной партконференции проблема уязвимости женщин в новых условиях хозяйствования была только слегка обозначена в докладе председателя Комитета советских женщин, однако конкретного разговора об этом так и не получилось.

Мне кажется, что если проведение новой хозяйственной политики делает женщину порой несчастнее, чем в прежние застойные времена, то что-то неладно в таких переменах.

В. ЗАХАРОВА
Челябинск

Я живу на земле древнего Хорезма, которому, по мнению ряда ученых, более четырех тысяч лет. К сожалению, история мало сохранила для нас письменных, архитектурных и иных памятников нашего богатого прошлого. Многое разрушило время, орды завоевателей, которые прокатывались опустошительными волнами по земле моих предков.

Значительно сократилось число многих древних книг — трудов Мухаммед аль Хорезми, Абу Рейхан Беруни, Абу Али ибн Сины (Авиценны) — в результате частых смен основ письменности. Так, например, старотюркский алфавит был ликвидирован с переходом на арабский. В 1928—1929 годах арабскую вязь заменили латинским шрифтом. Спустя десять лет стали применять русский алфавит. Ретивые исполнители реформы предали забвению многие памятники письменности прошлого. Нередко книги на арабском собирали и сжигали. А если не предавали огню, то сваливали в не приспособленных для хранения местах, где бесценные книги разрушались сами по себе. Дома же люди боялись держать любой клочок бумаги, написанный арабской вязью,— их могли обвинить в религиозности, а то и в шпионаже. Так мы многое безвозвратно утеряли.

Теперь дело за тем, чтобы тщательно сберечь то, что осталось в камне (старые крепости, мечети) и в названиях местностей. Меня особенно заботит последнее. Уверен, надо не только сохранять, но прежде всего изучать историко-географические названия мест, знать смысл названия каждого города, района, кишлака, селения, моста. Глубоко понимать, что это, может быть, единственная сохранившаяся связь с историей прошлого своего края, что это памятники языковой культуры народа в разные эпохи. Такое изучение и осмысление способствует воспитанию патриотических чувств каждого гражданина, пробуждает в нем гордость за свою историю, культуру, язык.

С горечью сейчас приходится вспоминать, с каким рвением мы в свое время боролись с так называемыми «пережитками прошлого». В этой кампании многие уникальные названия местностей, кишлаков, как устаревшие, «некрасивые», были заменены более современными и благозвучными. Пришло время, думаю, исправить ошибки — по возможности вернуть географическим точкам первородные названия и впредь никогда не покушаться на их самобытность. У нас строится много новых поселков, городов, различных объектов. Пусть они и получают современные названия. Новое должно принадлежать новому. Старое — служить неразрывным звеном между прошлым и настоящим.

Р. ЯКУБОВ
Ургенч,
Хорезмская область

Невероятно, но факт: в конце двадцатого века мы продолжаем иметь «непререкаемых вождей» и «вечные истины». А если кто-то и осмеливается критиковать или просто в чем-либо усомниться (причем с великой осторожностью), то сразу становится «героем дня». Вспомним хотя бы доктора философских наук А. Ципко. Вот что он пишет в своих «Истоках сталинизма»: «Мы вправе и более того — обязаны спросить себя: что в теории Маркса подтвердилось и чему мы будем следовать? Что в его учении было верно только для его эпохи, для XIX века? В чем К. Маркс и Ф. Энгельс ошиблись? Мы не должны бояться всех этих вопросов, не должны забывать, что подобное здравое отношение к научному социализму завещали нам, своим последователям — коммунистам, сами классики марксизма» (журнал «Наука и жизнь», 1988, № 11, с. 53).

Итак, мы не должны бояться признать то, что классики марксизма могли в чем-то ошибаться. Но тем не менее мы по-прежнему не смеем посягнуть на отдельные постулаты теории, созданной более ста лет назад. Но ведь жизнь-то кардинально меняется, причем в индустриально развитых странах каждые 5—10 лет. Следовательно, старые, изжившие себя представления нужно отбрасывать без малейшего сожаления, ибо в противном случае наступает застой жизни, приводящий соответственно к застою во всех сферах общества. Как, например, объяснить слова А. Бовина, что «коллективизация деревни тоже была необходима. И это — именно социалистическая мера». Как можно говорить о преимуществах государственной собственности на средства производства, когда эти преимущества во многом пока лишь на бумаге?

Вызывает сомнение и тезис о «неиспользованных возможностях». Мол, идея-то сама по себе хорошая, да ее извратили. Но если никто не знает, что такое идеал, то как можно держаться за него? Отказывать себе во всем во имя светлого будущего? «Разве не является абсурдом внушаемая сейчас некоторыми нашими литераторами обществу мысль,— пишет А. Ципко,— о том, что мы, русские, созданы не для того, чтобы нормально жить, иметь хорошие больницы и компьютеры, а для того, чтобы строить «уникальную» и «нетривиальную» экономику, удивлять мир своей способностью терпеть лишения и следовать за «идеологами жертвенности».

Кстати, о жертвенности. Вряд ли вызывает сомнение, что она должна возмещаться народу с лихвой. Причем возмещаться быстро. В противном случае она принимает характер вечного обмана. Так еще совсем недавно мы жертвовали ради ускорения. Теперь это слово потихоньку исчезло из лексикона. Появились жертвы ради перестройки. Но где действительно кардинальная экономическая реформа? Где реальное разделение законодательной, судебной и исполнительной власти? Новое конституционное оформление получили лишь крайне незначительные изменения жизни общества. И если так пойдет дело дальше, то и через сто лет мы по-прежнему будем жертвовать всем и удивляться: почему на «проклятом Западе» нет таких жертв, а жизнь такая, что нам и не снилась?

А. ВЛАДИМИРОВ, кандидат экономических наук
Москва

Сергей КОЗЫРЕВ

Кто-то не без иронии заметил, что есть дома с адресом, а есть — с именем... Москвичи это здание знают как «дом на набережной» (так окрестил его Юрий Трифонов), а приезжие замечают по сплошному ряду мемориальных досок на фасаде. По этим мраморным и гранитным «страницам» можно, наверное, изучать историю Советского государства. Но нет в этом ряду имени Бориса Иофана. Его мемориальная доска установлена на фасаде другого дома. И все-таки мы начнем рассказ именно с его имени...

ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Похоже, дом на улице Серафимовича (через реку — Кремль) стал знаменитым уже тогда, когда появились его первые силуэты на чертежных досках. По крайней мере московские архитекторы очень живо обсуждали новую работу Иофана. Эта махина была построена невероятно быстро даже по нынешним меркам — за три года. Говорят, на его лесах зародилось очень много того, что приняла потом на вооружение наша строительная индустрия. Соревнование, передовые методы организации труда... Куда все это девалось потом — тема, вероятно, для другого разговора...

Проект жилого дома ЦИК и СНК для государственных, политических и военных деятелей Советского государства архитектор разрабатывал по поручению правительственной комиссии. Отличался ли он от других жилых домов, которые возводились в то время? Да, это был один из первых многоэтажных (11 этажей!) жилых комплексов. Дом также — по паспорту — является «интересным архитектурно-инженерным сооружением стиля «конструктивизм». Но не только «скупой декор здания» и конструктивизм отличали его от жилья рядовых москвичей.

Само здание, его стены, крыша и окна должны были приблизить цель, которой в те годы жила вся страна. Стройкой было все государство. Строилось новое общество. И коммунизм предполагалось строить так же, как этот дом: фундамент, стены, крыша... А новизна заключалась в том, что Иофан соединил вместе жилище и учреждения бытового обслуживания — все, что нужно человеку для жизни.

Здесь есть квартиры и маленькие, и очень большие, но все — просторные. По крайней мере это смело можно утверждать, если сравнивать их с современным, но обыкновенным жильем. И везде — почти одинаковые, крохотные кухоньки. Причина? Они не рассчитаны на то, чтобы готовить пищу. Разве что чайник подогреть или готовый обед. Для завтраков, обедов и ужинов в доме была запланирована общая столовая. Все, даже самые мелкие, детали быта подчинены были идее нового, нарождающегося социалистического образа жизни. Здесь он должен был быть испытан, опробован на деле и стать нормой для всех. Во всех квартирах была приготовлена для новоселов и мебель. Абсолютно одинаковая, простая и тоже выдержанная в конструктивистском стиле. Наверное, единственное, что отличало эти шкафы, кровати и столы,— номера на бирочках, приделанных к каждому предмету...

В квартирах горячая и холодная вода, холодильные шкафы, телефоны, ванны, грузовой лифт для мусора. Иофан спроектировал даже устройство для сжигания мусора в подвалах. Дом имел собственный детский сад, спортзал, прачечную, поликлинику, продовольственный и промтоварный магазины, почту, сберкассу, клуб и кинотеатр — «Ударник». Сейчас он живет самостоятельной от дома жизнью. К слову, это первый капитальный кинотеатр советской Москвы. Да, забыл сказать о парикмахерской. На ней эти пятьдесят с лишним лет мало отразились.

Поверите ли, но в Музее истории и реконструкции Москвы нам рассказали, как долго не могли определить, в какой квартире жил маршал М. Тухачевский. Не могли найти ни документов, ни соседей, которые бы помогли музею восстановить эти сведения. Пустяк вроде бы, но дефицит правды, истины не дает покоя не только музейным работникам. Без конца атакуют телефонными звонками и визитами журналисты Елену Владимировну Куйбышеву, сестру Валериана Владимировича. За эти годы накопилось много вопросов. Меньше их задают Светлане Васильевне Сталиной...

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Сейчас даже стали входить в моду модели стрижек, что были популярны в тридцатые годы.

Что важно еще? Фонтан во дворе. Вооруженные вахтеры в подъездах, ковровые дорожки на лестницах (по праздникам). Подъездный страж набирал номер телефона и спрашивал, можно ли пройти гостю. Посторонних в доме не было. Жильцы рассказывают, что тогда, в тридцатые, к дому возили экскурсии. Сразу же, с момента своего рождения, дом на набережной стал достопримечательностью. Ходят сюда и сейчас. Только интерес уже иной.

Кто селился в этот дом на бывшей Всехсвятской улице? Кому вручали ордера на эти пятьсот с лишним квартир? Прочтем имена на мемориальных досках. Почти все они установлены первым жильцам: А. Косареву, А. Винокурову, П. Лепешинскому и О. Лепешинской, А. Микояну, К. Николаевой, Г. Петровскому, Н. Подвойскому, П. Постышеву, Е. Стасовой, М. Тухачевскому, М. Цхакая, Н. Швернику, П. Ширшову, А. Серафимовичу, Г. Димитрову... Здание проходило по документам как второй Дом Совнаркома СССР, ну, а в разговорах его называли не иначе как Домом правительства.

Дом сам стал памятником и находится под охраной государства. Да только первенцу советского градостроения тесновато в рамках истории архитектуры. Он — история целой эпохи Советского государства.

Мы долго искали в доме жильца, который вселился сюда среди первых новоселов. И не нашли. Возможно, нам просто не повезло. Удалось обнаружить один из первых ордеров. Он у Нины Николаевны Подвойской, дочери председателя Военно-революционного комитета в Петрограде в октябре 1917 года, организатора Красной Армии Николая Ильича Подвойского. Вот он — «Акт на приемку квартиры в доме ЦИК — СНК по Всехсвятской улице, подъезд №2 от Управления домом». Здесь же опись мебели, данной в аренду. Число комнат — 4. Площадь — 62,43 кв. м. Квартиру по настоящей описи принял 2 апреля 1931 года Н. Подвойский.

Нина Николаевна рассказывает, что почти все, кто сюда тогда въехал, были люди малоимущие. Жили прежде в гостиницах — «Националь», «Метрополе» и в бывших доходных домах. Здесь получили свое первое постоянное жилье. И жили очень дружно, действительно как одна семья. Ведь для этого и строился дом. Те первые годы все, с кем нам удалось встретиться, вспоминают с особым теплом.

— Быт, почти аскетический, организован был так, чтобы ничего буржуазного в нем не могло возникнуть,— рассказывает Нина Николаевна,— все должно было располагать к работе и только к работе.

Жизнь ли виновата, или идея Иофана была преждевременной, да только довольно скоро, по словам Н. Подвойской, угловатые дубовые столы и шкафы с бирочками начали сменяться в квартирах на мягкие диваны и кабинетные гарнитуры.

Нина Николаевна вспоминает, что отец страшно терзался, когда заметил рождение нового слова — «привилегированные». Он говорил: «Завельможились!» Считал, что причина кроется в отрыве от пролетарских масс. Все эти процессы, как в капле воды, отразились и на жизни дома. Появились ребячьи группки, которые делились в зависимости от того, на «ЗИСе» или «ЗИМе» ездит их папа. Даже расположение учителей к своим ученикам зависело от... положения папы. Ведь все дети этого дома учились в одной школе.

Нина Николаевна прожила здесь почти всю свою жизнь. Замуж вышла за Андрея Яковлевича Свердлова. Жили ведь по соседству. После школы работала на заводе. Так хотел отец, чтобы его дети прошли закалку в заводском коллективе. 15 сентября 1924 года Подвойский написал письмо в райком ВЛКСМ по поводу одной из своих дочерей: «Помогите мне сделать, чтобы моя комсомолка дочь Олеся спаялась с рабочей массой в труде, учебе и пролетарском воспитании».

Позже Нина Николаевна занялась историей. Сейчас консультирует примерно 300 организаций, которые интересуются жизнью и деятельностью Я. Свердлова и Н. Подвойского. Немало диссертантов побывало у нее за эти годы. А ее младшего сына зовут Яков. Яков Свердлов.

Нам не удалось встретиться со всеми, с кем бы хотелось поговорить. Кто-то из жильцов наотрез отказывался разговаривать с журналистами. Кому-то не нравились наши вопросы. И все же каких только историй мы не услышали! Например, о сотруднике НКВД, который круглые сутки маячил в окне двенадцатого подъезда и неотрывно смотрел на Кремль. Правда, для нас так и осталась сек-

ретом необходимость подобного поста.

Кстати, согласилась поговорить с нами Светлана Васильевна Сталина. Она шесть лет назад снова вернулась в этот дом. Тогда же, после продолжительной болезни, получила и персональную пенсию. Старается не отставать от всех и участвовать в общественной жизни. Регулярно ходит на заседания совета подъезда, печатает там на машинке протоколы решений. Любит шить, вязать на спицах и крючком. Читать.

— Особенно нравится журнал «Эстрада и цирк». Газеты очень много пишут о дедушке... Говорят, он меня очень любил.

Довольно скоро после первых новоселий квартиры начали пустеть. Хозяева исчезали незаметно, без шума. А на дверях оставались печати. Школьный комитет комсомола вызывал на свое заседание сына или дочь «врага народа» и требовал отказаться от отца. По дому в те годы ходила мрачная шутка, что теперь это не дом правительства, а дом предварительного заключения.

Какой-то период во время войны дом пустовал. Всех жильцов выселили, а дом заминировали. Зимой сорок первого он изменил свой цвет: отопление выключили, и дом побелел от мороза. Холода были страшные.

Как-то незаметно исчезли из подъездов вахтеры с наганами, ковровые дорожки и прочее. В пустующие квартиры въехали новые жильцы, и появились «коммуналки» — квартиры-то огромные. И новые люди, слабо сочувствовавшие идее Иофана, заложенной в устройстве дома, начали утверждать свои правила общежития. Появился товарищеский суд для разрешения постоянных теперь скандалов. Скандалили о разном. Например, кто больше пользуется газом? Кто кому чернил в белье налил? Вот тогда движимая лучшими побуждениями Тамара Андреевна Тер-Егиазарян (она уже больше двадцати лет занимается в доме общественной работой) подробно изучила положение дел и подготовила доклад на пятидесяти страницах: о состоянии квартир, о количестве площади на человека, о причинах конфликтов. А также решение — что нужно сделать, чтобы в доме снова воцарилось благополучие.

Заметим, что долгие годы Борис Михайлович Иофан сам с семьей жил в этом доме. Он умер в 1976 году. Как хотелось бы узнать, что он думал о метаморфозах дома на набережной. Нам известно только, что после его смерти кухню в его квартире перестроили. Что поделаешь, не годится она для нынешней жизни. Известно также, что Иофан дал согласие перекрасить дом в более темный цвет. Но это все пустяки по сравнению с тем, что ему предложила неугомонная Тамара Андреевна! Перекроить эти огромные квартиры в маленькие, но отдельные. Чтобы решить проблему «коммуналок». И застеклить довольно большие, но бесполезные лоджии. Иофан согласился, оставив, правда, за собой надежду, что будет время, когда все смогут жить в больших квартирах.

Яков Свердлов — внук Якова Свердлова и Николая Подвойского. Сначала мы гадали, на кого из дедушек он похож, а потом поняли — он похож не обыкновенного молодого человека восьмидесятых.

«У папы был замечательный девиз, — рассказывает Нина Николаевна Подвойская. — «Я должен всех повернуть на коммунизм». И все равно кого это касалось, беспризорника или министра промышленности».

Этот бланк принадлежал Валериану Владимировичу Куйбышеву. Только в дате изменена цифра — год тридцатый на восьмидесятый, а письмо в отделение милиции написано его сыном, В. Куйбышевым (на снимке).

Всю жизнь проработала Марина Сергеевна Сергеева секретарем в домоуправлении. А потом и поселилась здесь. Теперь член товарищеского суда. В беседе с нами сказала: «Жить в нашем доме — большое счастье!»

Похоже, архитектор решил, что немного опередил время. Так ли это? Не станем судить. Но дом и его жильцы болезненно свыкались с довольно непривычными для них законами будничной московской жизни. Говорят, в основном благодаря стараниям и связям Героя Советского Союза Каманина, бывшего в то время секретарем партийной организации дома, в 1976 году здесь начался капитальный ремонт. Но уже не как в Доме правительства, а как в обыкновенном московском доме. По крайней мере продолжается он и до сих пор.

Ну, а вообще цель ремонта — вернуть дому былое лицо.

— О фонтанах не говорю,— жалуется нам член товарищеского суда Марина Сергеевна Сергеева.— Вы посмотрите, что во дворе творится. Свалки мусора, контейнеры как баррикады стоят. А ведь дом взят под охрану государства. У Кремля в конце концов стоим, и — никакого внимания. Сберкасса вот почти год на ремонте.

Правда, кое-чего жильцам удалось добиться — открыли киоск «Союзпечати», в магазине начали торговать овощами. Домовый комитет считает: причина запустения в том, что дом оставили ответственные работники. Переехали в более престижные квартиры. Поэтому, мол, никто о них теперь не думает и внимание уже не то. В чем-то, наверное, члены домового комитета и правы. Влиятельные жильцы что-то да значат в нашей жизни.

ДВА СЪЕЗДА, ДВЕ ПАРТИИ

Прежде чем рассказать о книгах, посвященных III съезду РСДРП, которые недавно были переведены из отдела специального хранения в открытый фонд Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, стоит, вероятно, хотя бы кратко напомнить обстановку, в которой проходил съезд.

Шел 1905 год — один из самых драматических периодов в истории России, начавшийся расстрелом мирного рабочего шествия 9 января в Петербурге. И не надо было обладать великой проницательностью, чтобы увидеть, ощутить нарастание гигантской революционной волны, которая катилась по огромной стране. Вопрос о русской революции, как говорится, стоял на повестке дня, и в то же время русская социал-демократия, претендовавшая уже на ведущую роль в революционном процессе, находилась в глубоком кризисе. Дело было в том, что по ряду обстоятельств после II съезда РСДРП и в Центральном Комитете, и, что, может быть, самое главное, в «Искре» — центральном органе партии — меньшевикам удалось приобрести подавляющее численное большинство. В то же время низовые комитеты РСДРП в основном поддерживали большевиков. Возник раскол партии. Большевики видели единственный выход из создавшегося положения в немедленном созыве съезда. Однако меньшевики бойкотировали это предложение.

Наконец 9 декабря 1904 года Петербургский комитет предъявил ЦК ультиматум по вопросу о съезде, а Центральный Комитет, в свою очередь, попросил месяц на размышление. Однако день, обусловленный для ответа, пришелся на 9 января, на Кровавое воскресенье. Россия всколыхнулась в ярости и гневе. Лишь 12 марта был создан Организационный комитет для созыва съезда.

И все же меньшевики сделали попытку сорвать съезд, который должен был происходить в Лондоне. Делегаты, выбранные в низовых комитетах, прибыли в условленное место, но девять комитетчиков направились в Женеву, где состоялась конференция, организованная меньшевистской «Искрой».

«Два съезда — две партии»— так определит позже В. И. Ленин данную ситуацию.

«Всего на съезде,— пишет его участник Г. Крамольников в своей книжке **«III съезд РСДРП»** (Госиздат, 1930 г., М.),— участвовало 24 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным». Современному читателю, вероятно, будет крайне интересно познакомиться хотя их и с краткой, но интереснейшей информацией, которую дает автор о судьбе делегатов. «10 делегатов уже нет в живых,— сообщает он,— (Ленин, Воровский, Красин, Джапаридзе, Саммер, Владимиров, Романов, Богданов, Румянцев, Любимов; относительно рабочего из Баку — Апашкина и екатеринославского делегата Лещинского — сведения найти не удалось). 24 делегата здравствуют, из них 16 коммунистов (Крупская, Землячка, Литвинов, Луначарский, Скрыпник, Цхакая, Рыков, Каменев, Лядов, Красиков, Эссен, Алексеев, Аристархов, Шкловский, Лосев и Крамольников) и 8 беспартийных (Постоловский, Десницкий, Обухов, Квиткин, Фридолин, Авилов, Леман и Шевелкин)». В этом поименном списке для сегодняшнего читателя, вероятно, будет немало удивительного. Например, то, что большой процент делегатов к 25-летию III съезда не состоял в ВКП(б). Но тут стоит сказать, что в общем-то в небольшой книжке Г. Крамольникова внимательный читатель найдет немало других «парадоксальных» моментов. И дело тут в том, что долгие годы из истории партии просто исключали «сомнительные» моменты, и получалось, будто РСДРП состояла не из людей, а из каких-то интегральных схем. Испортилась — выбросили, заменили другой. Но... Но вот один из живых людей-делегатов. «Ленин подал записки, в которых выставил следующие кандидатуры в ЦК: Румянцев, Богданов, Постоловский и Саммер.

На Румянцеве Владимир Ильич настаивал прежде всего потому, что он его знал как опытного старого литератора (а литераторы среди большевиков были наперечет: ведь все «старые и заслуженные» оказались в рядах меньшевиков). У Румянцева было основательное марксистское образование... Кроме того, Румянцев в качестве «бывшего земского статистика» (притом известного в этой среде) мог быть полезен для связей с обществом...»

Не все хорошо представляют себе обстановку в партии тех времен, взаимоотношения в среде социал-демократов, страсти их и споры, манеру говорить.

«Но даже тот факт,— пишет дальше Г. Крамольников,— что его (Румянцева) кандидатура была выставлена самим Лениным, не мог преодолеть стихийного нерасположения к нему со стороны нас, комитетчиков. Все в этом делегате было нам не по нутру: и вид барина, и язык земца, и то высокомерие, с которым он отзывался о подпольной технике. Комитетчики выставили и провели кандидатуру Рыкова, Ленин до съезда не знал Рыкова».

Однако Румянцев был избран кандидатом в члены ЦК, а так как Рыков сразу после съезда был арестован, «земца» кооптировали на его место. Но судьба Румянцева все же удивительна — он, по замечанию Г. Крамольникова,— «держал курс на губернатора и умер в белой эмиграции». Книжка Г. Крамольникова, активного участника событий, дает обширную возможность для размышлений и может во многом послужить отправной точкой для любопытнейших изысканий в истории КПСС.

Если записки Г. Крамольникова интересны как воспоминания и наблюдения участника съезда, то работа К. И. Шелавина **«Рабочий класс и его партия»** (Л. 1924 г.) прежде всего посвящается не одному только III съезду, а охватывает период с 1905 по 1907 год. Это достаточно подробное историческое исследование, дающее не только широкую картину предшествующих событий, но и скрупулезный разбор вопросов, рассматриваемых на съезде. Одновременно автор делает подробный обзор вопросов, обсуждавшихся на меньшевистской конференции в Женеве, анализирует расхождения во взглядах двух течений русской социал-демократии.

А вопросы эти, как ни удивительно, и сегодня остаются во многом актуальными. Ведь именно на III съезде впервые возникла полемика о революционной диктатуре, о революционном восстании, об отношениях между рабочими и крестьянами, между рабочими и интеллигенцией, о демократических началах в партии. Интересны съездовские дебаты вокруг привлечения рабочих для непосредственной работы в партийных комитетах.

«Руководящий центр какого-нибудь города,— констатирует автор книги,— существовавший подпольно для того, чтобы охранить себя от проникновения провокаторов в его боевой аппарат, поневоле становился несколько отчужденным от широких рабочих масс.

Из этого противоречия, особенно когда меньшевики начинали свои разговоры о демократии, могли возникать недоразумения между «таинственным» комитетом и заводскими социал-демократическими коллективами.

Практики, продолжает Шелавин, и в том числе т. Рыков («Сергеев»), на съезде полагали, однако, что тут не поможет ни введение выборного начала, ни усиление рабочего представительства, ибо «выборные центры будут командовать так же, как и теперь». Не стоит ли здесь поискать истоки будущего «вождизма», игнорирования демократических норм, перенесенного впоследствии из обстановки подполья и конспирации в эпоху мирного строительства?

Словом, в предлагаемых книгах есть над чем подумать и поразмыслить профессиональным историкам. Однако хотелось бы коротко рассказать еще об одном издании. Речь о книге Г. Юрьева **«Путь Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 1870—1925. Книга для чтения по истории партии. М.— Л. 1926».**

Книга эта, выпущенная для малоподготовленного читателя, собрана из отрывков различных произведений и документов, но выстроена в виде связного рассказа об истории партии. В качестве авторов участвуют в ней Ленин, Бухарин, Ярославский, Сталин, Зиновьев, Троцкий, Невский, Плеханов и многие другие партийные и общественные деятели, историки, профессиональные революционеры. Вероятно, хрестоматии подобного рода необходимы и сегодня. Причем адресованы они могут быть и школьникам, и студентам, и просто интересующимся историей людям.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ

Не скороспелы ли оценки?

В последнее время в центральной и местной печати появились новые оценки массового приема в партию в 1924 году, названного Ленинским призывом. По представлениям авторов, выходит, что в РКП(б) шли мелкобуржуазные, а то и деклассированные элементы с целью примазаться к правящей партии. За счет 240 тысяч «невежественных людишек» партия разбухла: в соответствии с тайными замыслами Сталина создавалось новое, слепо верящее новому руководству большинство.

Эти оценки, даваемые походя, без попыток аргументированного рассмотрения исторического явления, не соответствуют тому, что происходило 65 лет назад.

В марте 1922 года Ленин, размышляя о количественном составе партии, писал, что 300—400 тысяч членов партии — это и то чрезмерно, учитывая их «недостаточно подготовленные уровень» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 18). На этот тезис и ссылаются авторы публикаций, забывая, что к моменту Ленинского призыва прошло еще два великих года. Россия, еще вчера голодная, раздетая, лапотная, уверенно поднималась из разрухи. Уже в ноябре 1922 года В. И. Ленин писал: «С радостью слышим мы о начале хозяйственного возрождения Петрограда» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 277). В конце того же года он отмечал: «Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать» (там же, с. 285). Проведенное в феврале 1924 года социологическое исследование показало, что в Ленинграде питание рабочих достигло довоенного уровня.

Явные успехи в осуществлении новой экономической политики, подъем сельского хозяйства, промышленности — все это, безусловно, укрепило авторитет партии, веру у народа в правильность выбранного пути. Вспомните, с какой любовью рабочие, крестьяне выражали заботу об Ильиче во время его болезни.

Смерть В. И. Ленина стала тем эмоциональным толчком, который воспламенил накопившийся в массах заряд политической активности. Заявления о вступлении в партию оглашались уже на первых траурных митингах. Понимание обстановки тех дней не позволяет согласиться даже с предположением, что именно в это время сотни тысяч «людишек» и решили примазаться к правящей партии. Нет, советские люди стали вступать в партию, выражая этим свою солидарность с ней и поддержку ее в трагические январские дни.

Готова ли была партия принять в свои ряды большое пополнение?

На начало 1924 года в ней числилось 472 тысячи коммунистов. В январе того года XIII партийная конференция, с материалами которой знакомился В. И. Ленин, приняла решение влить в партию 100 тысяч рабочих «от станка», то есть не по социальному происхождению, а по роду своей трудовой деятельности. Такое решение было принято потому, что значительная часть коммунистов только числилась рабочими, хотя в предыдущие годы они были переброшены с производства на советскую, военную, партийную работу. Так, в Ленинградской губернской организации на рабочих местах трудились лишь 20 процентов коммунистов — менее трети из считавшихся рабочими. К тому же в условиях нэпа возросла активность мелкобуржуазной стихии, пытавшейся оказать давление на партию через аппаратные, служебные слои. Была ли уверенность, что рабочие пойдут в партию? Буквально накануне призыва Троцкий утверждал, что вряд ли можно надеяться на быстрый рост производственных ячеек партии. Но те 360 тысяч заявлений, поданных в ходе Ленинского призыва, говорят сами за себя.

Да, такое неожиданно большое число заявлений было подано в ячейки РКП(б). А что это было неожиданным, говорит такой факт: в ходе призыва ЦК партии дважды рассматривал вопрос о количестве принимаемых — сначала имели в виду 100 тысяч, затем 150 тысяч, наконец, 200 тысяч. И это были не цифры-стимуляторы, а цифры-ограничители, которые повышались под напором буквально вала заявлений!

Всего было подано 360 тысяч заявлений, а принято только две трети от этого числа. Так что далеко не каждый подавший заявление автоматически зачислялся в партию. Процедура приема в РКП(б) во время Ленинского призыва была даже усложнена по сравнению с обычной. Это выражалось в том, что первоначально заявления обсуждались на рабочих собраниях, где отсеивали недостойных. Списки кандидатов вывешивались у проходных, публиковались в газетах, чтобы каждый мог сообщить об отводе той или иной кандидатуры, если у него есть для этого основания. В итоге на 23,5 тысячи партийцев, принятых по призыву в Ленинградской организации, отказано в приеме было почти 2,7 тысячи человек.

Нам бы сегодня ввести такую практику отбора в партию!

Кого же в конце концов «выбрали в партию»? К каким изменениям в РКП(б) привел Ленинский призыв? Прежде всего это были отнюдь не «мелкобуржуазные элементы», а рабочие. Не знаю, как было дело в Иваново-Вознесенске, где, по сведениям «Огонька», в партию шли «от бильярда», но в Ленинграде к 1 января 1925 года более половины состава губернской партийной организации были рабочими по роду своих занятий, то есть доля их среди местных коммунистов увеличилась в 2,5 раза, а абсолютное число — почти в 6 раз!

Конечно, рабочий рабочему рознь в смысле своего классового положения. Ленин весной 1922 года вел оживленную переписку с Молотовым, одним из тогдашних секретарей ЦК РКП(б), об условиях приема новых членов в партию. Он предупреждал об опасности проникновения в организацию мелкобуржуазных элементов, если считать пролетариями и тех, кто лишь на время стал рабочим, спасаясь в годы войны от мобилизации на фронт. Условием усвоения пролетарской психологии он считал пребывание на фабрике, особенно на крупных промышленных предприятиях, в течение многих лет. В частности, Ленин отмечал 10-летний трудовой стаж как гарантию пролетарской закалки промышленного рабочего (Полн. собр. соч., т. 45, с. 17, 18, 20).

В Ленинграде и губернии среди принятых рабочих четверть имела стаж до 5 лет, 29 процентов — от 5 до 10 лет, а свыше 10 — 46 процентов. При этом надо учесть, что пятнадцать процентов этих рабочих были молоды и не имели большого стажа работы на производстве, зато доказали свою верность революции в боях гражданской войны.

Прием по предприятиям шел далеко не равномерно. Ниже был уровень на заводе «Большевик», расположенном в пригороде, где рабочие имели огороды и скот. Элементы сельского быта порождали особенности психологии рабочих. Меньше было принято в партию, например, и на фабрике Гознак. Здесь состав рабочих отличался высокой квалификацией и проявлялись традиции рабочего аристократизма. Низок был приток на Волховстрое, где основную часть рабочих составляли неквалифицированные трудящиеся. Наибольший же прирост дали такие предприятия, как Путиловский завод, заводы «Красный выборжец», имени Егорова, Металлический, трампарк имени Коняшина...

Авторы публикаций утверждают, что по призыву в партию пришли малограмотные люди, что на XIV съезде оказалось мало делегатов с высшим образованием. Низкий уровень общего образования «ленинцев» для того времени вполне естествен и сам по себе не может быть ни положительным, ни отрицательным для оценки положения, если речь идет о рабочих,— просто иного контингента среди них не было.

Понятно, что в обстановке массового приема в партию могли все-таки попасть недостойные люди. И такие случаи действительно были. Часть «теченцев», то есть вступивших в партию, поддавшись общему течению, отсеялась (в Ленинграде и губернии за 1924 год — 107 человек). Всего же исключено было из партии за 1924 год менее шести процентов от общего числа вступивших в нее по призыву.

Чтобы «переварить» новое пополнение в «партийном котле», «переплавить» в «партийных мартенах», РКП(б) сделала немало: сразу же началось развитие сети школ политпросвета, была сформирована система постоянной партийной учебы. Шло широкое выдвижение на местах «ленинцев» в низовые выборные партийные органы в цеховых организациях, в общественные организации, рабочие клубы... В Ленинграде этот процесс был интенсивнее, чем по стране в целом. Это отмечено в конце 1924 года Комиссией ЦК РКП(б) по воспитанию вновь вступивших в партию рабочих. В Ленинградской партийной организации до 80 процентов коммунистов имели общественные поручения или были выдвинуты на ответственную работу.

Впервые название «Ленинский призыв», насколько можно сейчас судить, было предложено Зиновьевым. В Обращении ЦК и в его постановлении о проведении массового набора рабочих в партию, которые были приняты Пленумом, проходившим 29 и 31 января, нет таких слов — Ленинский призыв. Они были произнесены Зиновьевым 1 февраля на заседании Коммунистической фракции II съезда Советов Союза ССР с участием беспартийных делегатов.

Связь Ленинского призыва со Сталиным находят в том, что новое пополнение, дескать, проторило дорогу культу личности. С таким пониманием последствий призыва нельзя согласиться. Конечно, масса неопытных в политическом отношении новых коммунистов была более доверчива к лидерам вообще, включая и местных. С середины 20-х годов, отстранив Троцкого, Зиновьева и Каменева, на первый план как вождь партии выходит Сталин. Да, он был более близок для «ленинцев», чем кто-либо другой из руководства партии. Но отсюда нельзя делать вывод, что культ Сталина — результат Ленинского призыва. Новобранцы, хотя и вели себя активно, отнюдь не занимали высоких постов в партии. А к тому времени, когда культ проявился в полном расцвете, коммунисты Ленинского призыва составляли уже ничтожное меньшинство. К 1933 году в ВКП(б) числилось 3,5 миллиона человек.

Ленинский призыв — яркая страница в истории партии, рабочего класса, всей страны. Она тесно связана с биографией Ленина, и ее не зачеркнуть походя, не превратить еще в одно сенсационное дело в нашем прошлом.

Юрий ЛИПИЛИН,
кандидат исторических наук
Ленинград

ВРЕМЯ И ЛЮДИ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

...Прощай, Лолотта, добрый волчонок мой; передай от меня последнее «прости» моему отцу. Моя судьба — пример варварства и неблагодарности людей. Мои последние мгновения не запятнают твоей чести. Ты видишь, что мои опасения были справедливы, а предчувствия сбывались. Я женился на непорочной, целомудренной девушке; я был хорошим мужем, добрым сыном, мог бы быть хорошим отцом. Я уношу с собой свободу и доблесть вместе с уважением и сожалениями всех истинных республиканцев, все людей. Я умираю тридцати четырех лет от роду; удивительно, что за пять лет я преодолел столько пропастей Революции и ни одна из них не поглотила меня, что я еще существую и со спокойствием преклоняю голову на груду моих чересчур многочисленных сочинений, которых не коснется нож гильотины: все они дышат той же любовью к людям, тем же желанием сделать моих сограждан свободными и счастливыми.

Я хорошо вижу, что власть способна опьянить почти каждого человека, что все готовы повторить вслед за Дионисием Сиракузским: «Тирания суть лучшая эпитафия»! Но утешься, отчаявшаяся вдова! Эпитафия твоего бедного Камилла будет более славной: она будет эпитафией тираноубийц Брута и Катона. О моя дорогая Люсиль! Я был рожден для сочинения стихов, для защиты несчастных, для того, чтобы сделать тебя счастливой и создать с тобою, с твоей матерью, с моим отцом и с несколькими близкими нашим сердцам людьми подобие земного рая. Я мечтал о Республике, которую любил бы весь мир. Я не в силах был поверить, чтобы люди были так жестоки и так несправедливы. Мог ли я подумать, что несколько вызванных моими коллегами и попавших в мои произведения шуток заставят позабыть о моих заслугах! Для меня не тайна, что я умираю жертвой этих шуток и моей дружбы с Дантоном. Я благодарю моих убийц за возможность умереть вместе с ним и с Филиппо; и, поскольку мои коллеги оказались настолько трусливы, что поверили самой грязной клевете, о которой я не подозревал, я могу сказать, что мы умираем как жертвы собственного мужества, разоблачившего предателей, и как жертвы любви к свободе.

Мы погибаем последними республиканцами и уносим с собой доказательства этого. Прости, милый друг, моя жизнь, потерянная в миг нашей разлуки, прости, что я предаюсь воспоминаниям. Мне надлежало бы забыть тебя. Моя Люсиль, моя добрая Лулу, я заклинаю тебя: не призывай меня криками своими, они и во тьме могилы будут раздирать мне сердце. Живи для твоего малыша, моего Горация; расскажи ему обо мне. Сейчас он не поймет тебя, но ты скажешь ему о том, как я любил бы его! Несмотря на все мои мучения, я верю в то, что Бог существует. Моя кровь смоет мои ошибки и изъяны человечества; и Бог вознаградит меня за все то доброе, что было во мне,— за доблесть и за любовь к свободе. Мы еще свидимся с тобой, о Люсиль!.. Смерть, освобождающая от созерцания стольких преступлений, так ли уж страшна человеку столь чувствительному, как я? Прощай, Лулу, жизнь моя, душа моя, мое земное божество! Я оставляю тебе добрых друзей, людей самых добродетельных и мягкосердечных. Прощай, Люсиль, моя Люсиль, моя дорогая Люсиль, прощай. Гораций, прощай, отец мой! Я чувствую, как берег жизни удаляется от меня. Я еще вижу Люсиль, я вижу ее, мою обожаемую Люсиль! Мои связанные руки обнимают тебя, и моя отрубленная голова еще смотрит на тебя угасающими глазами!

15 жерминаля II г. (5 апреля 1794 г.)
(Из последнего письма Камилла Демулена жене)

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУАНТА

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПРОСУЩЕСТВОВАЛО ТОЛЬКО 12 ЧАСОВ 40 МИНУТ...

Член Учредительного Собрания Лордкипанидзе (с места):
Товарищи, теперь 4 часа, предлагаем старейшему из членов открыть заседание Учредительного Собрания. *(Шум сильный слева; рукоплескания* в центре *и справа, свист слева... не слышно... продолжается сильный шум и свист слева и рукоплескания центра. На кафедру поднимается старейший из членов фракции социалистов-революционеров — Сергей Петрович Швецов.)*

Швецов: *(Звонит. Шум слева. Голоса:* Долой, самозванец! *Продолжительный шум и свист слева; рукоплескания справа.)* Объявляю перерыв. *(На кафедру поднимается Свердлов.)*

Свердлов: Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного Собрания. *(Голоса справа и а центре:* Руки в крови, довольно крови. *Бурные рукоплескания слева.)*

Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов... *(Голос справа.* Фальсифицированный)... выражает надежду на полное признание Учредительным Собранием всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров...

Из стенографического отчета

Вот так 5 января 1918 года началось заседание Всероссийского Учредительного собрания. Требования его созыва входили в программные документы декабристов, революционных демократов, народовольцев, меньшевиков, эсеров, большевиков. Не все знают, как длинна и сложна была дорога к нему, зато всем памятны слова начальника охраны Таврического дворца матроса Железнякова, потребовавшего от делегатов очистить зал, «потому что караул устал».

А история созыва и роспуска российского парламента представляется фактом более крупным и значительным, нежели то место и внимание, какое отводится «учредилке» в нашей литературе. Сегодня общество стремится докопаться до причин, приведших к узурпации власти, многомиллионным жертвам, и взгляды многих обращаются к Учредительному собранию: не там ли упущен шанс демократии? Не с его ли разгона — неумение не только выслушать оппонента, но и признать за ним право на существование? Поиски выхода из катастрофы не через политический компромисс, не через новые идеи и подходы, а через конфликт, изнурительную конфронтацию, военную силу? Интересно было бы услышать ответы профессионалов. Однако наша историческая наука научилась не задавать лишних вопросов...

Мы пригласили в редакцию известных ученых — доктора юридических наук Е. А. СКРИПИЛЕВА, докторов исторических наук Г. З. ИОФФЕ, А. И. РАЗГОНА и молодых историков Е. М. КОЖОКИНА, руководителя группы Института всеобщей истории; В. И. МАКСИМЕНКО, ведущего научного сотрудника Института востоковедения; А. В. ФАДИНА, младшего научного сотрудника НИИ культуры, чтобы, оглянувшись на прошлое, поговорить, осмыслить заново события тех дней. Это нужно не для того, чтобы утвердиться в правильности выбора или бить себя в грудь и каяться. Нет, ни опраадать, ни осудить тех людей, то время мы не можем. Мы можем только понять. Понять, чтобы идти дальше обновленными, умудренными опытом и уроками десятилетий. Это, кстати, нужно не только историкам.

Максименко: Мой коллега, узнав, что журнал устраивает «круглый стол» по поводу Учрвдительного собрания, отреагировал на это так: «Ну вот, тогда-то, с его разгона все и началось...»

Соколов * (из воспоминаний): «Для меня разгон Учредительного Собрания, неудача в его защите — факт огромного политического звучания. И не только потому, что вслед за октябрьским переворотом и 5 января пришло торжество большевиков, разрушение российского государства, гибель миллионов русского народа — не только потому! Для меня кажется истиной непреложной, что неумение защитить Учредительное Собрание знаменовало собой глубочайший кризис русской демократии».

Скрипилев: Знакомый тезис: «Большевики уничтожили демократию». Как я понял, наше обсуждение вызвано тем, что и ныне некоторыми под сомнение ставится правомерность разгона «учредилки». С этим связываются все последующие деформации в области социалистической законности. Говорят, что вот если бы Учредительное собрание, а большевики на его выборах собрали только четверть голосов, если бы оно не было разогнано, то большевикам власти не видать, сложилась бы многопартийная система. А так что получилось? Большевики стали правящей партией, или, как у нас в некоторых документах было написано: «господствующей партией»...

Но история сама по себе — такая госпожа, которая не любит сослагательного наклонения: «что было бы, если бы...» Раз высказывается мнение, что роспуск Учредительного собрания стал упущенным шансом демократии, то те, кто это утверждает, обязаны взять на себя бремя доказывания, или, как говорят юристы, «onus probandi».

* Б. Ф. Соколов. Правый эсер, делегат Учредительного собрания. В «круглом столе» использованы выдержки из его статьи «Защита Всероссийского Учредительного Собрания». «Архив русской революции». Берлин, 1924 г., т. 13.

Я же лично стою на прежних позициях, или, если угодно, на традиционных позициях и считаю: в российских условиях проблема Учредительного собрания стала проблемой **буржуазно-демократической,** а не социалистической революции, **буржуазной,** а не пролетарской демократии. **Историческая логика событий** была такова, что его нельзя было не распустить. Это прекрасно доказано в работах В. И. Ленина, в статье Н. И. Бухарина по случаю десятилетия этого события, в работах советских историков, в том числе и сидящих рядом со мною.

Фадин: В контексте революции часто не остается выбора, и альтернативные сюжеты «что было бы, если...» — это действительно плод некоего историко-социологического воображения, инструмент познания, не более того. Но каждое поколение переосмысливает историю заново. И мне кажется, если мы будем только обороняться, если займем позицию, какую сформулировали вы, Евгений Александрович,— «бремя доказывания должно лежать на другой стороне»,— то вряд ли она будет чем-то отличаться от позиции Бухарина в двадцать восьмом году. Все аргументы, какие можно мобилизовать в пользу разгона «учредилки», были мобилизованы уже тогда. Сейчас разговор об этом возникает не как охранительная реакция на волну обвинений большевиков в антидемократизме, а как поиск ответов на насущные потребности дня, когда мы вновь заговорили о плюрализме мнений, о терпимости к разномыслию, об истинно народном правительстве...

Злободневность обсуждаемого вопроса и в том, что ситуация с Учредительным собранием моделируется в мире постоянно. Это и Португалия после революции 1974 года, это и Куба, и Никарагуа, и другие... Революционные власти, даже имея в принципе возможность получить большинство голосов на выборах, тем не менее не проводят их и отказываются от подтверждения собственных полномочий таким способом. Важно уловить, почему это происходит.

Скрипилев: В каждой стране у революции свои особенности, своя стратегия и тактика. Почему они, руководители резолюций, непременно должны собирать парламент? Зачем мы будем предписывать истории обязательные шаги?

Фадин: Думавтся, не в тактике здесь дело, а в представлениях, будто революция должна опираться не на общие правоаые нормы, а на саму себя, порождать право сама из себя и для себя.

Скрипилев: Проблема соотношения права и революции требует специального рассмотрения. Поэтому ограничусь лишь несколькими словами. Опыт всех революций свидетельствует о том, что ими ломалась прежняя законность и правовая система. Если мы возьмем буржуазные революции XVII—XVIII веков, то увидим, что быстрее всего революция захватывала область так называемого публичного права, то есть сферу властных отношений. Менее энергично, а порой и вовсе слабо этот процесс протекал в области частного права (имущественных отношений). Но для Октябрьской революции с ее Декретом о земле и последовавшей затем национализации промышленности отмеченная закономерность не обязательна.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В ночь на 2 марта 1917 г. на переговорах Исполкома Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы стороны в принципе согласились, что окончательное определение формы правления страной — прерогатива «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Было решено, что сформированное буржуазно-либеральными партиями правительство будет управлять Россией до его созыва. Именно поэтому новое правительство называлось Временным, созыв парламента формально считался его главной задачей.

Фадин: Мне кажется, коренной порок советской историографии в том, что она полностью идентифицировала себя лишь с одним из полюсов расколотой в семнадцатом году России. Думаю, разговор получится содержательнее, если мы не будем отождествлять себя с каким-то из полюсов — с Учредительным собранием или с Советами,— а поднимвмся над ситуацией и посмотрим, какие возможности заключались в каждом из этих путей.

Свердлов: Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов! Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

Чернов: Учредительное Собрание великой страны впервые в мировую историю вписало представительное учреждение с подавляющим большинством социалистов. Учредительное Собрание представляет собой живое единство всех народов России.

Голос слеаа: Да здравствует Совет Р., Кр. и С. Д.! Вся власть Советам!

Быховский с места: Вся власть Учредительному Собранию!

Из стенографического отчета

Соколов: «Факт, который трудно оспаривать,— это то, что Советы суть детищв Февральской революции, скажем точнее, русской революционной идеологии, и если народные массы — крестьянские, солдатские и рабочие — симпатизировали больше идее Советов, то не только потому, что советская систвма была им понятнее в своей примитивности, но и потому, что они следовали в этом только примеру революционной интеллигенции.

Но победа большевиков меньше всего проистекала от их силы, меньше

всего от того, что за ними пошло большинство страны. Их сила, сама по себе ничтожная и заключающаяся в их необыкновенной активности, вышла победительницей из этой борьбы единственно благодаря пассивности русской интеллигенции, в частности демократической интеллигенции, благодаря тому, что активному Ничтожеству было противопоставлено пассивное Величие. Да, на нашей стороне была законность, великие идеалы и вера в торжество демократии.

На их стороне была захваченная власть, пулеметы, ружья.

За ними стояла толпа».

Скрипилев: В лагере контрреволюции твердили: большевики захватили власть, разогнали парламент. Но факты истории подсказывают: не было нужды им захватывать власть — они ее **имели** уже с 25 октября 1917 года.

Фадин: А я как раз вижу актуальность обсуждаемой проблемы в остром осознании нами кризиса легальности власти. Советское государство до сих пор выводит себя из Октябрьского переворота, который был лишь **санкционирован** постфактум Вторым съездом Советов, из победы в гражданской войне, в ходе которой силой оружия были сметены с политической карты России практически все серьезные противники большевиков, а власть многопартийных Советов заменена властью ревкомов.

Разгон: Извините, хочу поправить вас. Ревкомы были временными, чрезвычайными органами Советской власти. Они возникали главным образом в прифронтовой полосе, в тылу врага, на освобожденных территориях. И по мере ослабления напряженности заменялись Советами.

Фадин: В наше сознание революционной легальности как положительная ценность входит и разгон «учредилки» — Всероссийского Народного собрания.

Понятно, что подобные представления о легальности (переворот, война, диктатура) вряд ли могут соответствовать идеалам, нормам и ценностям правового государства, которое мы сегодня провозгласили своей целью. Но ведь прошлое-то у нас одно! Стало быть, надо **в нем** искать опору для будущего. Это можно сделать, лишь расширив границы поисков за пределы привычных для нас представлений, например, в сторону нереализованных возможностей нашего парламента. Надо смыть с себя пятно антидемократического происхождения и найти новые основания для легальности.

Скрипилев: По сути, вы утверждаете, будто причина недолговечности Собрания — в отсутствии в России демократических традиций. Отсутствовал парламентаризм. Отсутствовала свобода слова и так далее. Я не буду сейчас доказывать, что и Государственная дума в какой-то мере была парламентом, не буду идти в глубь истории, напомню только, что еще были и Запорожская Сечь, и северные русские народоправства... Но возьмите Советы первой русской революции. Это же действительно демократия. Это правотворчество. Как же иначе. Нет, были, были **демократические традиции.** Во всяком случае, республиканская традиция всегда была. Это и Ленин отмечал. И она ведет свое начало от декабристов. Двкабристы, петрашевцы, революционные демократы. А между тем Временное правительство, вы подумайте, только спустя шесть месяцев (1 сентября 1917 г.— **ред.**) удосужилось объявить Россию республикой. Причем республика эта не была названа демократической. Такая вот деталь...

Кожокин: Нам надо не противопоставлять два этих института — Советы и Учрвдительные собрания, спорить, какой лучше, какой хуже, а выявить тот реальный демократический потенциал, что нес в себе тот и другой. Вы, Евгений Алексеевич, говорите о богатой демократической традиции в России. Но не надо первоценивать силу и значимость демократических традиций нашей политической культуры. Идвализация прошлого приводит к тому, что мы осложняем и осмысление сегодняшней политической ситуации, когда начинаем думать, что мы большие демократы, чем есть на самом деле.

Как мне кажется, демократическую традицию мы искали и видели часто **не совсвм там,** где она существовала. Демократия немыслима без глубокого уважения к праву, без соблюдения его норм, без нормального функционирования правовых институтов. Российские же революцинеры нередко презирали право. К сожалению, даже у такого человека, как Герцен, достаточно антиправовых высказываний. Я уж не говорю о людях типа Ткачева или Заичневского, автора знаменитой прокламации «Молодая Россия». Мы все это заносим как демократическую традицию. Да, это левая, это республиканская традиция, но двмократическая ли? Не есть ли это своего рода левая авторитарная? Вот почему мне кажется важным проанализировать низовой механизм конституирования Советов и Учредительного собрания.

Фадин: Советы — органы наиболее политически активизированных слоев населения — не выражали мнения большинства. Сравните: в выборах делегатов II Всероссийского съезда Советов приняли участие 25 миллионов человек, а Всероссийского Учредительного собрания — около 50 миллионов...

Реплика: Однако у III съезда Советов, состояшегося вслед за Учредительным собранием, 10 января 1918 года, избирателей было не меньшв.

Фадин: На III съезде Советов не представлена большая часть политического спектра России. Из 70 всероссийских партий на съезде была представлена лишь часть — большевики, левые эсеры, меньшевики, анархисты...

В то жв время Учредительное собрание было сформировано на основе самого совершенного избирательного закона и итоги выборов отражали действительное соотношение если не сил, то политических симпатий. Подумать только, сословная России провела всеобщив прямые и равные выборы!

Максименко: Как бы мы ни оценивали представительность Всероссийского Учредительного собрания, ей уже противостояла **советская представительность** в лице II съезда Советов. Этот орган, родившийся помимо вооруженного захвата власти, из «нормальной», так сказать, демократической процедуры, одновременно выразил политический итог восстания 25 октября. Помните, В. И. Ленин в «Государстве и революции» писал: без парламента демократия обойтись может, без представительных учреждений — никогда. Так вот, II съезд Советов и был фактически первым собранием народных представителей, **учредивших** в стране новую республиканскую власть, которая «переучредить» себя (а большинство в зале заседаний Таврического дворца добивались именно этого) не позволила бы никому.

5 января 1918 года столкнулись две легальности: легальность революции, которая всегда констатирует себя, не считаясь ни с какими вне ее возникающими формами, и та легальность — для восемнадцатого года, с моей точки зрения, умозрительная,— которую отстаивали оппоненты большевикоа в Учредитвльном собрании.

Кожокин: При всей спорности репрезентативности выборов в Учредительное собрание все-таки это были выборы реальные. И, видимо, ценностные ориентации политического характера заставляли людей проголосовать именно за тот состав, какой мы получили на Учредительном собрании.

К сожалению, в выступлениях здесь никто не говорил о великом неизвестном — народе семнадцатого года. Он как был неизвестным, так в общем-то и остается неизвестным для нашей историографии. С этой точки зрения и феномен Советов, и феномен Учредительного собрания для нас очень интересны и помогают понять, кто реально в народе стоял за тем и другим институтом. Как заметил в своих письмах Карамзин о французской революции: «Не думайте, однако, что вся нация участвует в трагедии, едва ли сотая часть действует, остальные смотрят, смеются, судят, спорят, плачут, действуют, как в театре». В какой-то степени так было и в семнадцатом году.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Временное правительство всячески затягивало срок выборов. Сначала они были намечены на 17 сентября, затем — на 12 ноября 1917 г. 1 августа были утверждены члены Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыбора). В нее вошло 16 человек под председательством кадета Н. Н. Авинова. Положением о выборах предусматривалось всеобщее избирательное право с пропорциональной системой выборов, по спискам, выдвигавшимся политическими партиями. Голосовать могло все гражданское население с 20-летнего возраста и военнослужащие с 18 лет. С точки зрения формальной и юридической этот документ чрезвычайно демократический. А порядок выборов в армии — уникальный. Ни одна страна мира не предоставляла своим солдатам и офицерам избирательных прав в представительных учреждениях.

Разгон: Едва ли ситуацию, подмеченную Карамзиным, можно без самых решительных корректив перенести на Россию семнадцатого года.

Соколов: «Да-да, мвжду народом и «народом» надо провести резкую границу, границу вполне определенную и ясную. Надо сказать то, что до сих пор еще не было сказано или если и было сказано, то как бы между прочим. Надо подчеркнуть то представляющееся мне несомненным обстоятельство, что русский народ, крестьянство, солдаты и рабочие в большей своей части были чужды и не причастны к тем разрушениям Российского Государства, которые имели место, начиная с 18-го года.

В своем подавляющем большинстве петроградские рабочие не только не были большевиками и большевиствующими, но склонны были к выжидательному и благожелательному нейтралитету по отношению к Учредительному Собранию.

В декабре месяце, с первых дней моего приезда в столицу, мне пришлось неоднократно посещать полки, по преимуществу запасные гвардейские. И всюду я наталкивался на то же самое явление. Общая масса, на 9/10 скорее сочувствующая Учредительному Собранию, чем большевикам, и во всяком случае беспартийно безразлично и пассивно настроенная».

Разгон: С этим никак нельзя согласиться. Итоги выборов показали, что в промышленных областях **большевики** имели решающий перевес сил, **рабочие** им отдали свои голоса. Анализируя эти данные, В. И. Ленин указывал, что «...большевики были во время выборов в Учредительное Собрание партией пролетариата, с.-р.— партией крестьянства. Из губерний Центральной промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% — с.-р.; Московский столичный округ — 50% большевиков и В% — с.-р.; Тверская губерния — 54% большевиков, 39% — с.-р.; Владимирская — 56% большевиков, 32% — с.-р.».

Добавлю, что и в армии большевики также имели уже к ноябрю семнадцатого года политический «ударный кулак» — половина солдат отдала им свои голоса, а если брать фронты, ближайшие к столицам, то перевес над эсерами и другими партиями был подавляющим.

Выборы в Учредительное собрание в Большом театре

Фадин: И все же, как известно, итог выборов в Учредительное собрание в целом оказался неблагоприятным для большевиков. Большинство в нем получил блок эсеров, меньшевиков и других мелкобуржуазных, правосоциалистических партий. Не свидетельствует ли это о выражении недоверия большевикам?

Иоффе: Вот основные итоги выборов в Учредительное собрание. Большевики получили 24 процента голосов, эсеры, меньшевики и другие мелкобуржуазные демократы — 59 процентов (причем эсеры имели здесь подавляющее большинство: более 40 процентов). Кадеты и другие правые партии — 17 процентов. Что же произошло? Что определило в целом действительно «небольшевистский» итог выборов? Причин было несколько. Главная, однако, заключалась в том, что подготовка к выборам явно не поспевала за стремительным ходом событий, резко менявшим политическую ситуацию. Россия переживала революцию, а, как говорил В. И. Ленин, в такие периоды дни равны месяцам и даже годам обычной, мирной жизни. Избирательные списки по выборам в Учредительное собрание составлялись до победы Октября, когда, например, крестьянская масса все еще связывала надежды на получение помещичьей земли с партией эсеров.

Далее. Эсеры выступали как единая партия, хотя к моменту выборов они таковой уже не являлись: в партии произошел раскол, и она развалилась на правых и левых эсеров. Левые поддерживали Советскую власть, их представители входили в Совет народных комиссаров. Однако правые эсеры активно проводили своих по общим спискам. Нельзя не учитывать, что перевес эсерам дала главным образом периферия, провинция, политически гораздо менее активная. Напротив, центр, регионы, во многом определявшие политическую жизнь страны своим мощным революционным потенциалом, отдали голоса большевикам.

Максименко: Мы обсуждаем эту проблему с двух сторон, а есть и третья позиция. Я имею в виду спор Розы Люксембург с Троцким по поводу разгона «учредилки». Пусть и ее аргументы дополнят наше обсуждение.

В статье «От Октябрьской революции до Брест-Литовского мира» Троцкий писал, что Учредительное собрание было избрано по спискам, которые не отражали социальной реальности России и реальности революции. Достаточно, возражает ему Роза Люксембург (если отношение к Учредительному собранию было серьезное), достаточно было обновить списки, чтобы они отразили новый расклад политических сил в стране.

Далее. Троцкий утверждал, что в революционную эпоху, эпоху крутых сдвигов, вообще любой представительный демократический институт является неповоротливым, что он в принципе не может верно отражать эволюцию массы, так как ее настроения меняются гораздо быстрее, чем какой бы то ни было депутатский корпус в состоянии это зафиксировать.

Люксембург начисто отметает и этот аргумент, поскольку, пишет она, как раз в революционную эпоху народные избранники и массы связаны постоянно идущими токами взаимовлияния, и приводит пример английского Долгого парламента, Генеральных штатов, Четвертой думы...

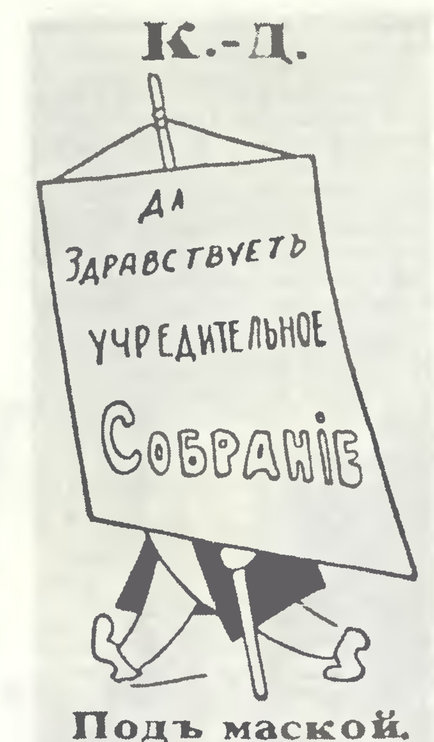
Разгон: Известно, что Ленин был за перенос сроков созыва Учредительного собрания, за изменение его состава путем отзыва и перевыборов правой части Российской Конституанты. Как показал начавшийся процесс отзыва, это было вполне реально. Но гражданская война, развязанная контрреволюцией, заставила прибегнуть к иным формам борьбы.

Скрипилев: Кстати, Временное правительство дважды переносило сроки выборов в Учредительное собрание и, по существу, сорвало их. Диалектика такова, что **именно большевики** созвали Учредительное собрание и выполнили свое обещание. Хотя, строго говоря, нужды в нем уже не было. После Декрета о земле, Декрета о мире, принятых II съездом Советов. Даже зарубежные авторы, могу назвать Карра, Чемберлена, признали, что декреты Октября лишали рассуждения членов Учредительного собрания какого-либо смысла. Посмотрите постановления Собрания, и станет ясным, что оно как бы пошло по стопам большевиков. Приняло свой закон о земле, обращение к союзным державам с предложением начать переговоры о мире, объявило Российское государство Демократической Федеративной Республикой.

Имеется немало свидетельств, что идея Учредительного собрания еще до его созыва потеряла свою привлекательность в первую очередь среди рабочего класса. Свою судьбу и судьбу России они связывали с Советами.

Соколов: «Несомненно, что Учредительное Собрание, идея о нем были детищем российской интеллигенции, которая десятилетия лелеяла мысль о том времени, когда весь народ будет призван сказать свое слово. Правда, что разочарование в спасительности Учредительного Собрания началось уже среди интеллигенции еще в 17-м году.

Но чья это вина? Не мы ли, русские интеллигенты, которые поклонялись этой идее, которые несли ее на протяжении десятков лет, которые сделали ее лозунгом Февральской революции и которые не сумели отстоять этой идеи и провести ее в жизнь, не мы ли главные виновники этого разочарования?»

Подъ маской.

Маска сорвана

Разгон: Видимо, надо поставить вопрос: если Учредительное собрание уже не имело смысла, то зачем только что родившаяся, неокрепшая Советская власть пошла на его созыв? Ведь этим она, с одной стороны, ставила себя в сложное положение, а с другой — давала возможность антибольшевистским силам использовать демократическое знамя?

Скрипилев: Для Ленина и большевиков было ясно, что после установления народовластия в форме Советов нет нужды в Учредительном собрании. Оно изжило себя. Тем не менее большевики все же пошли на его созыв. Они считались с тем, что массы, особенно крестьяне, интеллигенция и какая-то часть рабочих сохранили и после Октября веру в Учредительное собрание, которое, как им казалось, будет выразителем их воли.

Иоффе: К тому же неблагоприятный для большевиков итог выборов дал враждебным элементам основание для распространения слухов о том, что дело Учредительного собрания проиграно, так как «узурпаторы-большевики» ни за что не решатся на его созыв. 20 декабря Совнарком постановил открыть Учредительное собрание при наличии кворума в 400 депутатов. Это было честным шагом.

Фадин: Хочу обратить внимание, что у большевиков не было серьезных намерений насчет Учредительного собрания, они не возлагали на него почти никаких надежд. Единственная цель созыва — разуверить народ в парламенте. А когда внимательно читаешь стенограмму Учредительного собрания, то обращаешь внимание, что большая часть делегатов от обоих полюсов говорит **одним** языком. И по образам, и по символам, и по понятиям. Это в широком смысле **язык социализма.** Уникальная ситуация: Учредительное собрание — в подавляющем большинстве социалистическое — в момент развязывания гражданской войны **не было использовано** для примирения. Не было использовано прежде всего потому, что парламент умер сначала в сознании обеих сторон, потому и попытка компромисса не предпринимается ни теми, ни другими. Одни пользуются тем, что у них штыки, другие — что **их** большинство. Если мы посмотрим протоколы собрания, то увидим пометки стенографистов о реакции зала, например, «шум и свист слева», «аплодисменты справа». И наоборот. Причем эти вещи чередуются в зависимости не от содержания речей, а от того, кто в данный момент на трибуне.

Иоффе: Туда пришли не договариваться и не искать решений...

Фадин: Да, этот факт говорит, мне кажется, прежде всего о том, что в Учредительное собрание шли не для поисков общего решения, а чтобы навязывать свою волю. Здесь был упущен последний шанс. Вот этого ощущения края пропасти, того, что гражданской войны нужно избежать **во что бы то ни стало,** вот этого, к сожалению, ни у большевиков (а именно они были реальной политической силой), ни у эсеров совершенно не было.

Максименко: Когда я познакомился со стенограммой заседания, меня поразило, что Собрание, прозывавшееся Всероссийским, столкнуло на позициях антагонизма **две России** — две России, которые не слышали и не хотели слышать друг друга. И если вы сравните речи Бухарина и Церетели (из всех речей «учредиловцев» по-своему самые яркие), то поймете, что эти два человека тогда не то что в одном правительстве, в одной системе учреждений работать не могли.

Фадин: Большевики явно считали,

Бухарин: Товарищи, перед нами действительно величайший момент, и тот водораздел, который сейчас делит все это собрание на непримиримых,— не будем играть в прятки и замазывать это какими бы то ни было словами,— на два непримиримых лагеря, лагеря принципиальных,— этот водораздел проходит по линии: за социализм или против социализма.

...Вот почему, товарищи, граждане, мы полагаем, что вопрос о власти партии революционного пролетариата есть коренной вопрос текущей российской действительности, есть вопрос, кот. окончательно будет решен той самой гражданской войной, кот. никакими заклинаниями никаких Черновых остановить нельзя вплоть до полной победы победоносных русских рабочих, солдат и крестьян. *(Шум, крики и рукоплескания слева.)*

...в этот момент, когда заревом революционного пожара загорится если не сегодня, то завтра весь мир, мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике... *(Шумные рукоплескания слева, переходящие в овации.)*

Церетели: ...в настоящий момент для всего народа **в** Учредительном Собрании мы видим единственный путь спасения революции. Революция в России одна,— она началась в февральские дни, она пережила тяжелые испытания, но самые тяжелые испытания она переживает в настоящий момент. На ее плечи взваливается ноша, которая может раздавить ее на долгую жизнь. В настоящий момент совершается это, и внешним выражением этого является разделение демократического единства, которое только могло бы спасти Россию, разделение России на два непримиримых лагеря. Здесь с торжеством говорили, что мы давно разорвали, что мы давно стоим по две стороны баррикады. *(Голоса:* Кто вы? *Голоса слева:* Рабочие и солдаты?) Часть демократии представлена вами, а другая, огромная часть, представлена здесь. Ведь так вы должны понимать, что с того момента, как вы вступили на этот путь гражданской войны, линия гражданской войны прошла через сердца демократии. *(Рукоплескания.)*

Из стенографического отчета

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

25 октября свершилась революция. А 27 октября СНК назначил срок выборов в Учредительное собрание — 12 ноября. Дата его созыва не называлась. В Петрограде двери всех избирательных участков открылись ровно в 9 утра 12 ноября. В Москве — 19 ноября. По более поздним подсчетам, в 68 округах (из 78) голосовало 44 млн. 443 тыс. избирателей.

что гражданская война уже идет и в ней (в отличие от избирательной кампании и иной политической борьбы) они **обязательно** победят.

Между тем в январе 1918 года вооруженная борьба носила еще характер **политического** конфликта. Кровь уже пролилась (на Дону, на Урале), но еще не пришли в движение те глубинные пласты народа, те десятки миллионов участников, которые и придали конфликту характер социально-тотальной гражданской войны, с массовым белым и красным террором, пытками, расстрелом заложников...

Избежать гражданской войны — это задача любой политической силы, которая претендует на название цивилизованной. Во всем, что писалось и говорилось тогда левыми, такой задачи не прослеживалось совершенно. И я думаю, что сегодня главный упрек, который можно бросить им,— именно этот.

Скрипилев: А левых вы кого имеете в виду?

Фадин: Тех, кого и считали в Учредительном собрании, то есть большевиков и левых эсеров.

Соколов: «Но именно Чернову принадлежит знаменитое изречение, «что мы не должны пролить ни одной капли народной крови». «А большевики,— спросили его,— можно ли проливать кровь большевиков?»

«Большевики тот же народ».

Вооруженная борьба с большевиками в это время рассматривалась как действительное братоубийство, как борьба нежелательная».

Разгон: Не будем обманываться формальными лозунгами. Гражданскую войну развязали Каледин, буржуазные круги. Их представители — кадеты — получили 17 процентов голосов в Учредительном собрании — мощная сила.

Однако ж, как отмечалось на заседании ВЦИК (1 декабря 1917 г.— **Ред.**), «они желают сидеть в Учредительном Собрании и организовывать гражданскую войну в то **же** время».

В. И. Ленин тогда же, в ноябре семнадцатого, писал: «Когда нам предложат условия мира, мы пойдем на переговоры. Но пока нам предлагают мир те, от которых он не зависит. Это только хорошие слова... Мы вполне допускаем искренность эсеров, но за **их** спинами стоят, тем не менее, Каледин и Милюков».

Фадин: Уж если говорить об особенностях России, включая и эту тему в разговор о судьбе Учредительного собрания, то, конечно, надо сказать, что вековая социальная ненависть, спрессованная империалистической войной, разрухой, голодом, накладывалась на специфическую массовую политическую культуру, фактически не знавшую компромисса как способа разрешения конфликта. В этом смысле массовая база большевиков (ее настроения мы чувствуем в угрозах и оскорблениях всех «не своих» с галерки Собрания), несомненно, оказывала сильнейшее воздействие на политическое руководство левых. Они чувствовали за собой силу, а за оппонентами силы не видели.

Силы в смысле военно-политическом за Учредительным собранием действительно не было. Но за ним была значительная сила идеологическая, ибо для развязывания массовой борьбы против новой власти необходимы были эффективные мобилизующие лозунги, символы. Разгон Собрания дал противникам большевиков уникальный идеологический ресурс — лозунг «защиты демократии». Без этого ресурса гражданская война не могла бы обрести столь быстро и необратимо тотальный характер. Народно-демократическое единство оказалось окончательно расколото самим фактом разгона, а логика войны привела к тому, что часть демократических сил вынуждена была выступать совместно с реакционно-монархическим офицерством.

Иоффе: Конечно, неверно возлагать всю ответственность за «расколотый» мир на большевиков. Совершенно очевидно, что и правые эсеры не искали путей к диалогу. В Учредительное собрание они, как мне кажется, пришли с твердой верой в то, что власть должна перейти и перейдет к ним. Все их последующее поведение подтверждает это.

Я даже решился бы высказать такую мысль: полномасштабную гражданскую войну в России начали именно правые эсеры-учредиловцы. До этого имели место все-таки локальные военные действия. Но когда правые эсеры потерпели поражение в попытке взять власть политическими средствами (через Учредительное собрание), они взялись за оружие. Еще не все известно о взаимоотношениях правоэсеровского руководства с антантовской агентурой и белочехами. А ведь именно мятеж чехословацкого корпуса в соединении с поднявшимися офицерскими группами, шедшими тогда за правыми эсерами, положил начало всероссийской гражданской войне.

Кожокин: «Мы познаем прошлое ради того, чтобы успешнее двигаться в будущее» — это не просто лозунг, это определенный методологический и, наверное, философский принцип. Принцип ощущения неразрывности истории, который, к сожалению, мы во многом утратили. С высоты сегодняшнего дня, конечно, виднее, что надо было делать, как поступить. Но мы не должны распространять наше нынешнее политическое мышление, так сказать, на умы семнадцатого года... Если мы обратимся к тому времени, то увидим, что одна действительность дана в сознании Ленина, Бухарина, Троцкого. Совершенно иного плана действительность дана в сознании их оппонентов, которые получили большинство в Учредительном собрании. Альтернативность несут в себе люди, а не абстрактный ход событий.

Поэтому речь идет не о том, чтобы осудить или оправдать тех или других за разгон «учредилки», за развязыва-

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ИТОГИ ВЫБОРОВ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Было подано 36,26 млн. голосов (данные по 54 избирательным округам), из них:

за эсеров (русских, украинских, мусульманских и пр.)	20 900 000
„ меньшевиков	668 064
„ народных социалистов	312 000
„ группу «Единство»	25 000
„ кооператоров	51 000
„ украинских социал-демократов	95 000
„ украинских социалистов	507 000
„ немецких социалистов	44 000
„ финских социалистов	1400
„ большевиков	9 023 963
„ кадетов	1 856 639
„ Союз земельных собственников и землевладельцев	215 000
„ правые группы	292 000
„ старообрядцев	73 000
„ еврейских националистов	550 000
„ мусульманских националистов	576 000
„ башкирских националистов	195 000
„ латышских националистов	67 000
„ польских националистов	155 000
„ казаков	79 000
„ немцев	130 000
„ белорусов	12 000
„ список разных групп и организаций	418 000

Данные 1918 года

ние гражданской войны — постановка вопроса в таком ключе бессмысленна. Вообще не дело историка — судить! Но нам ради нашего будущего важно понять, какими утратами может обернуться нежелание компромисса, отказ от поиска политических решений конфликта.

Фадин: Да, необходимо было идти на уступки и компромиссы обеим сторонам — только так можно было избежать страшной бойни. Но... зпоха настолько понизила ценность человеческой жизни, что гражданская война не казалась самой страшной бедой, а жизнь человеческая — высшей ценностью.

Разгон: Со многим из того, что говорили вы, Андрей Васильевич, можно согласиться. Кроме одного. Что человеческая жизнь для Ленина, для большевиков ничего не стоила. Это не так.

Все документы первых месяцев Советской власти и практические действия ее, так же как и Центрального Комитета нашей партии, направлены на возможность предупреждения гражданской войны, кровопролития. Это безусловно. Неоднократно действия большевиков и в вопросах пресечения саботажа, и в вопросах, связанных с Учредительным собранием, были в общем-то ответными шагами. В эти месяцы речь шла о самом существовании Советской власти.

Откройте декреты Советской власти, первый том, и посмотрите их последовательность. Вы убедитесь, как много в них демократической традиции, попытки установить ее, сделать ведущей, главной и тем самым снять массу напряженностей, которые существовали в обществе.

Скрипилев: Дзержинский, по воспоминаниям, подсчитывал возможные жертвы наши и сравнивал с числом жертв французской революции. Это была не поза, это была боль!

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

22—23 ноября контрреволюционными силами был создан «Союз защиты Учредительного собрания», обратившийся к населению с воззванием «не отдать Учредительное собрание на поругание», поддержать его «всей силой своей». Эсеровская Военная комиссия вела работу в полках, броневом дивизионе, а также среди рабочих, стремясь сформировать боевые дружины.

23 ноября члены Всевыбора, отказавшиеся предоставить все документы СНК, были арестованы. В тот же день СНК назначил М. С. Урицкого комиссаром Всевыбора.

Разгон: Конечно, ситуация накануне Учредительного собрания была практически безнадежной. Договариваться было очень сложно. И все-таки туда пришли договариваться. И я по-прежнему считаю, что «Декларация», как она была выработана и представлена Учредительному собранию, могла быть платформой для попытки договориться.

Вы знаете, что левые эсеры покинули зал заседаний через полтора часа после ухода большевиков. Они еще и еще раз пытались нащупать возможности диалога с остальным составом Учредительного собрания. Но не получилось. Компромисс возможен только до какого-то предела. С точки зрения большевиков, компромисс был исчерпан.

Кожокин: Сейчас мы боремся за *со*здание правового государства. Известно, что одним из ключевых принципов правового государстаа является принцип народного суаеренитета: народ — это высший и единственный источник власти.

Но давайте рассмотрим с этой точки зрения «Декларацию», которая была предложена для утверждения Всероссийскому Учредительному собранию. Целый ряд положений этого документа соаершенно не соответствует принципам правового государства, принципам народного суверенитета. Например, пункт, который кажется нам совершенно естественным, о том, что «...Учредительное Собрание считало бы в корне неправильно, даже с формальной точки зрения, противопоставить себя Советской власти». А как определяется Советская власть в этом юридическом документе? Она никак не определяется. Вообще. И если обратиться к представлениям того времени, то под Советской властью понимался одновременно и Совнарком, и Съезд Советов, и ЦИК, и любой из местных Советов, тот же Петроградский Совет. Иначе говоря, в иерархии аласти, существовавшей зимой 1917—1918 годов. Учредительное собрание, которое конституировалось, во всяком случае, исходя из мировой традиции, как высший орган власти, должно было признать себя с первого же дня своего существования сугубо зависимым от всех, даже от местных Советов.

«Декларация», по существу, отказывала народу в праве суверенно избирать своих представителей. Не согласны? Посмотрите текст декларации: «...Собрание полагает, что теперь, а момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти». Коротко и ясно. Но опять же в этом документе понятие эксплуататора никак юридически не определяется. Иначе говоря, любой интеллигент, а в общем-то, как свидетельствует наша история, не только интеллигент, но даже крестьянин и рабочий может быть подведен под определение эксплуататора. Кстати говоря, подобного рода интерпретации мы можем найти и в стенограмме самого Учредительного собрания. А наиболее откровенная формулировка мне попалась в брошюре, которую выпустили левые эсеры в 1918 году, она посвящена как раз Учредительному собранию, и ее авторы пишут, что после того, как большинством голосов председателвм собрания

Раскольников: Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного Собрания... *(Возгласы:* Долой! А вы революционвр?), избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению. *(Голос справа:* Чепуха. *Рукоплескания в публике.)*

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых с.-р., как и при Керенском, кормит народ посулами, на слоаах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против рабочих, крестьянских и солдатских Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа крестьянам... *(Крики:* Ложь, ложь! *Аплодисменты в публике),* против национализации банков, против аннулирования государственных долгов... *(Крики:* Болван! *В публике аплодисменты.)*

Председатель: Прошу не перебивать оратора.

Раскольников: Не желая ни минуты прикрывать преступлений врагов народа, мы заявляем, что покидаем зто Учредительное Собрание *(Бурные аплодисменты в публике),* с тем чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного Собрания. *(Крики:* Погромщик! *В публике аплодисменты.)*

Из стенографического отчета

был избран Чернов, а не Спиридонова (кандидатура большевиков и левых эсеров), размежевание сил стало совершенно определенным. Те, кто проголосовал за Чернова, однозначно являются врагами народа. Тем самым можно допустить, что враги народа — они, видимо, и эксплуататоры.

Скрипилев: Возвращаюсь к вашей жв мысли насчет того, что мы живем в восемьдесят восьмом году, а там был восемнадцатый. Нельзя, товарищи, с меркой правового государства, которого у нас пока еще нет и которое мы только строим, нельзя подходить к событиям того времени.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

28 ноября — день созыва, назначенный Временным правительством,— группы демонстрантов сняли охрану у Таврического дворца. Вместе с ними пришло несколько десятков депутатов. Они объявили себя частным совещанием Учредительного собрания. Большего сделать было невозможно: в Петроград съехались пока только 170 депутатов, в 7 часов вечера эсер В. И. Чернов закрыл это странное заседание.

Разгон: Но ведь вы посмотрите, какая любопытная вещь. В день роспуска Учредительного собрания «Известия» вышли с большой статьей Стеклова, написанной, видимо, накануне, из которой явствовало, что Учредительное собрание не только не будвт распущено, но и предполагается, что оно будет долго действовать и будут приняты всемерные усилия для того, чтобы Учредительное собрание как институт сохранилось.

Иоффе: У Ленина есть статья о Брестском мире, которая называется «Несчастный мир». Мне думавтся, сегодня тоже можно сказать «несчастное Учредительное собрание». Вспомните кинофильмы, книги. История с ним живописуется там в каком-то бравурном духе. Апофеоз этой радости — выход матроса Железнякова: караул устал, сматывайтесь. Зрители довольны: вот действительно по-революционному, по-большевистски: пришел — разогнал «учредилку». И слово-то какое — «учредилка».

К сожалению, в нашей историографии мы стали жертвами собственной бравурности, издевательского тона к представительному учреждению, стремления оправдать все, что бы ни сделали большевики. Эта апологетичность историографии оказала плохую услугу нашему обществу. Нужно объективно исследовать и говорить **всю правду,** в том числе и об Учредительном собрании.

Скрипилев: Но ведь с каким спокойствием принял народ сообщение о роспуске! Если бы речь шла о жизни и смерти государства, то, конечно же, реакция была бы иная. Событие это, хоть и пытаются придать ему мировое значение, прошло, по сути говоря, незаметно, тихо, спокойно. Так оно и угасло, Учредительное собрание.

Соколов: «В примитивном уме народа — толпы логика сказала: «Никто не защищал Учредительное Собрание. Почти никто. Значит, правда не на их стороне».

Что же мы могли сделать?»

Иоффе: На роспуске Собрания мы обычно заканчивали разговор. Вот и сегодня было сказано: Учредительное собрание тихо умерло. Оно не умерло. И важно рассказать, какоаа его последующая судьба. Значительная часть его правоэсеровской фракции и ЦК партии эсеров перебрались в Москву, оттуда в Самару. Затем они вынуждены были менять адреса: Уфа, Екатеринбург, снова Уфа... Из Омска последовал приказ Колчака «пресечь двятельность бывших членов съезда Учредительного Собрания, не стесняясь применением оружия». Большая часть их была арестована и переправлена в Омск. В ночь с 22 на 23 декабря из тюрьмы их увели на берег реки и отправили, на жаргоне колчаковцев, «в республику Иртыш»... Жестокая расправа колчаковцев с «учредиловцами» сильно повлияла на эсеров. У них выделилась целая группа, заявившая о готовности сотрудничать с Советской властью. В. И. Ленин, большевики приветствовали этот шаг.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

20 декабря Совнарком постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года при наличии кворума в 400 депутатов.

Когда в начале января восемнадцатого года Советская власть распустила Учредительное собрание, ни один волос не упал с головы ни у одного из депутатов. Но те из них, кто имел несчастье попасть в руки колчаковцев, лишились голов.

Думается, что финал судьбы Учредительного собрания еще раз подтверждает, что в эпоху раскола общества Учредитвльному собранию объективно не было места. В России эпохи революции и гражданской войны оно было обречено.

Максименко: Для Учредительного собрания просто не оказалось места в политической ситуации, в политической структуре России еще до того, как этот парламент собрался. Это совершенно ясно, но почему, почему — вот важнейший вопрос?

Кожокин: Дело в том, что ни одна из реальных политических сил страны не доверяла свободному волеизъявлвнию народа. Правые эсеры и меньшевики, находясь у власти, не спешили с созывом Учредительного собрания, Временное правительство дважды его откладывало (Учредительное собрание обрело для них величайшую ценность лишь после того, как они власть потеряли). Большевики же и левые эсеры зимой 1917—1918 годов, как тут говорилось, уже не нуждались в Учредительном собрании. Колчак вообще повелел расстрелять «учредиловцев». Глас народа оказался никому не нужным. Ни одной партии, когда она стояла у власти.

Иоффе: А может, это объясняется особой остротой классовой, политичвской борьбы, которая развернулась в России сразу же после февральской революции и корни которой лежали еще в дореволюционной России?

Максименко: Согласен, Учредительное собрание было обречено еще до 5 января 1918 года. Но вот вопрос: когда это стало свершившимся фактом? Мы не должны закрывать глаза на то, что стратегия партии большевиков от апреля до октября 1917 года и после — восходящая, кстати, к традиции европейской коммунистической революционности XIX века — может быть описана в виде треугольника: мировая революция, диктатура пролетариата, гражданская война. Отсюда ничего не вынешь, из этого треугольника, в нем и мировоззрение, и выбор тактических средств, и партийная психология, И диктатуру в этой стратегии не заменишь парламентом.

Кожокин: В этой связи ещв один вопрос, который не исследован истори-

ками, — была ли возможность каким-то образом интегрировать Учредительное собрание в советскую систему? Мы обычно рассматриваем главную линию, которая вела к роспуску парламента, а вот эту, вторую линию не изучаем, не исследуем.

Фадин: Думаю, что такой вариант был исключен, как, впрочем, и обречено на неудачу коалиционное правительство, ведь большевики утверждали, что коалиция возможна лишь исключительно на программе решений II съезда Советов, то есть, по существу, на их программе. По сути это ультиматум: вы к нам присоединяйтесь, мы с вами будем в коалиции.

Разгон: Хочу возразить вам. Понимаете, Учредительное собрание и его судьба — это в значительной степени и проблема блока большевиков и левых эсеров. В 1917 году этот блок был достаточно прочен на уровне низовых организаций, низовых Советов регионов. Но в отсутствие Ленина в Петрограде он не был подтвержден блоком на уроане Центрального комитета нашей партии и руководящего крыла левых эсеров во главе со Спиридоновой... Только с возвращением Ленина (в канун Октября) большевики стали настойчиво добиваться создания этого блока. Задача была сложной, и образовалось коалиционное Советское правительство фактически только в декабре. Уже когда выборы прошли в Собрание.

Я думаю, что если блок был бы образован в процессе избирательной кампании или сразу же после Октября, то мы бы имели по итогам выборов в Учредительное собрание совсем иное представительство, с перевесом голосов в пользу левых.

Фадин: Но коалиция — это всегда компромисс.

Решения II съезда Советов несли в себе немалый компромисс по существенному для эсеров вопросу — Декрету о земле. Или возьмите «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Мы обычно пишем, что это ленинская работа, она вошла в его Полное собрание сочинений. Это, конечно, так. Но в Учредительное собрание «Декларация» вносилась как документ, отражающий мнение двух партий — большевиков и левых эсеров. (С текстом предварительно работала специальная межпартийная комиссия ВЦИК.) Так появился тезис о социализации земли, очень важный и для Учредительного собрания, крестьянского Учредительного собрания в особенности.

А давайте обратимся к выработке соглашений 9 декабря 1917 года. Здесь тоже компромисс. Большевики предложили, как вы знаете, целую обойму угодных им народных комиссаров. Левые эсеры на это не согласились. И в течение пяти или шести дней утрясался список народных комиссаров.

Даже организация крестьянской секции при ВЦИК — это компромисс, потому что, с одной стороны, мы создали единую систему Советов, но и сохранили специальное крестьянское представительство в этой системе. И я глубоко убежден, что не будь левоэсеровского путча летом 1918 года, многие вещи мыслились бы иначе и пошли бы по-иному. Кстати, не было такой грандиозной опасности левоэсеровского мятежа летом, как это представляют наши историки и писатели, в том числе драматург Шатров. Это подтверждается тем, что периферийные партийные организации даже не были информированы о действиях своего ЦК.

Иоффе: Так это не путч?

Разгон: Именно путч. Путч одного только эсеровского ЦК.

Кожокин: Можно ли, исходя из ваших слов, сделать вывод, что коалиционные устремления большевиков были альтернативой поляризации политической? Думаю, нет. Из протоколов Учредительного собрания совершенно однозначно явствует, что депутаты, представлявшие там и партию большевиков, и коалиционных с ними левых эсеров, были настроены не на поиск вариантов соглашения, а на то, чтобы победить, включая все средства. Никаких оправданий по поводу расстрела демонстрации 5 января, никаких заверений, что насилия не будет применено, наоборот, постоянно апелляция к силе: говорите, что угодно, штыки за нас.

Разгон: Но ведь коалиционное советское правительство все же было создано! А для того, чтобы альянс состоялся, большевики проявили величайшие усилия, гораздо большие, чем их оппоненты или те, кого они приглашали в эту коалицию. А приглашали ведь не только левых эсеров, приглашали и объединенных социал-демократов — интернационалистов во время II съезда Советов. Мы плохо знаем II съезд Советов, пишем, что Ленина не было на первом заседании, он в это время руководил вооруженным восстанием. Мне удалось по ряду документов установить, что Ленин на этом заседании был. Только он не сидел в президиуме, а вел переговоры с эсерами и меньшевиками, предлагал им участвовать в правительстве. Для меня несомненно, что этот диалог в решающей степени способствовал тому, что левые эсеры не ушли со съезда, организовали в нем свою фракцию. А если бы ушли? Все 179 человек! С точки зрения политической борьбы их нужно было заполучить в союзники. Этим-то и занимался Ленин. Он почувствовал необходимость коалиционного советского правительства раньше, чем многие другие руководители партии. Настойчиво боролся за этот блок.

Манифестация 5 января 1918 г.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

С утра 5 января на улицах Петрограда появились демонстранты с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». В ряде мест открылась стрельба, появились убитые и раненые. Около 16 часов открылись двери Белого зала Таврического дворца. По неполным данным, в Учредительное собрание было избрано 715 депутатов, 5 января заседало не менее 410. Большинство депутатов уклонилось от обсуждения предложенной Я. М. Свердловым от имени ВЦИК «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», по сути, не признало декретов Советской власти. В первом часу ночи (уже 6 января) Ф. Ф. Раскольников зачитал декларацию об уходе большевистской фракции. От имени фракции левых эсеров аналогичное заявление сделал В. А. Карелин. А учредиловцы продолжали обсуждать собственные проекты законов. После требования охраны «покинуть зал» Чернов спешно предложил принять эсеровские законы без прений и в 4 часа 40 минут утра объявил перерыв до 17 часов 6 января.

Днем 6 января Совнарком принял декрет о роспуске Учредительного собрания, а в ночь с 6-го на 7-е января ВЦИК утвердил его при двух против и пяти воздержавшихся.

Заседание Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии

Скрипилев: Вся последующая практика говорила об очень серьезном, фундаментальном отношении большевиков к проблеме коалиционного правительства. Когда левые эсеры вышли из состава правительства в связи с Брестским миром, ЦК партии предпринимал немалые усилия, чтобы вернуть их. И когда мы говорим о блоке, в данном случае о коалиционном *советском* правительстве, мы не должны замыкаться только на РСФСР. Уже после того, как в Москве блок фактически распался, на Украине, в Сибири, в Средней Азии и на юго-востоке страны он продолжал существовать. Огромно было желание идти вместе. И если это не получилось, то вина в том — левых эсеров, лидеров этой партии.

Мы не должны выбрасывать этот период из нашей истории.

Максименко: Хорошее замечание, я его принимаю. Но я не так уж с вами и спорю.

Я ни в какой мере не хочу поставить под сомнение серьезность коалиционных инициатив большевиков. Я подчеркивал другое, а именно: эффективность стратегии Октября, в рамках которой цели диктатуры пролетариата и мировой революции соединялись и ставились во главу угла. Ведь надо хорошо себе представлять, что значил для всей партии идеал мировой революции и лозунг гражданской войны. Эти элементы сливались воедино не потому, что кто-то предпочитал сидеть на штыках, находя эту позицию удобной, упаси меня бог вообразить такое, а потому, что большевики, реализуя эту стратегию, предельно четко вслушивались в голос массы, голос улицы (и, кстати, их заклятые противники — и Струве, и Набоков, и Милюков — именно этому отдавали должное), что только они до конца понимали логику свершающегося. Может быть, это имел в виду Ленин, когда говорил: «остановиться невозможно».

Фадин: Судьба Учредительного собрания была обречена еще до рождения — с этим, кажется, теперь согласились все. Но вместе с тем здесь прозвучал и мотив неиспользованных возможностей. Какие же возможности были упущены на этом перекрестке российской истории? Сформулировать это не просто, ибо альтернативу приходится искать не только в рамках Собрания. Речь может идти о превращении Учредительного собрания в орган диалога различных политических сил с целью предотвращения гражданской войны. Пока партии ведут переговоры — пушки молчат. Это во-первых. Возможно было и разделение сфер влияния между СНК и Собранием, последнее могло заняться разработкой Конституции. Такой путь сулил в будущем некий симбиоз советской и парламентской системы. И в любом случае «выживание» Учредительного собрания означало бы многократное уменьшение шансов сталинского террора, кошмаров административно-идеологического давления. Уже одно это оправдало бы существование Учредительного собрания.

Скрипилев: Вы утверждаете, что будь у Собрания судьба иная, то, возможно, не имели бы места ни «чрезвычайщина», ни «сталинщина» с ее свирепыми законами 30-х годов, послужившими «юридической базой» массовых репрессий. Я имею в виду Постановление ЦИК СССР от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности, Постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 года об «измене Родине» и ряд других. На мой взгляд, генетической связи между этими законами и роспуском Учредительного собрания не было. Логика роспуска одна, а сталинских репрессий — совсем другая. Между январем 1918 года и концом 20-х — началом 30-х годов пролегли такие события, как гражданская война и военный коммунизм с его, говоря словами Н. Бухарина, «осадной экономикой», то есть продразверсткой, конфискацией и реквизицией... Вот это и была подлинная, реальная классовая борьба, развернувшаяся по принципу «кто кого». А та классовая борьба, о которой твердили Сталин и его ближайшее окружение в 30-е годы, существовала в значительной мере лишь в их воображении.

Максименко: Зачем семьдесят лет спустя мы возвращаемся к Учредительному собранию? Может, затем, чтобы попытаться расслышать голоса сынов революции на всем ее протяжении, включая и те, что были приглушены и забиты разгоном «учредилки»? От этого (в том числе и от этого) зависит сегодня, чтобы Бухарину, «едущему» из спецхрана, не «шествовал» навстречу Сталин, отправляющийся в спецхран. Мы уже наговорились, кажется, вдосталь о плюрализме мнений. Но ведь плюрализм — столкновение не только идей, но и тех, кто их выдвигает. Да, столкновение нередко ведет к размежеванию. Это пугает. Ну, а единодушное одобрение разве не страшнее?

Признать плюрализм — значит расширить гражданские возможности и **для меньшинства**, в том числе и для людей с немарксистским мировоззрением, верующих, признать множественность социальных интересов и дать им возможность получить политическое выражение. Если этого не будет, плюрализм мнений, с моей точки зрения, шансов выжить, а тем более развиться не имеет. Рассуждая в этом ключе, мы видим пользу возвращения к таким темам, как судьба Учредительного собрания. Понимание этой судьбы сегодня (в 88-м, а не в 18-м) требует обращения к логике не гражданской войны, а гражданского мира, в условиях которого мы живем или стремимся жить.

Фадин: Наша историческая реальность оказалась расслоенной, так же как и истина, и ценности, которые она в себе несла. Сегодня в некоторых кругах либеральной интеллигенции можно встретиться с точкой зрения, что этому государству верить нельзя, сотрудничать с ним не имеет смысла. Оно несет на себе первородный грех насилия над большинством населения. Оно возникло антидемократическим путем в страшной кровавой резне и не отреклось до сих пор ни от чего из своего прошлого, и поэтому, стало быть, достойная интеллигента и гуманиста позиция — неучастие в его делах.

Наиболее ярко эта точка зрения была сформулирована и воплощена в семидесятые годы в судьбах так называвших диссидентов, особенно правозащитного направления. И нельзя сказать, что эта точка зрения совсем ушла из нашего общественного сознания. До тех пор, пока мы не сформулируем отношение к обстоятельствам рождения нашего государства, мы не можем рассчитывать на тот гражданский мир, о котором тут Владимир Ильич

Максименко сказал, будто он уже существует в стране. Нет, я решительно не согласен. Гражданский мир **еще надо построить.** Это ведь не просто состояние, когда люди не режут друг друга, а некий механизм, который надо выстроить. И здесь нужно для себя решить одну важную дилемму: из какого корня мы себя выводим?

Иоффе: Что вы имеете в виду?

Фадин: До апрельского Пленума мы жили в обстановке полного единства, но как только появилась возможность больше говорить и каждому быть самим собою, оказалось, что люди мы очень разные. Причем различия эти не только поверхностные, но и сущностные. Ленин, Бухарин, Сталин, военный коммунизм, нэп, индустриализация — вот те исторические пласты и символы, в которых наши современники ищут исторические параллели, теоретические концепции и опору для себя.

Но нельзя закрывать глаза и на то, что существует непризнание социализма большевистского понимания, да и социализма вообще. Это мыслители либерально-демократического и консераативно-почвенного направления, это и группы активистов типа «Демократического союза», и сотни политизированных неформальных групп разных направлений — от анархистов до социал-демократов и народников. Эти люди также ищут себе исторических предшественников, ищут свою историческую почву в различных течениях русской мысли (в том числе и революционной) и российской истории.

Таким образом, в современности сосуществуют приверженцы различных политических партий и течений мысли, причем партии и силы эти вели в прошлом друг с другом борьбу на уничтожение. Поскольку одна из партий победила, то реальный плюрализм истории свелся к двум полюсам: «победители» — и все остальные.

Возникает вопрос: как примирить эти два начала, дабы выстроить действительно гражданский мир? Потому что если мы не найдем основания, на котором можно их примирить, то у нас не будет гражданского мира. В том понимании, какое существует в цивилизованных странах.

А примирить может лишь историческая наука и в широком смысле культура. Ведь до сих пор вся советская историография отражает лишь позицию «победителей», в ней совершенно не анализируются альтернативы и упущенные возможности, и гражданская война для нее — это не колоссальная народная трагедия, а лишь эпизод борьбы «добра» со «злом», этап в борьбе «победителей» за власть.

«Победитвлей не судят». Но история судит всех. И сегодняшний наш разговор это доказывает.

Как же сделать столь радикальный шаг в историографии? Мне представляется, что начать следует с формирования нового пантеона — «единой революционной семьи».

Да, эти люди боролись друг с другом насмерть. Да, одни расстреливали других и не видвли возможности компромисса. Но и те, и другие являются нашими соотечественниками, нашими предшественниками. К тому же сегодня мы видим, что с точки зрения ценностей и идеалов большая часть из тех, кто стрелял друг в друга, были по одну сторону. Нвобходимо легализовать в историческом сознании реальный спектр позиций, для начала хотя бы представленный в Учредительном собрании. Без зтого невозможно запустить процесс формирования гражданского мира, его механизмов диалога и сотрудничества. Сначала нужно признать право партнера по диалогу на существование — и в прошлом, и в настоящем. Монополия на власть — это сегодня факт, но отказаться от монополии на истину, на историческую правду надо уже сегодня!

Вы, конечно, знаете, что в Испании существует Долина павших, которую Франко первоначально предполагал сделать мемориалом погибших в крестовом походе против коммунизма. Но долина со временем превратилась в памятник всем павшим в гражданской войне, в том числе и строившим этот мемориал заключенным республиканцам. В Мексике существует доктрина единой революционной семьи, где вчерашние смертельные враги (но не палачи!) оказались в одном историческом пласте.

Собственно, сегодня этот процесс уже начался и у нас. Мы реабилитируем и пытаемся понять тех людей, которые боролись насмерть друг с другом в партии. Теперь нужно сделать еще один шаг, подняться над межпартийной борьбой. И сегодняшний разговор об Учредительном собрании, по-моему, дает для того прекрасную возможность.

Иоффе: Я бы включил в этот пантеон нв только твх, кто выступал в Учредительном собрании, но и тех, кто воевал в белой армии, а впоследствии переосмыслил свое отношение к Родине. Грех — на исторической науке: она стремилась конфликты революции и гражданской войны продолжить в историографии на века. В ней все еще «разоблачаются» меньшевики и зсеры, все еще «рубится контра». А сколько времени прошло...

Скрипилев: Все же не могу не высказать опасения: как бы мы не поставили на одну доску жертву и ее палача...

Иоффе: О тех, у кого разногласия с Советской властью прочно перешли в ненависть к народу, в активныв антисоветские действия, речи нет.

Скрипилев: Не идеализируем ли мы положение, говоря о возможности гражданского мира? В основе действий социальных групп лежат все-таки не благие намерения, а те или иные интересы. Попробуйте-ка примирить сегодняшнего бюрократа и рядового труженика! А вспомните XIX партконференцию — как разделились полюса! И сколько ни призываем к консолидации сил за перестройку, взаимообвинения не утихают, страсти кипят нешуточные...

Максименко: Я не стал бы смешивать гражданский мир и пресловутое «морально-политическое единство», введенное в идеологический оборот авторами «Краткого курса». Гражданский мир — зто общественное состояние, конституирующее себя как множественность несовпадающих, спорящих и свободно выражающих свбя социальных интвресов. Политической надстройкой над таким обществом выступает власть, признающая эту множественность и кладущая правовой предел любым попыткам насильственного ее упразднения. Многоголосие и есть природа гражданского мира — надо привыкнуть к этой мысли. Жизнь, время, общество требуют того.

В историческом отношении путь к гражданскому миру лежит через признание трех условий: а) наше свгодняшнее общество родилось из революции и революционного насилия; б) у революции как исторического феномена своя логика, свои права, свои законы; в) история не сводима к революции, она не должна мыслиться и твориться как сплошной революционный процесс.

Разгон: Плюс к этому мы должны непременно оставаться историками и не вырывать Учредительное собрание из контекста 1917—1918 годов, иначе будем плодить новые и новые мифы. Это во-первых. А во-вторых, наверное, все сделали такой вывод из сегодняшней встречи: проблемы Учредительного собрания много сложнее и многограннее, чем это виделось, скажем, матросу Железнякову.

Мы не пришли здесь к единому мнению, в ходе обсуждения выявились различные подходы к твме. Это и прекрасно. Как заметил великий Гете, между крайностями лежит не истина — проблема. Так что, полагаю, сегодняшняя дискуссия не последняя.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

«Вот оно — настоящее Учредительное собрание трудового народа, вот он — подлинный рабочий парламент!» — писали «Известия ВЦИК», приветствуя открывшийся 10 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, слившийся с Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов. Крестьянским депутатам было предложено высказать свое отношение к Учредительному собранию. Результаты анкетирования таковы:

За уход большевиков и левых эсеров из Учредилки — 377
считали уход преждевременным — 4
против ухода из Учредилки — 11
за новые выборы в Учредилку — 1
27 чел. дали неопределенные ответы или вовсе никаких».

ДАР ПРОЗОРА

Михай ЧИМПОЙ,
литературовед

Человеческое существо было бы вовсе нищим и беспомощным перед разного рода разрушительными факторами (увы, их накопилось так много в нашем веке), если бы оно не было бы наделено сокровенным даром прозрения.

У Даля зафиксировано и выражение «даръ прозора» с четким обозначением исконного смысла последнего слова: прозор — это «открытый вид куда-либо» и в то же время «прочисть, просека, сквозь которую данъ глазу просторъ видеть вдаль».

Если согласиться с гегелевскими «феноменологическими» этапами духа, то мы сначала обнаруживаем общив признаки вещей, потом, элементарно обобщая их, переходим в сверхчувственный мир, где познаем законы, после чего в процесс познания включается самосознание и т. д. Остановить этот процесс на любом этапе — значит обеднить себя: всегда надо «видеть вдаль»...

Поэтому настоящий процесс обострения сознания (социального, национального) не пугает меня: он эффективно восстанавливает дефицит дара прозора, который долго терзал нас.

Мы просто оказались в экстремальной ситуации, требующей немедленного возврата потерянного, особенно в области духа и морали.

Возможен ли этот возврат?

Думаю, что да.

Дух умеет возродить себя даже после самых тяжелых потрясений, после самых ужасных грехопадений, вспомним героев Достоевского.

В нашем случае требуется, однако, удвоенная нравственная энергия, ведь мы должны одновременно видеть и в даль будущего, и в даль прошлого...

Таким образом, наступил час возвращений к потерянному, забытому, недосказанному. Час возвращения Правды. Дух благороден решительностью отстранить временное неведение, умением просыпаться от сна разума, порождающего, как известно, чудовищ.

Мне пришлось встречаться недавно с японским писателем Сумиёй Наруя, которого привело в Молдавию стремление общаться с культурой, еще близкой к природе.

Восточный человек, человек, представляющий суперцивилизацию в поисках утраченной органичности!

Сумия немолод, ему уже 57 лет, из них семь он отдал самостоятельному изучению нашего языка. Этот жест, безусловно, льстит моему национальному сознанию. Но более важно само внутреннее побуждение посмотреть за ограждающие дух стены цивилизации вдаль. Японский дух периодически закрывается в себе и открывается к миру. Своеобразная интуиция работает четко в направлении выбора момента для одной или другой фазы. Но культура без чувства и без умения усваивать органическое немыслима. Это ее определяющий и формирующий принцип.

«Американская цивилизация наскучила нам, французская ничего особенного не сулит нам, приходится искать культуру, которая еще не потеряла связи с природой».

«Еще не потеряла...» В этом выражении есть безусловная нотка горечи, щемящей сердце.

И мы показали японскому гостю еще не до конца испорченное истинное лицо молдавской земли, еще сохранившиеся памятники дорогой нам старины, еще не до конца забытую родную речь. Бригадиры, агрономы, председатели колхозов, представители райкомов партии диву давались, услышав чистый молдавский говор из уст... японца.

Мы все рано или поздно последуем японской прозорливости и начнем возвращаться в сферу природного.

Но ведь восстанавливать органическое — это гораздо сложнее, чем возвратить задолженные деньги или окупить простаивание машин на каком-то промышленном предприятии. Скажем, высушили в Молдавии кагульские болота, а потом, когда обнаружили, что экологическое равновесие нарушилось и окружающие земли стали неплодородными, стали пускать воду обратно, но прежние болота так и не были возрождены. Операции по реабилитации органическая природа болезненно претерпевает: это же резекции по живому организму!

Одно время мы очень робким и нежным поэтическим слогом говорили о «малой родине» (оба слова писались с маленькой буквы), забывая о том, что на шкале моральных и духовных ценностей «малого» просто не бывает.

Наша культура познала такие же «экологические» нарушения. Истинные ценности исключались из культурного процесса, здравый смысл был растоптан ногами чиновников, театры ставились на длительные ремонты (некоторые из них продолжаются и сегодня), из драматургии и вообще из литературы исключалась цветовая гамма в угоду одному цвету — триумфальному.

Но у культуры есть очень развитый инстинкт самозащиты, хотя и примеров деформации ее природы и утраты ве смысла предостаточно.

Во всяких неблагоприятных обстоятельствах меня выручала как раз... культура. Избегая контактов с ограниченными умами определенных университетских профессоров, я отдал себя самостоятельному выпестованию в библиотеках, то есть возвращал потерянное на месте. Образцы прямоты, искренности, внутренней свободы духа представляла мне русская культура в лице Пушкина, Белинского, Достоевского, Лермонтова. Постижение сложной и яркой личности Эминеску помогло подняться над «узким кругом», как говорил он, литературных и особенно окололитературных дрязг.

Культура как бы создает второй, более совершенный, «платонический» мир наподобие карнавального, блестяще описанного Бахтиным. Она зиждется не на механическом накоплении, а на органическом усвоении ценностей.

Давайте возвратим природе и культуре потерянную органичность! Сегодня это первая, самая насущная и неотложная задача интеллигенции.

Кишинев

ТРИ ЖИЗНИ, ИЛИ ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ГААЗЕ

«Я не хочу, я не могу верить, что можно сознательно и хладнокровно причинять людям терзания, заставляющие иногда пережить тысячу смертей до наступления настоящей».

(Ф. П. Гааз)

«Доктор Гааз находится не в здравом душевном состоянии...»

(Из доноса)

Георгий ОСИПОВ

Толковый словарь русского языка серьезно и суховато разъясняет нам, что «легенда — это вымысел, выдумка, то, что кажется невероятным». Странная диалектика: случается, что вымысел неожиданно оказывается явью, и мы охотно говорим: «как в сказке». Бывает и иначе: люди, реально существовавшие, обстоятельства их жизни окутываются такой пеленой преданий, что поневоле задумаешься — не выдумка ли?

...Если идти путаными переулками Барашевской слободы в час, когда первые солнечные лучи едва затеплятся на золоте крестов Введенской церкви, и свернуть в переулок, некогда звавшийся Малым Казенным, то вполне возможно, что на стене здания, повернутого фасадом во двор и знавшего за почти двухвековую историю немало переделок, вдруг промелькнет тень высокого, сухощавого человека в наброшенной на плечи несуразной шубе.

И шубу, и владельца ее когда-то знала буквально вся Москва. Одни молились на него, как на святого, другие шарахались, как от прокаженного, третьи без ярости не могли и слышать имени человека, тропинка к которому ныне густо и зло поросла непролазным быльем. Наша статья — один из первых шагов по ней, и немыслимо в пределах одной публикации хотя бы просто перечислить все сделанное тем, кого народ еще при жизни прозвал «святым доктором».

Я заранее винюсь перед читателем за грядущее изобилие цитат, но все же предпочитаю следовать совету Честертона, великого и лукавого: «Перестаньте хоть на время читать то, что пишут живые о мертвых; читайте то, что писали о живых давно умершие люди».

Фридрих Йозеф Гааз, в России ставший Федором Петровичем, родился 24 августа 1780 года в городке Мюнстерайфеле близ Кельна, городке столь малом, что и не на всякой современной карте сыщешь. Семья была большая, однако отец, служивший простым аптекарем, сумел дать сыновьям хорошее образование — Фридрих Йозеф учился в Вене, у знаменитого в те годы офтальмолога Шмидта. Но вполне возможно, что грядущая судьба Гааза тем не менее исчезла бы безвозвратно в трясине заурядных бюргерских биографий, если бы не встреча с Россией.

А Россия впервые явилась молодому врачу в образе занемогшего князя Репнина, которому вылечивший его Гааз понравился до того, что был приглашен им в Москву. Гааз приглашение принял, и взлет его по ступеням чиновной карьеры был стремителен и легок: не проходит и пяти лет, а он уже главный врач Павловской больницы и награжден Владимирским крестом четвертой степени. Этой наградой Гааз очень гордился и не расставался с ней никогда. В 1809—1810 годах он совершил путешествие на Кавказ, о чем написал книгу «Моя поездка на Александровские воды». Большая часть ее тиража исчезла в огне московского пожара 1812 года, но несколько экземпляров уцелело, и мы можем прочесть — не из праздного любопытства, а с точки зрения дальнейшей судьбы автора — его мысли о медицине и о человеке.

«Никакое средство не является само по себе лекарством,— писал Гааз,— все зависит от способа его применения; любое лекарство может сделаться ядом... Медицина — *царица наук* (курсив автора.— Г. О.). И вовсе не потому, что жизнь, которую она поддерживает, столь прельстительна и дорога для людей; а потому что здоровье человека — это условие, без которого в этом мире невозможно ни великое, ни прекрасное; потому что жизнь есть исток, венец и основа всего на свете...» И далее: «Но мы не допустим в число жрецов этого великого искусства наемников, которые совершают отвратительное должностное преступление, принося больных и собственную честь в жертву гордости и алчности».

О человеке же Гааз писал:

«Человек редко думает и действует в гармоническом соответствии с тем, чем он занят; образ его мыслей и действий обыкновенно определяется совокупностью обстоятельств, отношение коих между собою и влияние на то, что он называет своим решением или своею волею, ему не только неизвестны, но и вовсе им не сознаются. Признавать эту зависимость человека от обстоятельств — не значит отрицать в нем способность правильно судить о вещах... или вообще считать за ничто волю человека. Это было бы равносильно признанию человека — этого чудного творения — несчастным автоматом. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, как редки между людьми настоящие люди. Эта зависимость требует снисходительного отношения к человеческим слабостям и заблуждениям. В этом снисхождении, конечно, мало лестного — но упреки и порицания по поводу такой зависимости были бы и несправедливы, и жестоки».

Так доктор Гааз писал. А что же он делал? С точки зрения начальства всех мастей, характер у доктора был не сахар. Не забудем при этом, что был Гааз отнюдь не рядовым медиком — в течение пяти лет он занимал должность главного врача всей Москвы.

Сначала сей доктор, даже не разумевший толком по-русски, предложил облегчить российским изобретателям возможность применения и сбыта «предложенных ими полезных средств». Ему вполне терпеливо постарались внушить, что на сей предмет «уже существуют надлежащие и достаточные законоположения». (Заметим в скобках, что надлежащих и достаточных законоположений не существует и спустя 160 лет после этой отписки.)

Гааз не унимался. Регулярно представляя сведения обо всех внезапно умерших и видя причину в отсутствии быстрой помощи, он предложил учредить должность особого врача для попечения всех внезапно заболевших. «Мера сия излишня и бесполезна»,— ответствовали свыше. Одним словом, в усилиях Гааза видели только блажь преуспевающего человека.

Много лет спустя, когда от преуспевания не останется и следа, доктор Гааз напишет с горечью: «...до последней степени оскорбительно видеть, сколь много старания прилагается держать букву закона, когда хотят отказать в *справедливости!*» (курсив мой.— Г. О.).

Но внешне тем не менее Гааз преуспевал: имел в собственности деревню Тишки с сотней крепостных, небольшой заводик, великолепный выезд. Сорок семь лет — не старик еще, но пора уже, как говорится, и о вечном задуматься. Вот каким увидел современник нашего героя в 1827 году: «Он постоянно носил костюм своих молодых лет, напоминавший прошлое столетие: фрак, белое жабо и манжеты,— короткие, до колен, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки с пряжками; пудрил волосы и собирал их... в широкую косу с черным бантом... ездил цугом, в карете, на четырех белых лошадях... Гааз вел жизнь серьезного, обеспеченного и пользующегося общественным уважением человека...»

И вдруг (легенда есть легенда!) все это исчезает с поистине сказочной быстротой. Что остается? Пустая и бедная квартирка. Та самая, траченная молью волчья шуба. Смородинный лист вместо чая по утрам. Дрожки с жуликоватым кучером Егором (Гааз отлично знал, что сей возница немилосердно дурачил и обсчитывал его, но по доброте терпел) и полуживыми клячами, которых сердобольный доктор вытаскивал буквально из-под ножа бойни. Словом, когда пришла пора хоронить когда-то далеко не бедного Гааза, в его квартире не нашлось ничего, кроме горсти медных монет, и похороны отнесли на счет полиции.

«Воля ваша,— скажет бессмертный, как зависть, обыватель (и по-своему будет прав).— Все-таки он был сумасшедший, ваш Гааз. Что ему, больше всех надо было? В государстве бенкендорфов, клейнмихелей и нессельроде завидной долей было числиться уроженцем берегов Рейна, а уж во врачебном сословии — тем паче. И не зря, ох, не зря Ермолов просил произвести его в немцы!»

Еще одно свидетельство: «Доктор Гааз — один из людей, чья внешность и одеяние вызывают мысль о чем-то смешном или же, наоборот, особо почтенном, чье поведение и разговор до такой степени идут вразрез со всеми взглядами нашего времени, что невольно заставляют подозревать в нем или безумие, или апостольское призвание...»

Верно. Но ни безумцами, ни апостолами не рождаются. Мы уже отчасти показали, что первые ростки «апостольского» призвания Гааза прорастали еще с молодых лет, и требовалось дело на всю жизнь, чтобы они обратились в лес, способный принимать на себя и задерживать лавины чужих и своих бед, печалей и болезней.

В 1828 году в Москве был учрежден благотворительный губернский тюремный комитет, непременным членом которого стал Гааз. Возглавил комитет князь Дмитрий Владимирович Голицын, генерал-губернатор первопрестольной, сын знаменитой Н. П. Голицыной-Чернышевой, возведенной в бессмертие пушкинской «Пиковой дамой». Он любил повторять, что и злейшие из преступников никогда не безнадежны к исправлению.

Воздадим князю должное: он немало помогал Гаазу и, возможно, не только из-за чисто человеческой симпатии к нему, но и из-за осознания невозможности отделаться от настырного доктора, который однажды в ответ на угрозу князя запереть все двери (и не допускать таким образом почтенного Федора Петровича на заседания комитета) заявил, что ему, мол, и окно — дверь... Но не все были такими, как Голицын, как сменивший его князь Щербатов, воспринимавший Гааза уже отчасти как «неизбежное зло». Кстати, именно Щербатову мы обязаны существованием единственного портрета Федора Петровича Гааза, все, кажется, сделавшего для того, чтобы не оставить миру ни одного своего изображения. Князь как-то пригласил Гааза якобы по делу, а сам заранее спрятал за ширмой художника.

Позднейший биограф Гааза (что это был за биограф — речь впереди) писал: «Гааза окружали — косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт... противоположный его великодушному взгляду на человека».

А какова среда — таковы и ее порождения. Вроде генерала Капцевича, удивительным образом совмещавшего в себе «отца солдат», заступника ссыльных декабристов и вместе нетерпимого державиморду крепчайшего аракчеевского закала. Или генерал-губернатора Москвы с 1848 года Закревского — уменьшенного и ухудшенного подобия государя. Но много времени пройдет до того часа, когда Закревский вынужден будет пойти на поклон к Гаазу, а пока на нашем календаре лишь год 1829-й. Впервые тогда предстала перед Гаазом «романтика» российских каталажек.

Нередки были случаи, когда в камерах размером три на шесть саженей содержалось по сто и более человек. Наиболее «неблагонадежным» арестантам в рот вгонялись деревянные распорки, а на шею надевались железные рогатки. Платья казенного заключенным не полагалось, а питались они... на 15 копеек в день. Что это было за питание, видно из типичного рапорта того времени: «...один с приключившейся от голода пухлости умре, да и остальным тридцати тоже следовать межет». Но «следовало» арестантам и кое-что пострашнее, ибо едва ли не единственная мысль, которой официально дозволялось быть ключом под сенью фасадной империи, была мысль охранительно-полицейская.

В апреле 1824 года в порядке заранее признанного удачным эксперимента для конвоирования арестантов был введен железный прут. На него надевалось от восьми до десяти «запястьев», затем в ушко вдевался замок, а в каждое «запястье» — рука арестанта. Ключ от замка клался в висевшую на груди конвоира сумку, которая запечатывалась начальником этапа, и распечатывать ее до следующего строго запрещалось. Таким образом, прут причинял не только физические страдания заключенным, прикованным к нему без различия сил, сословий и возрастов, но и уничтожал — а это признавалось особенно важным — всякий намек на индивидуальность.

Четверть века боролся доктор Гааз с прутом, и, наверное, можно было бы сказать, что эта борьба стала главным делом его жизни, если бы любое дело не делал он столь же искренне, самоотверженно и даже отчаянно, для него словно не существовало ни канцелярских капканов и рогаток, рвавших душу, ни традиционно российского «рукавоспустия», ни косых взглядов окружающих, ни горечи многочисленных разочарований в людях. Князь Голицын, сколько мог, поддерживал Гааза, но твердыни бездушия и бюрократизма стояли, казалось, несокрушимо.

В своей превосходной статье, написанной к 200-летию со дня рождения Гааза, Булат Окуджава писал: «Но он добился отмены» (прута.— Г. О.). К сожалению, это не так, в отличие, скажем, от другой варварской меры — бритья половины головы всем арестантам, которое стараниями Гааза было отменено в 1846 году. Прут же, «благородно» замененный цепью, прекратил существование только вместе с переменой способа перевозки заключенных.

Но Гааз, который, по словам своего биографа, «не понимал, что значит «уступчивость», когда требование предъявлялось не во имя своего *личного* (курсив автора.— Г. О.) дела», пошел другой дорогой. Один из друзей Гааза застал его как-то... в цепях. Так доктор на себе проверял, сколько возможно пройти в кандалах его собственной конструкции, которые впоследствии названы были гаазовскими: облегченного веса, с длинной цепью, которую можно было привязать к поясу, они не стесняли движений, а железные наручники, в студеную зиму нередко перетиравшие руки до костей, обшивались сукном или мягкой кожей. И после смерти «святого доктора» на его имя продолжали приходить счета от кузнецов: кандалы он заказывал за свой счет.

Я предвижу в лучшем случае недоумение, а в худшем — праведный гнев со стороны тех, кто упрекнет Гааза в том, что вместо того, чтобы бороться за отмену всех и всяческих кандалов, он, видите ли, новые изобрел. Тех, кто привык думать, что с издавна существующей в нашем сознании вечной зимой (или в крайнем случае глубокой осенью) царизма надобно было бороться лишь баррикадами, тайными обществами или же по меньшей мере «Колоколом» или «Полярной звездой». Но каждому — свое, и как же быть, если многие из пациентов доктора Гааза знали лишь одно, не отмеченное тонкостью мысли ссыльно-каторжное общество, колокол слышали единственно в тюремной церкви, а Полярная звезда хладно и равнодушно сияла над бесчисленными этапами?

Гааз, вспоминал петербургский юрист Е. Матисен, «энергическою осанкой своей напоминал Лютера». Подобно великому реформатору, Гааз так же гордо мог бы сказать всем своим настоящим и будущим судьям: «Стою на том, и не могу иначе!» А «стоял» он всю свою жизнь на убеждении, что между преступлением, несчастьем и болезнью есть теснейшая связь, что порой невозможно отделить одно от другого, а поэтому требуются справедливое отношение к виновному, сострадание к несчастному и помощь больному.

Никогда Гааз не ограничивался собственно лечением, медикаменты были у него всегда как бы на втором плане, а на первом — сердечное участие, забота и в случае необходимости горячая и страстная защита. «Врач должен помнить,— не уставал повторять Гааз,— что доверенность, с какою больные предаются, так сказать, на его произвол, требует, чтобы он относился к ним чистосердечно, с полным самоотвержением... с тем расположением, какое отец имеет к детям...» Когда московский тюремный замок посетил Николай I, Гааз опустился перед ним на колени и не встал до тех пор, пока царь не помиловал еще живого семидесятилетнего старика, обреченного тем не менее на цепи и этап. Почти полторы сотни дел было пересмотрено по ходатайству Гааза!

Тысячи заключенных находились тогда в переполненных московских застенках, места не хватало, а потому обычай был жесток: партия арестантов приходила в пересыльную тюрьму и почти сразу же, через день-другой, отправлялась дальше. Гааз добился, чтобы этот срок был увеличен до пяти-шести дней: люди успевали немного отдохнуть, а заболевших Федор Петрович вообще оставлял в Москве. В 1851 году Закревскому показалось, что число больных чрезмерно велико, и к Гаазу назначили проверяющего. Им оказался хорошо известный в Москве Николай Христофорович Кетчер, тот самый, что, по словам Тургенева, «перепер... Шекспира на язык родных осин». Человек со злым языком и добрым сердцем, он всецело доверился Гаазу, и «не совсем здоровых» арестантов стало ничуть не меньше.

Федор Михайлович Достоевский, впервые услышавший о Гаазе на каторге, живо интересовался его личностью: имя Гааза встречается в черновиках «Преступления и наказания», «Жития великого грешника».

Одиннадцать тысяч собственных рублей пожертвовал Гааз в пользу арестантов в 1847—1848 годах, когда из-за неурожая был урезан их рацион. Да что деньги? Все раздавал этот невероятный человек. Даже носовые платки, которые, бывало, незаметно для почти нищего доктора подкладывали ему в карманы знакомые дамы. При таком отношении даже у самых заматерелых уголовников язык не поднимался сказать Гаазу грубое слово, а в рудниках теплились лампады в его честь. Выходя на волю и обосновываясь в Сибири, эти люди часто спрашивали приезжавших из Москвы: «А жив ли еще доктор Гааз?»

Именно к Гаазу относится старое московское предание, имеющее немало черт бродячего сюжета, но «святому доктору» оно подходит более, чем кому-либо.

...И будто был однажды, глухой зимней ночью, вызван доктор Гааз к бедняку-больному. Не стал доктор будить кучера Егора, а пошел темными переулками сам, и был остановлен лихими людьми. «А ну, снимай шубу!» — потребовали они. Гааз объяснил, что идет к больному, что время не терпит — все впустую. «Если вам так плохо, что вы пошли на такое дело,— сказал старик грабителям,— то приходите за шубой ко мне, я велю вам ее отдать или прислать, если скажете — куда, и не бойтесь меня, я вас не выдам: меня зовут доктором Гаазом и живу я в больнице, в Малом Казенном переулке...» «Батюшка, Федор Петрович! — в один голос воскликнули незваные собеседники,— да кто ж посмеет тебя тронуть, иди себе с богом, а коли позволишь, так мы тебя проводим...»

Малый Казенный переулок. Полицейская больница для «бесприютных». Любимое детище доктора Гааза в последние годы его жизни. Принимал — всех, несмотря на то, что мест в больнице было немного — всего 150. «У Гааза — нет отказа»,— говорили о нем. Это «нет отказа» привело к тому, что и собственная крохотная квартирка Гааза всегда была полна пациентов. Однажды вызвал к себе доктора князь Щербатов и стал требовать сокращения числа больных до нормы. Ничего не сказал старик, только опустился на колени и заплакал, как ребенок.

А в Москве говорили потом, что Гааз *выплакал* себе право неограниченного приема больных.

Правила, заведенные Гаазом в больнице (при его жизни из тридцати тысяч больных поправилось более двадцати тысяч), были просты, но своеобразны. Первейший закон: не лгать! «Кодекс» Гааза, за малейшее нарушение которого виновный расплачивался дневным жалованьем, столь любопытен (и актуален!), что стоит воспроизвести его полностью: 1) «всякому человеку дать ответ на его вопрос обстоятельно и чистосердечно, так, как бы сам желал получить ответ; 2) ежели что обещал, так исполнить; 3) стараться приноровить себя к правилам... Азбуки христианского благонравия; 4) не употреблять горячие (так! — Г. О.) напитки; 5) стараться и других убедить в соблюдении сих правил».

В 1848 году в Москву нагрянула холера. Началась паника, и губернатор Закревский, понимая, что люди уже не верят ни ему, ни кому-либо другому из власть предержащих, вынужден был обратиться за помощью к столь ненавистному ему Гаазу. И многие видели на московских улицах знаменитую пролетку, с которой «святой доктор» успокаивал народ и объяснял, как уберечься от страшной болезни. Чтобы доказать «незаразительность» холеры, Гааз несколько раз садился в ванну, из которой был едва вынут умерший больной — а было Федору Петровичу уже шестьдесят восемь лет!

Известный московский врач профессор Новацкий оставил такое воспоминание о последнем годе жизни Гааза: «Мне пришлось... принять один раз Федора Петровича и представить ему... больную крестьянскую девочку. Одиннадцатилетняя мученица эта поражена была на лице редким и жестоким процессом, известным под названием водяного рака, который... уничтожил половину ея лица вместе с одним глазом. Кроме быстроты течения и жестокости... болей, случай этот отличался еще тем, что ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоние, подобного которому я не обонял в течение 40-летней врачебной деятельности. Ни врачи, ни прислуга, ни даже... мать не могли оставаться в комнате, где лежала несчастная страдалица. Один Федор Петрович... пробыл при ней более трех часов сряду и притом сидя на ея кровати, обнимая ее, целуя и благословляя. Такие посещения повторялись... два дня, а на третий — девочка скончалась».

Федор Петрович Гааз умер 16 августа 1853 года, и в его квартире, как мы уже сказали, не нашлось ничего, кроме нескольких медяков, пары астрономических труб и рукописи книги «Призыв к женщинам» — своего рода завещания. В нем — главный принцип жизни автора: «Самый верный путь к счастию не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми».

Двадцать тысяч человек собрались на похороны «святого доктора» — и гроб несли на руках до кладбища на Введенских горах. С. П. Шевырев написал трогательное стихотворение «Памяти Ф. П. Гааза», газеты были полны цветистыми, полными общих фраз некрологами, а Герцен вскоре напишет в «Былом и думах»: «Память об этом юродивом и поврежденном не должна заглохнуть в лебеде официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде гниения тела»...

Итак, первая жизнь кончилась. Растеклись без следа по матушке-Москве тысячи провожавших, на могильном холме показалась первая травка, которая и оказалась по горькой иронии травой забвения.

«Гааз не видел ни продолжателей впереди, ни прочных, оставленных следов позади». Человек, написавший эти строки, был почетным академиком, сенатором, действительным тайным советником, одним словом — «высокопревосходительством», но под мундиром, усыпанным орденами, таился не только удивительно родственный гаазовскому дух, но и блестящий литературный талант. Практически всем, что знаем о Гаазе, мы обязаны Анатолию Федоровичу Кони, поистине даровавшему «святому доктору» вторую жизнь. С 1897 по 1914 год — пять изданий книги о Гаазе (она вошла в четвертый том собрания сочинений Кони, впрочем, практически недоступного современному читателю).

Памятник Гаазу работы знаменитого скульптора Андреева установлен во дворе «гаазовской» больницы. Но, может быть, лучшим памятником Гаазу — да простится мне такое сравнение — был сам Кони. В первые тяжкие послереволюционные годы, с трудом одолевая многочисленные болезни и передвигаясь при помощи двух костыльков, он шел к людям, в чьих глазах еще не погасли отсветы пожаров двух войн и чьи души жаждали добра. Как вспоминал Корней Чуковский, Кони «читал им ... о Пушкине, о Льве Толстом... и, конечно, о своем любимом человеколюбце Гаазе... о том, как прекрасна человеческая совесть, сколько счастья в служении добру».

Первое издание Большой Советской Энциклопедии еще кратко упоминает о Гаазе. А затем пришли другие времена, когда слово «милосердие» обратилось едва ли в неприличное, а то самое «Das ewig Menschliche» — «вечно человеческое», за которое Гааз боролся всю жизнь, стало жупелом «абстрактного гуманизма»*.

«Необходимо,— писал когда-то доктор Гааз,— чтобы никто из страждущих не оставлял Москвы, не нашедши в оной помощи и утешений, каких он имеет право ожидать и по своей болезни... и по мнению, которое русский человек привык иметь о великодушии и благотворительности матушки-Москвы». Думал ли он, мог ли предположить, что не москвичи, а неизвестно почему слывущие холодными и практичными жители невской столицы первыми организуют общество милосердия, фактически продолжающее его дело?

А москвичи, кажется, так до сих пор и не осознали, что памятью о Федоре Петровиче Гаазе и даже его пресловутой волчьей шубой им пристало гордиться более, чем деяниями и наградами иных бывших московских руководителей, что нет, к их стыду, в городе ни улицы, ни школы, ни больницы, ни детского дома имени Гааза!

Правда, в минувшем году в Москве состоялся учредительный съезд общества здоровья и милосердия, на котором прозвучал заветный призыв Гааза «Спешите делать добро!», однако почему-то никто не предложил назвать общество гаазовским.

Обидно, что пьедестал памятника доктору Гаазу порой покрыт не цветами, а битым бутылочным стеклом, и ни один из опрошенных мною московских жителей не смог дать ответа на вопрос, кто же таков Федор Петрович Гааз. Самый подробный из услышанных мною ответов звучал так: «Да лекарь, наверное, какой-то...»

«Какой-то лекарь...» Что ж, как говорится, и на том спасибо. Но неужели не быть *третьей* жизни доктора Гааза, и память о нем умерла еще раньше тех чувств, на алтаре которых сгорела его жизнь?

* Книга о Гаазе («Доктор Федор Петрович»), вышедшая в Лондоне в 1985 г., написана видным ученым Львом Зиновьевичем Копелевым, с 1980 г. живущим в ФРГ. Возможно, именно по этой причине она исчезла в пресловутом «спецхране».

Леонид НИКИТИНСКИЙ

МИФ О ВИНОВНОСТИ ЮРИСТОВ

Юристов у нас вообще не любят. Им ставят каждое лыко в строку. Много злорадного смеха вызвал недавний процесс «Шеховцов и Сталин против Адамовича и «Советской культуры». Все средства массовой информации прокомментировали его с особым смаком, не забыв подчеркнуть, что Иван Тимофеевич Шеховцов — бывший прокурор. «Ах, прокуро-ор?!. Ну, тогда с ним все ясно. От прокурора чего же еще и ждать?» Люди, называющие себя юристами, сделали немало, чтобы заслужить нелюбовь народа. Мы обязаны признаться: на протяжении многих лет у нас в стране само понятие законности было вывернуто наизнанку, в худшие моменты истории законы играли лишь роль отвлекающих декораций, а мундиры юристов напялили на себя те, кто к праву не имел ни малейшего отношения. Право превратилось, по удачному выражению писателя Юрия Домбровского, в «факультет ненужных вещей».

Откуда и куда мы идем в плане такого архиважного аспекта человеческой цивилизации, каким, вопреки пренебрежительному отношению современников, является право?

История вопроса уходит корнями еще в дореволюционный период, в народничество с его бомбометаниями, в нечаевщину и русский анархизм XIX века. Всякое революционнов движение с необходимостью несет в себе разрушительный заряд анархии, а революционное восстание — зто кульминация, апофеоз попрания закона. Этого не боялись признать творцы научного коммунизма, привыкшие называть ввщи своими именами: «Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников».

Можно ли назвать законным, напримвр, насильственное свержение законного Временного правительства, а затем роспуск законным образом составленного Учредительного собрания после его отказа признать декреты Советской власти? Давайте не будем прибегать к традиционной демагогии. Ленин ведь не лицемерил перед делегатами V Всероссийского съезда Советов в июле 1918 года: «...плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется».

Между справедливостью революции как акции политической, имеющей целью установить новый общественный и зкономический строй, и ее противозаконностью как акции юридической нет противоречия. На то она и революция, чтобы сломать прежние юридические формы, выгодные меньшинству и сдерживающие общественный прогресс. Однако всякая революция, победив и низвергнув прежние законы, тотчас устанавливает свои собственные — и зто первый шаг, с которого неизбежно начинает всякая новая власть. Не оказались в зтом смысле исключением и большевики.

Если как революционер Ленин издевался над законами прежнего правительства, то как победивший революционер он призвал «соблюдать свято законы и предписания Советской власти». Однако то, что было понятно Ленину, мыслителю, политику и, между прочим, юристу, оказалось не сразу доступно массам, зараженным анархическими, левацкими идеями. Только что их призывали к противозаконным действиям, и они находили несомненное удовлетворение в стачках, бунтах, нелегальной и вооруженной борьбе. И адруг победившие большевики вновь призывают их подчиниться законам. За что боролись?

Выдвинутые большевиками лозунги «революционной законности» и «революционного правосознания» содержали в себе внутреннее противоречие. Ведь нормальное правосознание подразумевает момент консервативного трепета перед незыблемостью скрижалей, между тем как народное сознание того момента, расшатанное идеями и конкретными действиями революции, было от этого отдалено. Само слово «закон» царапало революционное ухо.

Не только малограмотные массы (да, они были малограмотны, лишены, как выражался Ленин, «культурности» и о ценности законов имели весьма смутное представление), но и образованнейшие вожди большевизма поддались анархическим настроениям. А. В. Луначарский писал, что юристы представлялись ему как «адвокаты дьявола, присяжные защитники капитала и обладатели испорченных мозгов, наполненных псевдотрадициями». П. И. Стучка, член партии с 1895 года, первый нарком юстиции, признавался: «У нас было общепринято право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный злемент...»

Советский юрист Е. Б. Пашуканис, член партии с 1918 года, провозгласил, что право необходимо социалистическому обществу лишь постольку, поскольку оно допускает товарное производство, что в ближайшее время социализм избавится как от одного, так и от другого. Эти слова оказались, увы, пророческими. Одновременно со свертыванием товарного производства в ходе наступления на нэп была фактически свернута и законность. С самим же автором пророчества Пашуканисом, «попавшим под влияние вредительских бухаринско-зиновьевских теорий», круто разобрались в 1938 году.

До какой степени репрессии в принципе имманентны социализму и запрограммированы революцией? Можно ли считать случайным их повторение не только в СССР, но и в других странах, ставших на путь построения социализма по нашему образцу? Каково соотношение между революцией в динамике и законностью, социализмом и правовым статусом личности?

Вчера еще за подобные исследования можно было поплатиться если не свободой, то положением. И это было логично: брежневская идеология была плоть от плоти сталинизма, а потому пришлось признать, что репрессии, беззаконие абсолютно необходимы.

Однако к прямо противоположному аыводу приводит анализ ленинских взглядов на роль насилия в ходе социалистического строительства. К сожалению, ленинские цитаты в работах наших юристов и политологов приводятся подчас произвольно и бессистемно. Почитать одних — он все время призывает к железной дисциплине, закручиванию гаек и расстрелам на месте. У других он, наоборот, выглядит теким рождественским дедом: только и делает, что спасает всех подряд, заботясь исключительно о законности и правах личности.

Такое чтение означает спекуляцию на авторитете и начетничество, а вождя большевизма ставит, мягко говоря, в двусмысленное положение лицемера. Все обретет свою логику лишь в том случае, если каждое ленинское высказывание будет помещено в строго определенный исторический контекст.

В капитальном труде «Государство и революция», написанном буквально накануне захвата власти, Ленин безоговорочно признавал грядущую революцию насильственной. Но уже на одиннадцатый день свершившейся революции он выступает в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов: «Нас упрекают, ...что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять».

Однако обстановка накаляется, силы большевиков почти на исходе — это калединский мятеж. В написанном Лениным постановлении СНК от 12 января 1918 года предлагается «применять против... капиталистое-саботажников репрессии вплоть до отдачи виновных в принудительные работы на рудники». Но: «Как только будет возможно создание революционных трибуналов, они немедленно рассматривают каждый случай назначения на принудительные работы и либо определяют срок.., либо освобождают арестованных».

С присущим Ленину темпераментом он постоянно требовал «беспощадности», но никогда не подразумевал под беспощадностью беззаконие, жестокость ради устрашения. Даже а самых крайних обстоятельствах Ленин требовал процессуальных гарантий для репрессируемых: «Революционные отряды, при всяком составлении протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее шести(!) человек...»

«Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертельной казни»,— заявляет Ленин в июле 1918 года а обстановке крестьянских восстаний и чехословацкого мятежа. И почти е это же время он набрасывает проекты более широкого применения условного осуждения, замены лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому.

В политическом докладе VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 года Ленин сказал: «...обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, пвдает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом». Вскоре это обещание было подкреплено отменой смертной казни.

Линия на законность, на отказ от чрезвычайных мер в отношениях с гражданами ярко восторжествовала в связи с переходом к нэпу. «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти,— говорил Ленин в декабре 1921 года делегатам IX Всероссийского съезда Советов,— чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...».

Днем раньше XI Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию: «...Строгая ответственность органоа и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов... должна идти рядом с усилением гарантии личности и имуществе граждан. Ноеые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение а законе и защиту в судебном порядке». Не правда ли, удивительно звучит для потомков, которые знают, что произойдет в дальнейшем?

Развитие ленинских взглядов на вопросы законности показывает, что нарушения прав личности, даже если дело касалось тех, кто сопротивлялся революции, рассматривались Лениным как вынужденные и крайне нежелательные меры в условиях ограниченной временем диктатуры. Перед угрозой кровопролития Ленин был готов жертвовать темпами и отказываться от догм.

Ленин лично рассматривает десятки жалоб отдельных лиц и групп на беззакония Советской власти при арествх, рекаизициях и т. д., очень многим практически помогает, пишет записки, призывающие гром на головы нарушителей законности. Например: «По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела...» (телеграмма новгородскому губисполкому от 20 мая 1919 г.).

Больше всего убеждают, пожалуй, вот эти деловые и лапидарные записки, которые вряд ли писались для истории, а их десятки. Крайне важно также подчеркнуть, что сопротивление контрреволюционеров, естественное и по-человечески, безусловно, понятное Ленину, никогда не вызывало у него такой испепеляющей ярости, как злоупотребления «своих»: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»

Ленин стремился связать произвол законами, уже на заре Советской власти пытался создать правовое государство — задача, к которой мы возвращаемся сегодня спустя столько лет.

Немыслимо строить во время землетрясения, в это время можно в лучшем случае чертить планы, для начала же реального строительства надо дождаться прекращения толчкоа и тектонических сдвигов. Ленину не хватило для этого времени. Сталин жв, вместо того чтобы стабилизировать взбаламученное гражданской (брат на брата) войной общество, привести его в правовые рамки, предпочел политику дальнейшего искусственного наращивания гражданской войны, азаимоуничтожения в форме репрессий. Именно анархия, беспорядок и взаимная озлобленность стали тем опасным вулканическим фундаментом, на котором заложил свою модель «социализма» Иосиф Сталин.

Впрочем, ленинская ориентация в вопросах законности внешне торжествовалв еще некоторое время после его смерти. XIV партконференция в 1925 году принимает специальную резолюцию «О революционной законности», июльский, 1928 года, Пленум ЦК, обеспокоенный взаимоотношениями власти с крестьянством, выносит решение о необходимости «немвдленной ликвидации практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности».

Но уже в январе 1930 года Сталин открыто провозглашает отход от этих принципов: «Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно, да! Стало быть, зти законы и зти постановления придется теперь отложить в сторону». В 1928 году Сталин впервые провозглашает, а затем неустанно повторяет знаменитый тезис о нарастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму: «Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов... это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв. Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особо необходимо теперь большевикам».

Этот фальшивый тезис из книги «Вопросы ленинизма», никоим образом не вытекающий из подлинно ленинской концепции, упал на почву народного сознания, вздыбленную анархическими взрывами. Возможно, оно даже жаждало чего-то в этом роде. Кровожадность люмпен-элементов, обманутых в своем ожидании немедленного «обжорного» коммунизма, вспыхнула с неистовой силой. Стремление «покончить с элементами быстро и без особых жертв» требовало создания огромного репрессиаиного аппарата и (хочу особо подчеркнуть) освобождения этого аппарата от пут юриспруденции с ее канительными «условностями» вроде презумпции невиновности и прочих «буржуазных предрассудков».

Интересный разговор на эту тему состоялся на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года в прениях по докладу С. Орджоникидзе. Заместитель наркома РКИ Н. Янсон, в частности, сказал: «...товарищи, которые работают в органах юстиции, призваны к тому, чтобы защищать законность, но иногда эта защита законности превращается в буквоедство... Мы думаем, что наша закон-

ность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями жизни (голос: «Правильно!»), с жизненной целесообразностью (Аплодисменты)... я полагаю, что наибольших результатов мы достигнем в том случае, если мы органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было определенное количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего происхождения (Аплодисменты)...

Сольц. И поменьше юристов.

Янсон. ...А сейчас у нас имеется некоторый профессиональный юридический уклон, который не совсем полезен для дела советской юстиции...»

Прокурор РСФСР Н. Крыленко в ответ на выступление Янсона дал следующие цифры: среди работников прокуратуры 33,5% рабочих, из 1176 помощников уездных прокуроров РСФСР лишь 124 имеют юридическое образование, 690 имеют минимальное общее образование, 236 не имеют никакого юридического стажа.

Крыленко заключил свое выступление призывом осуществлять правоохранительную деятельность строго по закону со ссылкой на соответствующее высказывание Ленина. Но был перебит Сольцем: «Есть законы плохие и есть законы хорошие». Далее по стенограмме: «Хороший закон, говорит он, надо исполнять, а плохой... не исполнять. (Голос с места: «Правильно!» Голос с места: «А как же иначе?» Смех)».

Недальновидный лозунг «поменьше юристов» вскоре стал претворяться полным ходом и буквально: путем отстрела. Журналистка Евгения Альбац в статье «Прощению не подлежат» («Московские новости», 1988, № 19) приводит несколько примеров отказа честных юристов от предлагаемых им «новых» методов работы: начальник управления НКВД по Дальневосточному краю, член партии с 1903 года Т. Д. Дерибас — расстрелян; следователь Глебов, отказавшийся брать показания на командарма Якира,— расстрелян; начальники областных УНКВД Капустин и Волков — застрелились. Этот печальный список должен быть трижды возведен в степень, хотя поименно он вряд ли может быть составлен.

На смену действительным юристам — может быть, педантам, может быть, много умничавшим со своим багажом «факультета ненужных вещей»,— уже торопились следователи-хваты, таким багажом отнюдь не обремененные. Вот выдержки из учебника для сотрудников НКВД, по которому учились эти следователи, коли им было не лень: «Следствие в условиях работы органов НКВД ведется с соблюдением норм УПК. Но основания возбуждения уголовного дела несколько шире, чем в УПК. «Отказы от показаний показывают плохую работу следователя над арестованным...». И т. д.

Но это все-таки учебник, печатная, так сказать, улика для историка. А была еще и чисто практическая наука, преподававшаяся изустно и методом демонстрации: мордобой, карцер, физические и моральные пытки, угрозы расправы над ближними, шантаж. Но при чем же здесь юриспруденция? Она была давным-давно отсюда вытравлена, как травят вошь в камере — карболкой.

В годы наибольшего разгула сталинских репрессий никаких юристов ни в органах безопасности, ни в прокуратуре, ни в судах не было уже и в помине. Участие в процессах они могли принимать только в качестве обвиняемых, как Пашуканис или Крыленко. Это совершенно закономерно и иначе не может быть, поскольку тоталитарной, диктаторской власти юристы вообще не нужны и опасны. Отношение всех деспотических режимов к юристам одинаково: право как система гарантий личности противостоит тирании и должно уничтожаться по мере ее укрепления. Должны уничтожаться — морально и физически — и носители правовых идей и традиций. От съеденных юристов тиран оставляет для придания видимости законности своей власти одни лишь внешние оболочки — судебные и прокурорские мундиры, которые можно набить хоть соломой.

Несомненно, Сталин никогда бы не заявил прямо, что занимается уничтожением демократических свобод и законности, хотя бы из опасения потерять престиж на международной арене. Гитлер в 1933 году демонстративно свергнул Веймарскую конституцию, а Сталин в 1936-м даровал народу свою собственную «сталинскую». И хотя сотни тысяч сосланных, высланных, расстрелянных и раскулаченных этого подарка уже не дождались, но внешне Конституция 1936 года выглядела вполне респектабельно. Официально провозглашались лозунги «революционной законности». Вместо пошлой резни, какую устроил Гитлер над штурмовиками Рема в ночь на 30 июня 1934 года, Сталин при всякой возможности стремился к показательным открытым судам, если удавалось выбить необходимые для этого признания.

Плести юридические кружева Сталин доверял профессионалам от демагогии, таким, как Вышинский. Сам же лучший друг физкультурников, полагая себя, очевидно, более компетентным в вопросах языкознания, о проблемах права говорил мало и неохотно. Ему было достаточно время от времени напоминать о нарастании классовой борьбы и необходимом в этой связи взвинчивании «бдительности».

Андрей Януарьевич Вышинский вошел в историю не как академик, лауреат Сталинской премии, не как ректор МГУ или дипломат, хотя он был и тем, и другим, и третьим. Но в памяти народа он оставил незаживающий след в качестве прокурора РСФСР, затем СССР.

Всякий, кто не знаком хотя бы понаслышке с деятельностью прокурора Вышинского, сказал бы, прочтя его «Теорию судебных доказательств в советском праве», что это солидный, хотя и не блистающий оригинальными идеями, но местами даже весьма либеральный научный труд, выдержанный в крепких традициях классической русской юриспруденции.

Академик заявлял себя, например, горячим поборником презумпции невиновности: «Попытки подменить обязанность обвинителя доказать вину обвиняемого на обязанность последнего доказывать свою невиновность... извращают природу советского процессуального права...» Золотые слова! Вот только хотелось бы знать, кто автор формулировки «ЧСИР» — члены семей изменников родины, которая позволяла доказательствами конкретной вины вообще не затрудняться.

Не так просто и с «царицей доказательств»: «Было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники процесса. В достаточно же отдаленные времена... переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой». И не боялся же Андрей Януарьевич употреблять такие страшные слова во времена отнюдь не столь отдаленные!

«Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. ...Однако не следует это правило понимать абстрактно... вопрос об отношении к объяснениям обвиняемых, в частности, к таким объяснениям, которыми они изобличают своих сообщников... должен решаться с учетом всего своеобразия таких дел — дел о заговорах, о преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах».

Вот оно, оказывается, в чем дело. Следствие «несомненно выиграет», если признание вины будет подкрепляться какими-никакими доказательствами — так, на всякий случай. Но и без оных следствие хотя и не будет выглядеть столь элегантно, но тоже не проиграет. А жаловаться-то кто будет? Ведь всех обиженных ликвидирует «ОСО», которому специальной директивой Прокуратуры СССР 1935 года предписывалось передавать «дела, по которым нет достаточных данных для рассмотрения в судах».

На трехстах страницах своего ученого труда академик ни разу не вспоминает о существовании Особых совещаний при НКВД СССР, специальных судебных присутствий, «троек», «двоек» — как-то выпало у него из памяти и собственное участие в таком органе внесудебной расправы, когда за один день совместно с Ежовым он приговорил к расстрелу 551 «обвиняемого».

Теперь нам становятся понятными причины, по которым Вышинский как теоретик был последовательным при-

верженцем гласного, открытого суда и состязательного процесса, большим другом советской адвокатуры, спасавшим ее от нападок непосвященных. Ведь «открытые судебные процессы в СССР воспитывают массы показом зла, разоблачением всяческих «махинаций» классового врага и его агентуры, укрепляя бдительность масс». А права и гарантии для обвиняемого «...являются лишь следствием установленного порядка разбирательства судебных дел. Общественно-политическое значение этих прав обвиняемого состоит не столько в том, чтобы служить интересам тех, кому они предоставлены по закону, сколько в том, чтобы обеспечить всеобщее убеждение в непререкаемости закона и уверенность в справедливости, объективности и обоснованности приговора...». Гениально!

Судебный процесс по Вышинскому — это спектакль, но поставлен он должен быть со всей убедительностью, с размахом, по всем правилам театрального искусства, а не абы как. Чтобы даже Фейхтвангер все принял за чистую монету. Вот в чем видел прокурор высшее назначение юриспруденции.

Теперь давайте разберемся, можно ли причислить Вышинского к юристам. Что с того, что он академик? Лысенко тоже был академик, да не какой-нибудь, а народный. Стал ли он в результате хоть немного биологом? Великий инквизитор Томас Торквемада, сжегший на кострах тысячи ведьм, тоже был, вероятно, не промах в вопросах богословия и клялся именем Христовым. Но разве этого достаточно, чтобы быть христианином? Точно так же и Вышинский не стал юристом даже благодаря обильному употреблению латинских цитат, обширнейшим познаниям в области истории и теории отечественного и зарубежного процесса.

Прокурор очень любил слово «факт». Оно так и мелькает в его судебных речах: вы только посмотрите на эти факты. Но за отсутствием оных фактов он просто поливал всех подсудимых, ныне реабилитированных, площадной руганью: «зловонная куча человеческих отбросов», «ничтожные пигмеи, моськи и шавки», «взбесившиеся псы», «проклятая помесь лисицы и свиньи» — это о Бухарине. Может ли юрист позволить себе бить беззащитного, сыпать такими словами о человеке, сидящем на скамье подсудимых? Безусловно, нет, это не юрист, так же как врач, прогнавший больного — не врач, и учитель, ударивший ученика — не учитель. Что же до учености, то если судить о ней по умению затейливо ругаться, тут мы все, пожалуй, академики.

Существует версия: будто арестованные и пытаемые по делам о «заговорах» специально старались нагородить как можно больше самых чудовищных небылиц, ждали, так сказать, когда количество перейдет в качество и совершеннейший идиотизм возведенной ими на себя напраслины станет ясен прозревшему миру. В самом деле, материалы тех процессов, если абстрагироваться от результатов, можно читать как сборник абсурдистских анекдотов: тут и десятками пускаемые под откос поезда, которых никто не видел, и поголовное привитие рожи свиньям, и снос бульваров на Садовом кольце с целью устроения посадочной полосы для фашистских самолетов. Такого на трезвую голову и не выдумаешь. Но ведь проходило!

Не профессионалы это лепили, потому что любой мало-мальски грамотный следователь, если уж так говорить, в состоянии сфальсифицировать дело умнее и тоньше, что некоторые мои коллеги с блеском демонстрируют и до сих пор. Не юристы эту пищу и потребляли. А кто кушал? Народ! Увы. Сталинские процессы подогревали самые черные чувства, не успевшие остыть в народе со времен революции и кровопролитной гражданской войны: страх и злобу.

Как оказался возможен рецидив лютого средневековья в стране, накопившей за свою эволюцию огромный духовный и интеллектуальный потенциал (не всем, правда, доступный)? В стране, где присяжные оправдали и освободили Веру Засулич, стрелявшую в губернатора и не раскаявшуюся в этом? В стране, которая первой решилась осуществить мечту многих поколений «абстрактных гуманистов» о справедливом обществе без насилия и эксплуатации?

Нельзя утверждать, что всякая революция превращается в свою противоположность, хотя примеров того, как «революция пожирает своих детей», имеется множество. Во всяком случае, это штука чрезвычайно опасная и, выпустив джинна из бутылки, загнать его обратно очень нелегко. Мы обязаны помнить об этом сейчас, вступив на путь перестройки, которая есть путь радикального перераспределения власти, иначе говоря: революции. Тут крайне важны мера насилия, контроль над насилием, без которого, увы, не обойтись.

«Для настоящего революционера самой большой опасностью,— может быть, даже единственной опасностью,— является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов»,— писал Ленин. Не раскачав лодку, мы не сможем сдвинуться с места, но, раскачав ее слишком сильно, все пойдем ко дну.

Нам не надо крови — вид ее превращает людей в «массы», а из масс лепит людоедов, как это уже произошло в Сумгаите. Не надо раздувать ненависть и провоцировать шпиономанию.

Единственная надежная защита от слепого левачества состоит в том, чтобы облечь революцию перестройки в цивилизованные правовые формы, немедленно пресекать всякое насилие как «снизу», так и «сверху», создать надежные гарантии прав каждой личности.

Процесс этот уже начат внесением поправок к Конституции СССР на внеочередной сессии Верховного Совета в ноябре 1988 года, но это только старт. Единства мы должны достичь в самом процессе построения правового государства, что потребует десятилетий поисков и взвешенной политики при условии, что эти десятилетия нам удастся прожить без левацких эксцессов. Вполне возможно, что сегодняшние поправки через несколько лет будут признаны негодными, но сейчас важно то, что лед тронулся.

Однако от процессов создания правового государства по-прежнему отстраняются юристы. Вызывающее справедливую критику законодательство последних лет — например, Закон о порядке обжалования в суд действий должностных лиц 1987 года — проведено через Верховный Совет не юристами, а аппаратом. Это по-прежнему не столько право, сколько политика.

У нас до сих пор на право принято смотреть как на нечто второстепенное по отношению к политике, рассматривая его как некий необходимый, но скорее побочный продукт деятельности государства, «инструмент», с помощью которого власть управляет обществом. Действительно, право можно рассматривать и как орудие сознательных, научно обоснованных социальных преобразований, но нельзя же его сводить, как при Сталине, на роль своего рода скальпеля в руках главного хирурга, с помощью которого хирург кромсает общество, как бог на душу положит.

Сам термин «правовое государство», за который, между прочим, не так давно можно было схлопотать по шее, подразумевает, что государство и право — относительно независимые друг от друга явления, в противном случае он лишается смысла. Право не кнут, с помощью которого государство погоняет гражданина, а, напротив, своего рода буфер, гарантия для гражданина от покушений на его личность, свободу и достоинство как со стороны других граждан, так и со стороны власти. Нам необходимо такое подлинное Право, чтобы противостоять волюнтаризму экстремистов и человеконенавистников всех мастей, как облеченных, так и не облеченных государственной властью. Право создавать такое право народ должен вырвать из рук аппаратчиков, на что и нацелена в первую очередь конституционная реформа Верховного Совета СССР, а помогать народу в этом должны квалифицированные юристы, а не бывшие, скажем, агрономы.

Кому же выгоден все еще имеющий хождение в обывательском правосознании миф о виновности юристов? Он нужен тем, кто пытается обелить «отца народов», он нужен бюрократам и адептам административно-нажимной системы (кстати, знак равенства между словами «юрист» и «бюрократ» — это их собственная выдумка), этот миф, наконец, нужен тем, кто хочет снова ввергнуть нас в котел гражданской войны и насилия, перессорить, а затем водрузить на наших трупах кровавое знамя сталинизма.

ГЛАСНОСТЬ — НЕ ВСЕЯДНОСТЬ

Вадим КОЖИНОВ

Те многообразные современные явления, о которых мы говорим как о гласности, имеют, конечно, исключительное значение для общественного сознания и самой жизни страны. Я думаю, не будет неуместным сказать, что их результаты громадны и в моей собственной жизни. Я смог опубликовать ряд статей, написанных семь—десять лет назад. Вышла в серии «Жизнь замечательных людей» моя книга о Тютчеве, представленная в издательство еще в 1983 году, но встреченная там требованиями таких сокращений и переделок, на которые я не мог согласиться, и поэтому оставшаяся лежать без движения. Наконец, — и это, может быть, главное, — я написал и опубликовал сочинения, которые еще четыре года назад просто не стал бы писать (разве только для личного употребления).

Многие скорбят или негодуют по поводу резкости сегодняшней полемики и нередко взывают к «добрым» традициям классической литературы, которая-де не допускала подобного тона в спорах. Но это плод забывчивости или попросту неосведомленности. Всякий, кто возьмет в руки полемические выступления Пушкина или Белинского, Достоевского или Писарева, Розанова или Бунина, тут же убедится, что нынешняя литературная полемика очень редко достигает той остроты и той беспощадности, которые характерны для XIX — начала XX века. Я отнюдь не призываю равняться в этом отношении на уже далеких предшественников. Во многих явлениях и событиях современности отчетливо проступает катастрофичность, которую сто — сто пятьдесят лет назад можно было только смутно предугадывать. Поэтому сегодня следовало бы как раз по мере возможности преодолевать «классические» традиции в сфере полемики. И все же..

Не без восхищения я прочитал очень резкую полемическую статью Бориса Любимова «Белый рынок?! Размышления о театральной ситуации» («Литературная газета» от 30 ноября 1988 г.), в которой, в частности, говорится:

«Лет десять назад по поездам дальнего следования ходил немой человек, предлагавший пассажирам кустарным способом изготовленные календари с изображением Сталина, Высоцкого и голых девочек. Похоже на то, что сегодня этот немой работает то ли редактором в министерстве, то ли экспертом в СДТ (Союз театральных деятелей. — В. К.). Во всяком случае, репертуар московских театров вполне отвечает его вкусам, только из сферы ‚черного рынка‘ темы и идеи попали на ‚белый рынок“, который представляет сегодня наш театр».

Вдумчивый читатель, конечно, поймет, что набор «Сталин, Высоцкий, голые девочки» — только один из многих вариантов и что дело не в самих по себе обеспечивающих широчайшее сенсационное внимание «предметах», а в характере их «подачи». В принципе **любой** предмет может стать темой серьезного и ценного театрального представления; речь идет о другом — о безудержном стремлении множества деятелей театра к разнородной, но равно низкопробной «развлекаловке».

Обращаясь ныне к тем или иным печатным изданиям, особенно к некоторым еженедельникам, иной раз недоумеваешь: уж не заправляет ли и в их редакциях тот самый немой, о котором вспомнил Б. Любимов? А печать, литература — это не то, что зрелище. Она не только возбуждает чувства, но способна формировать все отношение к миру. И здесь крайне опасна подмена гласности вседозволенностью.

Необходимо понять, что гласность и вседозволенность — это не просто различные, но, в сущности, **противоположные** явления. Виктор Лапшин — поэт, который получил возможность широко печататься в эпоху гласности, гоаорит в стихотворении, открывшем его книгу с многозначительным названием «Поздняя весна» (1985):

Нет сил молчать! Прости заране —
Не обойдуся я без брани,
Но льстить нахально — горший грех
Медоточиво — вражье слово.
... Не слишком речь моя толкова,
Зато за всех — и ради всех.

Одно дело, когда «за всех — и ради всех» звучит идущий из глубины духа и поистине выстраданный **голос** (на этой основе и рождается подлинная гласность), и совершенно другое, когда читателям наспех предлагается «дозволенная» сегодня сенсационная «информация». Вседозволенность в литературе (и шире — в печати) дурна и вредна отнюдь не потому, что дает возможность говорить обо всем без каких-либо исключений — это как раз необходимо. Она дурна и вредна потому, что лишена **нравственной** основы **ответстввнности.** Глубоко ошибаются те, кто полагает, что явление литературной вседозволенности порождено сегодняшним временем. Вседозволенность — это, в сущности, **определяющая** черта литераторов, которые во аторой половине 1960-х — первой половине 1980-х годов лакейски восхваляли брежневские мемуары, писали заведомую ложь о жизни своей страны и других стран (скажем, превращали весь облик США в «лицо ненависти»), занимались политиканством и интригами. Конечно, их вседозволенность тогда выражалась совсем в иных формах и суждениях, чем ныне. Но по **внутренней** сущности она была та же самая. И если обратиться к органам печати, в которых расцветает сегодня вседозволенность, нетрудно увидеть, что определяющую роль в них играют те же самые литераторы, всегда делающие именно то, что в данный момент наиболее **выгодно** делать.

Говоря об этом, я вовсе не склонен к пессимизму. Речь идет о неизбежных издержках труднейшего процесса возрождения подлинной гласности. И масса фактов свидетельствует сегодня о том, что с каждым месяцем все большее число людей начинает осознавать различие или, точнее, противоположность вседозволенности и гласности.

ВОПРОС — ОТВЕТ

Почему в Англии ездят по левой стороне дороги?

Английский научно-популярный журнал «Нью сайентист» так ответил на этот вопрос. Ездить по левой стороне дороги — самый естественный и исконный способ движения. Поэтому вопрос надо задавать наоборот: как получилось, что практически весь мир ездит неправильно?

Дело в том, что в далекие доисторические времена самым безопасным было идти по левой стороне тропы. Тогда в сторону любого встречного была обращена правая рука с зажатым в ней оружием. И до конца XVIII века весь мир так и ходил, так и ездил. Кареты и повозки, двигаясь по левой стороне дороги, вытесняли на правую пешеходов, идущих в том же направлении. (Туристы знают правило: идя по обочине загородной дороги, надо придерживаться левой стороны, тогда приближающийся транспорт будет подходить спереди, а не сзади, и его легче будет заметить.) Так и укрепилось деление: левая сторона дороги — для аристократов в каретах, правая — для пешей черни.

Великая Французская революция 1789 года, меняя сложившиеся порядки, изменила и этот. Был издан декрет, предписывавший всему Парижу перейти на «простонародную» правую сторону. Позже Наполеон закрепил это положение, приказав военному транспорту держаться правой стороны. Наполеоновские войска изменяли дорожные правила во всех странах, захваченных ими, а в незахваченных, в том числе Португалии, Австрии и России, движение осталось левосторонним. Наиболее любопытен случай с Австрией: большая часть этой страны продолжала ездить по левой стороне, но те провинции, которые были захвачены Наполеоном в 1805 году, перешли на правостороннее движение. И так было до захвата Австрии фашистской Германией, когда движение по всей стране стало правосторонним.

Россия, как утверждает английский журнал, окончательно перешла на правую сторону лишь незадолго до революции. Португалия — в 20-х годах, Чехословакия и Венгрия — после немецкой оккупации.

Существовала ли на Руси постоянная почта до Петра I?

В древности частные письма отправлялись «с оказией», а правительственные — через специальных гонцов. Но уже в XVI веке существовало довольно много ямов — деревень, жители которых отвечали за «почтовую гоньбу». В XVII веке ямы связывали Москву с Архангельском, Новгородом, Псковом, Смоленском и другими городами. Ямщики селятся в пригородах особыми ямскими слободами, причем их уже так много, что при Михаиле Романове заводится особый, Ямской приказ, ведающий всей ямской ездой, и в частности почтовыми перевозками.

В 1666 году знаменитый государственный деятель боярин Ордын-Нащокин устраивает уже постоянную, регулярную связь с другими странами. Каждые две недели в Москву доставлялись бумаги сначала через Ригу, а позже — через Вильно и Смоленск. А к концу XVII века появляется и внутренняя почта: по четырем почтовым трактам в определенные дни раз в неделю отправлялись ямщики, даже если почты, как таковой, за эту неделю не набиралось. Примерно тогда же возникает и первая почтовая цензура: с 1690 года вскрывали в Смоленске все письма, идущие за границу. В 1719 году Петр повелевает провести из Петербурга почту до всех «знатных» городов. В зависимости от «знатности» почта отправлялась 1 или 2 раза в неделю. За малейшее промедление при почтовой гоньбе по специальному указу предусматривалась смертная казнь. Так началась в нашей стране «настоящая» почта.

В «Мертвых душах» Чичиков, разглядывая Собакевича, размышляет: «Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже». В каком значении употребляет Гоголь слово «кулак» и имеет ли оно что-либо общее с понятием «кулачество» — деревенская буржуазия?

История слова «кулак» может служить примером того, как язык отражает важнейшие социально-исторические процессы. Первоначально кулаком называли человека, наживавшегося ростовщичеством, спекуляцией, это слово имело синонимы: «выжига», «мироед». Видимо, именно такое содержание вкладывал в слово «кулак» Н. В. Гоголь в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века. Вышедший во второй половине прошлого века «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксировал слово «кулак» в значении «скупец, скряга... перекупщик, переторговщик... особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обчетом, обмером». Там же приводится пословица, которую мы встретили у Гоголя: «Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь».

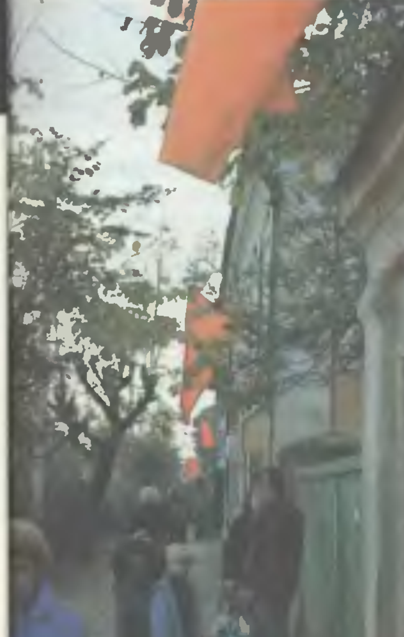
В 90-х годах прошлого века появилось и другое значение этого слова. Термин «кулак» стали применять для обозначения формирующейся деревенской буржуазии. Возникшее на гребне крупных экономических и политических изменений новое значение старого слова постепенно оттеснило традиционное толкование. Кстати, первые попытки организованной борьбы с кулачеством были предприняты задолго до трагически знаменитой «ликвидации кулачества как класса». В 90-х годах прошлого столетия к скупщикам хлеба по несоразмерно низкой цене применялась достаточно суровая мера наказания — от 3 до 6 месяцев ареста. Борьба эта оказалась неэффективной. «Напротив,— отмечено в энциклопедическом словаре «Гранат»,— могучим средством для борьбы с кулачеством явилась кооперация, устраняющая самую потребность в посредничестве кулака».

До 1917 года в России чётко различались столицы (Петербург и Москва) и провинция — вся остальная, неполноправная в административном и культурном отношении территория. Характерными для населения провинции признавались ограниченность интересов, узость кругозора, вторичность и неоригинальность любых духовно-умственных проявлений.

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ

Александр ВОЛОГДИН

Деление на столицу и провинцию уходит корнями в практику позднего феодализма, а в России его своеобразие заключалось в исторически сложившемся культурном бицентризме, который, очевидно, в развитии нашей культуры сыграл положительную роль. Отметим, что противопоставление «столица — провинция» в те времена не касалось того, что сегодня мы назвали бы «вопросами снабжения».

Бурно начавший развиваться в России конца XIX — начала XX века капитализм мало считался

Не велик город Торопец, да, пожалуй, и не всякий слыхал имя его. А тем не менее городок у впадения реки Торопа в озеро Соломено, что в Калининской области, упомянут в летописях 1074 года. То есть еще и Москаы не было, а Торопец стоял. Известен был город прекрасными храмами конца семнадцатого — начала аосемнадцатого веков.

А сегодня? Тихо и не очень-то ярко идет жизнь в районном центре. Не спешно строят, да и не очень-то лелеют его. А ведь город! Старинный русский город. Маленький, но неповторимый. Сейчас все чаще и чаще начали мы вспоминать о таких вот исконных местах страны нашей. Может быть, придет время — и воспрянет Торопец, хотя бы как один из центров туризма и отдыха.

Фото Владимирв ЛАГРАНЖА

СТОЛИЦА и ПРОВИНЦИЯ

с феодальными традициями, и в это время все большее распространение получает понятие «столичный город» — административно не столица, но перворазрядный промышленный и культурный центр (Нижний Новгород, Одесса, Харьков, Екатеринбург и некоторые другие). Ностальгия по белокаменной сердцу промышленника и купца была чужда. Возобладала идея состязания, конкуренции со столицами. Важно подчеркнуть, что промышленное развитие этих городов было и толчком к ускорению их не контролируемого центром культурного развития, пусть однобокому, неизбежно ограниченному тогдашними общественными условиями.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию многие связывали с началом культурного расцвета провинции. Сами слова: «провинция», «провинциал» — постепенно изгонялись из употребления как унизительные. Однако надежды были недолгими. На смену слову «провинция» пришел сначала эвфемизм «периферия», а сейчас мы уже без обиняков делим всю страну на столицу (где все, разумеется, высшего качества или

по крайней мере должно быть таким) и провинцию, где живут «остальные» двести семьдесят с лишком миллионов человек. Таким образом, в разряд провинции попадают и такие города, как Львов, Тарту, Каунас, Уфа, Казань, Пермь... Эта моноцентристская модель вызвала к жизни понятия-монстры, вроде «периферийная наука», «периферийная литература». Существуют просто ученые, писатели, художники (это значит, за редким исключением, что они живут в Москве) и ученые «новосибирские», писатели «смоленские», художники «ростовские»... Кажется, скоро мы доживем до определений типа «периферийный писатель Виктор Астафьев», «периферийный ученый Лихачев».

Противопоставление столицы и провинции характерно для слаборазвитых, преимущественно мононациональных стран Латинской Америки, Азии, Африки. Его уже нет в Индии, Бразилии, от него отходят в современном Китае, не говоря о странах Западной Европы. Трудно себе представить, например, чтобы Геттингенский университет считался второразрядным

СТОЛИЦА и ПРОВИНЦИЯ

только потому, что он расположен не в Бонне, или чтобы в Нью-Йорке «снабжение» было бы хуже, чем в Вашингтоне. Если в некоторых развитых странах (скажем, во Франции) сохраняются те или иные внешние признаки моноцентризма, то за «традиционной» формой давно уже стоит совсем иное содержание, ни в чем не ущемляющее права граждан.

Наблюдается интересная закономерность: общесоюзная моноцентристская модель у нас устойчивее всего там, где пережитки особенно сильны, например, в Узбекистане, где отвратительная ташкентская показуха сосуществовала с катастрофическими социальными и экологическими бедствиями на периферии.

Как же получилось, что эта модель возобладала в социалистической стране?

Дело в том, что она была составной частью той политической системы, которую мы сегодня называем сталинизмом и которая, если поглубже разобраться, может быть названа попыткой скрестить феодализм с социализмом. Никакого плюрализма, никаких элементов соревнования с непогрешимым центром эта система не терпела. Люди, получаемые ими блага, явления и учреждения культуры — все имело «сортность», делилось по тому или иному иерархическому (в том числе и географическому) признаку. Тот, кто прибывал в Москву из провинции, должен был испытывать благоговейный восторг перед великой мощью страны, всесилием и мудростью ее вождя, воплощенными в монументальных постройках и показном «изобилии».

В этой феодально-солдафонской, имперско-бюрократической системе былому исторически сложившемуся бицентризму (Москва — Ленинград), конечно, не оставалось места. Патологический страх Сталина перед всякой оппозицией и инакомыслием вынуждал его бояться любых веяний из обладавшей мощным культурным потенциалом прежней столицы. И началось ее планомерное изничтожение. Неоправданное закрытие журналов, газет, издательств, перевод в Москву многочисленных культурных, научных, административных учреждений... Сегодня, когда я слышу сетования по поводу разрушения храма Христа Спасителя или Сухаревой башни, я думаю: отчего же почти не слышно плача по Ленинграду — великому русскому городу, без которого нельзя представить себе историю русской литературы, музыки, живописи, науки, общественной мысли на протяжении двух столетий? Сегодня нелегко подсчитать, сколько одних только архитектурных памятников было разрушено в этом некогда крупнейшем центре нашей культуры. Сорок процентов ленинградских семей живет в коммунальных квартирах, целые кварталы превратились в трущобы. В бедственном положении многие культурные учреждения общенационального значения — Ленинградский университет, Публичная библиотека, Русский музей, театры. Эрмитажу, правда, «посчастливилось»: не так давно он перестал числиться музеем второй категории...

В других городах положение еще хуже, чем в Ленинграде. Пустота в магазинах, низкий уровень благоустройства, недостаток культурных

учреждений, отсутствие живой и интересной местной прессы... Тысячи людей всеми правдами и неправдами стремятся переселиться в столицу, усугубляя и без того острые московские проблемы. Единственный выход из положения — создать в городах условия жизни, приближающиеся к столичным, причем не только по части пресловутого «снабжения», но и прежде всего в духовной сфере, раз и навсегда отказаться от жесткой моноцентристской концепции, не имеющей ничего общего с подлинно социалистической демократией.

Между прочим, сторонников моноцентристской концепции довольно много, среди них есть и влиятельные. Логика этих людей такова: рядовой советский человек должен всеми силами души любить Москву и стремиться в ней жить, хотя разрешать ему это ни в коем случае не следует. Ведь именно те, кто ратует за особое положение Москвы и создание всевозможных привилегий для ее населения, злобно брюзжат по поводу «приезжих», «деревни», «лимитчиков», наводняющих Москву и ее магазины. Многие из них охотно забывают о том, что сами они в Москву приехали относительно недавно, и привлекли их сюда не Большой театр и не Третьяковская галерея, а лучшее «снабжение» и возможность быстрее сделать карьеру.

Выигрывает ли от последовательного проведения в жизнь «особого статуса» столицы основная часть москвичей — рабочие и интеллигенция? Конечно, в чем-то это льстит их самолюбию. Все мы люди, ничто человеческое нам не чуждо, а признание несправедливости предоставленных тебе привилегий требует определенной силы духа, которой располагают не все... Но если посмотреть на вещи глубже, то окажется, что большинство столичных жителей привилегиями и льготами, по сути дела, либо вообще не пользуются, либо они перекрываются теми колоссальными неудобствами, которые москвичи испытывают от постоянного присутствия в городе миллионов людей с «периферии», приехавших за колбасой, от сутолоки, транспортных проблем и т. д.

На смену моноцентристской концепции должно прийти представление о том, что все наши города принадлежат нам всем и здесь не должно быть любимчиков и пасынков. Каждый город имеет право на внимание не только местных, но и центральных властей, на то, что ему будет уделено властью достаточное внимание в развитии социально-культурной сферы. Различие в значении тех или иных культурных центров должно быть естественным, а не декретируемым сверху, социальная сфера должна во всех городах развиваться одинаково. Мы любим не только Москву, но и Псков, Новгород, Тбилиси, Киев, Ригу, Уфу, Львов, Ижевск... Перечислить все наши славные города здесь невозможно. В каждом из них надо восстанавливать разрушенные ценности и создавать новые. Пусть в разных городах происходят всесоюзные и международные конкурсы, выставки, научные съезды. Пусть в них открываются новые театры, музеи, музыкальные и художественные школы, консерватории, художественные институты, издаются газеты и журналы...

Региональные привилегии — это просто одна из форм социальной несправедливости. И если мы объявляем войну социальной несправедливости на всех фронтах, давайте бороться и с той ее разновидностью, которая проявляется в уродливом противопоставлении столицы и провинции.

Комментарий отдела публицистики

Автор статьи «Столица и провинция» ставит важные вопросы, которые, по существу, затрагивают всех. Вовсе не нужно быть жителем Пензы или Костромы, чтобы заметить «мерзость запустения», которая нас вконец одолела. Даже природные наши ландшафты являют собой ныне картину очень и очень безрадостную, не говоря уже о видах, так сказать, урбанистических — обветшавших зданиях, разбитых дорогах, утомленных и неприветливых, плохо одетых людях...

Те, кто призывает сегодня к одному только духовному, культурному возрождению и пугает «потребительством» да «вещизмом», видя в них главных врагов социализма, не хотят замечать одной простой вещи: богатство общества, как и его оскудение, неразрывно в своих материальных и духовных проявлениях. В условиях поголовной нищеты и казарменного однообразия ни одно общество еще не возрождалось духовно.

Понятно, все мы очень устали от неуютной, некрасивой и однообразно-бедной действительности, которой окружены. И каждый по своему разумению пытается найти средство спасения или хотя бы отыскать виновника этого бедствия.

Журналистам эпохи застоя хорошо знакомо выражение «организовать материал». Оно, как правило, означало, что за человека (чем-либо заслужившего «право» выступить на печатной странице) сочинялись прекраснодушные или реже критические, но всегда «правильные» фразы, под которыми и ставилась его подпись. Поскольку сочиняющих было не так уж много (а решающих, что правильно и что нет,— еще меньше), все статьи постепенно становились похожими одна на другую и содержали очень бедный набор сентенций. «Классическим» итогом такого словотворчества становились фразы типа «экономика должна быть экономной». Так шествовала прямиком к вырождению наша пресса. Сходный путь, по-видимому, проделывали и остальные области жизни. Самостоятельность, самодеятельность, самоуправление изгонялись из всех сфер. Ничего удивительного в том, что результатом стало поколение людей, безучастных к самим себе и к окружающему, не способных украсить или просто прибрать свой дом...

Едва ли автор статьи прав, возлагая особые надежды в деле возрождения наших городов на внимание центральных властей. Такое дело под силу только населению этих городов, а в масштабе страны — всему народу. Но тут есть одно «но». Едва ли и тот чиновный аппарат, что десятилетиями душил в народе всякое проявление самостоятельности, подменяя ее «организованными» формами, вправе упрекать людей в безынициативности, а то и иждивенческих наклонностях, как это сегодня случается нередко. Понадобится еще немало времени, чтобы к людям в условиях цивилизованных, поставленных на незыблемую правовую основу отношений с властью вернулись и личное достоинство, и работоспособность, и уверенность в завтрашем дне, а государство утратило роль безликой и непредсказуемой, враждебной своим гражданам машины.

А. Вологдин начинает своей статьей очень серьезный разговор. Редакция предполагает обратиться к истории нашей страны, к опыту других стран, чтобы попытаться ответить на множество вопросов, связанных с развитием местного самоуправления. С этой задачей, конечно, будет невозможно справиться без помощи наших читателей. Ждем ваших откликов!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Кира КОРНЕЕНКОВА

КАК ВСЕ ПРОСТО!

Настораживает, что наши идейные противники очень уж радуются нашей гласности. С чего бы это?

Я не историк, но всю свою сознательную жизнь, более 36 лет, собираю материалы о жизни и деятельности И. В. Сталина и его времени, в связи с чем постоянно обращаюсь к старым газетам и журналам. Мы сейчас много говорим и пишем о «белых пятнах» в истории, подразумевая при этом прежде всего массовые репрессии, переселение народов, раскулачивание, голод в отдельных районах страны в 1932—1933 гг. На мой взгляд, это «белые пятна» для тех, кто не может или не хочет обратиться к прессе тех лет. Нас уверяют, что репрессии скрывались от народа, что никто не знал об использовании заключенных на строительных работах. А вот что можно прочесть в Постановлении ЦИК СССР в связи с успешным пуском Беломорско-Балтийского канала («Правда» от 5 августа 1933 г.):

«...уже полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер соц. защиты в отношении 59 516 человек. ...снять судимость и восстановить в гражданских правах 500 человек... Поручить ОГПУ Союза ССР обеспечить дальнейшее поднятие квалификации в строительном деле наиболее талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов и при поступлении их в учебные заведения обеспечить стипендией».

Как видим, никаких тайн.

Что касается голода, тут, на мой взгляд, очень показательна статья М. Шолохова «О простом слове»:

«В 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края — под видом борьбы с саботажем в колхозах — лишили колхозников хлеба. Весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, был изъят. Многие коммунисты, указывавшие руководителям края на неправильность и недопустимость проводимой ими политической линии, были исключены из партии и арестованы.

В колхозах начался голод. Группа партийных работников северных районов Дона обратилась с письмом к т. Сталину, в котором просила расследовать неправильные действия краевого руководства и оказать ряду районов продовольственную помощь.

Через несколько дней от т. Сталина была получена телеграмма: «Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру».

В районах начали кропотливо считать, сколько понадобится хлеба, чтобы дотянуть до нового урожая. Снова было послано письмо с расчетами, выкладками и указанием необходимого количества продовольственной помощи для каждого района. В ответной телеграмме т. Сталин сообщил, какому району и сколько отпущено хлеба, и упрекнул за промедление: «Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени».

Тысячи честных колхозников были спасены от нужды. Люди, пытавшиеся уморить их голодом, впоследствии были расстреляны».

Так писал М. Шолохов, житель тех мест. Все акценты им расставлены. Не этим ли расстрелянным собирается «Мемориал» ставить памятник?

Н. С. Хрущеву для проведения своих реформ было необходимо развенчать И. В. Сталина, что он и сделал. Гласность наших дней представляют как продолжение той «оттепели», что была при Н. С. Хрущеве. Это меня настораживает. Вместо глубокого анализа — «козел отпущения», все тот же придуманный «палач» И. В. Сталин и им созданная система. Этот уже однажды не оправдавший себя метод хотят заставить служить новой политической и экономической реформе. И открыто предрекается, что если реформа провалится, виноваты будут... сталинисты! Как все просто!

Мне всегда казалось, что хорошему, правильно понятому люди не сопротивляются. Если гласность сталинских лет объединяла нацию, направляла ее на решение кардинальных вопросов построения социалистического общества, то гласность наших дней, по моему мнению, разъединяет людей, уводит от достижения единой цели, подталкивает национализм окраин. Средства массовой информации оказались в руках тех, кто о плюрализме, видно, и не слышал. Идет какая-то «клановая» борьба, уводящая общество от решения основных проблем перестройки.

С болью читаю статьи в газетах и журналах, где с потрясающей легкостью охаивается наше славное историческое прошлое. Поражают своей безграмотностью работы отдельных авторов. Я уже не говорю о художественных произведениях: «Непридуманном» Разгона, «Детях Арбата» Рыбакова, «Ненаписанных романах» Ю. Семенова, где об И. В. Сталине нет и слова правды. Но чего стоит, например, утверждение доктора философских наук Капустина в статье «От какого наследства мы отказываемся» («Октябрь» №4, 1988 г.), будто И. В. Сталин вступил в меньшевистскую партию... в 1898 году! И таких «перлов» в работах маститых авторов много. Самое удивительное, что за это никто не несет никакой ответственности.

Недавно по телевидению было показано судилище над Н. Андреевой — сослуживцы на партсобрании вынесли решение, запрещающее ей публиковаться. Как все это увязать с плюрализмом, гласностью, просто с правами человека?

Пока средства массовой пропаганды и агитации не вспомнят, что перестройка будет воплощаться в жизнь не на митингах и не в спорах интеллигенции, а на полях, на заводах и на фабриках, и не начнут вновь воспевать того, кто своим трудом создает для нас все материальные ценности, едва ли гласность будет работать на перестройку. ■

ВЕКА БЕССИЛЬНЫ ПЕРЕД СЛОВОМ

Овик АХВЕРДЯН,
Ким БАКШИ

Самая маленькая рукописная книга Матенадарана — календарь. Создана в 443 году, 144 листа. Весит всего 19 граммов.

А самый большой армянский манускрипт — Мушский гомилиарий (Чарынтыр). Весит 7,5 килограмма. Шестьсот шестьдесят шесть пергаментных листов. Основой для этой книги послужил первый армянский сборник речей, созданный в 747 году в Макенянцванке на берегу озера Севан.

Центры письменности, школы каллиграфии и даже университеты письменного искусства буквально покрывали всю Армению. Сколько же гричей (так назыаали переписчиков.— Прим. ред.) трудились там денно и нощно?! Книги сохранили их живое дыхание. Сквозь века звучат их чистые голоса.

В памятных записях они благодарят буквально всех, кто им помогал, просят нас, потомков, помянуть всех добром.

А сами? Какими только уничижительными словами они себя не именуют! Они называют себя неискусными, неумелыми, многогрешными, бесплодными, невеждами, ленивыми, недостойными, неблагодарными...

«О проклятый сатана, что мешаешь мне писать. Бросаешь меня в пучину мечтаний. Мысль мою все время тянешь в другую сторону. Как быть? Уповаю на бога, пусть он поможет...»

«Простите меня, о братья, за крючковатое мое письмо. Палец обрезал серпом. Как смог, так и написал...» Это грич Закариос из Вайоцзора.

«В 1102 году жалоб много. Во всем нехватка. Светильник коптит, бумага плохая, чернила жидкие — все не по сердцу. А заказчик книги одним хлебом даже не вспомнил обо мне...» — пишет Симеон.

А старец Саркис прямо плачет: «Горе мне! Руки мои замерзли и превращают в руины письмо народа моего. Указательный палец высох, средним пальцем нажимаю перо. 40 лет пишу, почти ослеп. Не вините, молю...»

Грич Ованес из Канчута нашел выход: «О любезные братья! Дряхл стал. Уже два года плохо вижу. Ношу стеклянный глаз...» Это запись 1317

Здание Матенадарана в Ереване было специально спроектироаано для уникального собрания армянских рукописей и книг.

Миниатюры древних армянских манускриптов воспроизводят многие сюжеты погибших настенных росписи.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

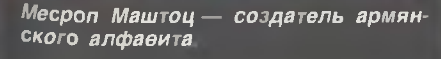

Месроп Маштоц — создатель армянского алфавита.

года, первое упоминание об очках в армянских манускриптах.

«Сердце мое в тревоге. Мечтаю: пока душа моя в теле моем, завершить эту книгу...»

Но мечта грича Ованеса из Мецопаванка не сбылась. Книгу продолжает его ученик: «Вспомните духовного отца и учителя моего Тер-Ованеса, который был убит неверными, зарублен мечом». 1064 год... Имвнно в этом году столицу Армении Ани захватили и разрушили турки-сельджуки.

В Матенадаране хранится один удивительный манускрипт. Создание его по сей день окутано тайной.

В 1320 году епископ Степанос едет к армянскому царю Ошину. Об этом имеется запись:

«Благочестивый Ошин захотел сделать мне подарок. Я спустился в его матенадаран, где было собрано множество разных книг. Но я пленился этой, так как была написана быстрым и красивым почерком, великолепно украшена, но не закончена...»

Книга, выбранная Степаносом,— это одно из сокровищ армянского книжного искусства.

Рукопись буквально переполнена миниатюрами. Они занимают не только отдельные листы, но и поля страниц, вторгаются в текст, между строк.

На разных страницах манускрипта я заметил несколько миниатюр, написанных на один и тот же сюжет. Однако ни одна миниатюра не похожа на другую.

Некоторые ученые считают, что над рукописью трудились четыре, а может быть, шесть миниатюристов, иные утверждают, что их было восемь. Манускрипт так и называется «Евангелие восьми художников».

К сожалению, мы знаем имя только одного из них. Послушаем продолжение рассказа Степаноса:

«С превеликой радостью я взял себе эту книгу. А благочестивый Саркис по прозвищу Пицак, много труда приложив, дополнил недостающее, закончил незаконченное и позолоту. И возрадовался я всем сердцем...»

Переписчики заканчивали последние страницы манускриптов, художники еще накладывали краску, позолоту, а страну заполонили — в какой раз! — полчища чужеземцев. И эта книга, как и тысячи других, отправилась по дорогам изгнания.

Мы выбрали из рукописей, созданных в разные века, эпитеты, которыми переписчики определяли свое время. Грозное! Суровое! Страшное.

А один грич по имени Состанес просто не находит слов, чтобы выразить всю глубину страданий: «Не могу писать. Я могу только молчать!»

* * *

«Сердце мое раскололось: любимые сыновья Саак и Месроп погибли. И глаза мои ослепли от слез!» Эта запись 1450 года принадлежит знаменитому гричу Ованесу Мангасаренцу. Историю его жизни пришлось собирать из кратких заметок, которые он оставил в своих рукописях. Он начал работать десятилетним мальчиком и трудился до самой смерти — до восьмидесяти двух.

В книге гимнов — «Шаракноци» в 1470 году он записывает: «Молю, не вините меня! Не вините меня, что письмо мое несовершенно. Свет в глазах померк — еще двое моих сыновей, Мгер и Саарбек, погибли. О, горе мне!»

В этой же самой книге через несколько месяцев еще одна запись Мангасаренца. «Руки совсем опустились, сломался мой позвоночник, согнулся я,— моя надежда, сын Мхитар — умер...»

Последнюю книгу Мангасаренца заканчивал его ученик Захария. Вот что он пишет в памятной записи о своем учителе: «72 года подряд денно и нощно он переписывал книги. И на старости лет, когда глаза его уже не видели и рука дрожала, с великими мучениями едва смог он завершить часть книги...»

Мангасаренц воспитал много учвников. Среди них и его последний сын Карапет. И его внук Ованес тоже стал гричем. В памятных записях он вспоминает детство, годы учений, просит помянуть деда — великого труженика: 72 года непрерывного труда, 132 книги переписал Мангасаренц. И только 20 его рукописей дошло до нас. Всего лишь двадцать! Остальное унесено временем.

«Наступило время бедственное в стране армянской, пришел народ стрелков — инолицый, иноязычный и жестокий. И плуги весной остались праздными на полях, и не было мальчиков, чтобы погонять волов. Всех погубили. А остальных взяли в плен. И книги наши тоже взяли в плен».

Что должен делать человек, когда, кажется, и предпринять ничего нельзя? Как жить? Что противопоставить злу? Новое зло? Или смирение и покорность? Свой ответ дают нам гричи. Злу они противопоставили творчество. Руке, грозящей мечом,— руку, держащую перо. Уничтожвнию человеческой мысли и памяти — особое, бережное отношение к книге, где живет и мысль, и память...

Год 1041-й. «Я, Саркис Вардапет, нашел осиротевшую книгу... Она валялась в пепле и молча плакала. И тосковала по рукам, которые протянулись бы к ней. Я взял ее с собой...»

«Я, портной, по имени Хандубек из Востана, выкупом освободил из плена эту книгу. Но нашелся хозяин, и с радостным сердцем я возвратил рукопись, пусть вернется домой, не будет скитальцем...»

Внимательно вслушайтесь в эти строки! «Взяли в плен...» «Книга была пленником, а не добычей». «Освободили из плена». «Чтобы не была скитальцем». О книгах говорят, как о живом человеке.

Книга покоилась в доме на самом почетном месте. Книгу завещали как мудрого друга — тем, кто остается. Книгу давали в приданое как советчика новобрачным. Книгу дарили новорожденным — на всю жизнь.

«О Давид мой любимый, родной мой сын, опора моя надежная... Пусть эта книга всегда останется у тебя, чтобы ты наслаждался ею. Молю, береги ее от всяческих зол — от заклада, от продажи, от огня и воды, от других бед. Храни ее как зеницу очей твоих. И еще более — как свет в твоих очах...»

Кто знает, сколько было создано рукописных книг начиная с пятого века, с начала армянской письменности? Историки сообщают только цифры потерь.

Персы, арабы, сельджуки, монголы, полчища Тимура, турки... Каждое нашествие — это потери бесчисленных манускриптов.

Историк XIII века Степанос Орбелян свидетельствует, что в 1170 году только в Татеве сельджуки уничтожили 10 тысяч рукописей. Но самые большие потери были в 1915 году во время геноцида, когда вместе с двумя миллионами армян было уничтожено 40 тысяч манускриптов. Это в три раза больше, чем теперь хранится в Матенадаране!

Мушский Чарынтыр, самая большая рукопись Матенадарана,— одна из тех немногих книг, которые были спасены во время резни 1915 года.

Но вернемся назад, ко времени создания книги, и посмотрим, какие невзгоды пронеслись над этими листами.

В памятной записи рассказывается о гибели хозяина рукописи Аствацатура в 1204 году, о том, что ее захватил сельджук-судья.

Потребовалось два года, чтобы собрать 4000 драхм, такую огромную сумму выкупа требовал этот судья за книгу. В памятную запись внесены имена тех, кто пожертвовал деньги. «Три брата из села Данджан. И дядя их Хачик. Еще священник по имени Ованес. Некая женщина по имени Узик дала тридцать драхм. И хлебопек по имени Артавазд. Итак, имеются еще многие... невозможно запечатлеть их имена, ибо они многочисленны».

Освобожденная из плена, 710 лет эта рукопись хранилась в Муше, оттого и называется Мушский Чарынтыр. В 1915 году во время геноцида судьба книги снова переплелась с трагической судьбой народа.

Трудно было спасать такого почти двухпудового великана. Беженцы несли каждую половину рукописи отдельно, и пути их далеко разошлись.

Мы почти ничего не знаем о тех, кто нес ее первую половину и, передавая из рук в руки, донес до русской границы. Те же, кто спасал вторую половину Чарынтыра, после скитаний закопали рукопись во дворе церкви Эрзрума и, видимо, были убиты. Рукопись случайно обнаружили две женщины-армянки. Рискуя жизнью, они спасли ее.

И вот обе половины нашли друг друга.

До сих пор в рукописи не хватает 66 листов: 16 листов ныне хранятся в Венеции. Недавно Ленинская библиотека передала в Матенадаран две страницы. Есть в Матенадаране ксерокопия листа, который находится в Вене.

Как бы ни были сильны враги человеческие, они бессильны перед Книгой, перед Словом.

И прав безвестный грич, сказавший в одной из рукописей: «Рука, державшая перо, истлеет, а написанное будет жить вечно».

Сквозь толщу времени из XIII столетия доносится голос Вардана Айгекци:

«Люди, которые придут после нас! Горе мне, потому что хочу видеть вас, но не могу. Ибо я уже превратился в землю. И, значит, этой книгой я буду говорить с вами, и душой останусь в вас навечно!»

Раздел, посвященный отечественным историкам, мы начинаем с Василия Никитича Татищева (1686—1750). Ученый-энциклопедист первой половины XVIII века, сподвижник Петра, радевший о славе и процветании Отечества, был в России основоположником истории как науки, дал начало целому ряду прикладных исторических дисциплин.

ЗОДЧИЙ НАУК

Татищева справедливо признают одним из самых выдающихся «птенцов Петровых». Он был человеком неутомимо деятельным и необычайно разносторонних дарований: горный инженер, математик, географ и экономист, лексикограф — составитель словарей, языковед и фольклорист, палеонтолог — автор первого в мировой научной литературе «Сказания о звере мамонте», медик, философ-моралист, педагог. Но более всего известен как историк.

С ранних лет он участвовал в осуществлении многих начинаний Петра I; как воин — кавалерист и артиллерист в сражениях Северной войны (был ранен в знаменитой Полтавской баталии), в Прутском походе, как дипломат (бывавший и за границей), как помощник Брюса по составлению «практической планиметрии» для землемеров и карт территории России. С его именем связано возникновение города Екатеринбурга — нынешнего Свердловска, и Оренбурга. В его «ведении» в разное время находились земли Приуралья, Калмыкии, Нижней Волги.

В начале XVIII века в русском обществе — и в его аристократических верхах — произошли изменения в сознании, и труд ученого уже не казался недостойным вельможи, пусть даже если он дальний родственник императрицы. Ревнитель «к пользе российской» в помыслах своих и делах, Василий Никитич Татищев был убежден в важности научного обоснования государственно-практических начинаний — и политических, и экономических.

Накануне вступления на престол Анны Иоанновны, когда создавались проекты государственных првобразований, он идеологически обосновал те формы политики просвещенного абсолютизма, которые стали характерны для России уже второй половины XVIII века.

Татищев был убежден в том, что через учение происходит «главная польза государству», верил в особую силу просвещения («Человеку нужно век жить, век и учиться»), размышлял об организации обучения с младенчества, о важности поощрения особо радивых и даровитых учащихся («чтобы высший в науке высшее место и имел»), много сделал как зачинатель профессионально-технических школ и самой системы такого обучения.

Центр по разработке научных проблем, подготовке отечественных кадров и изданию научных трудов, собиранию и изучению памятников истории и культуры Татищев видел в Академии наук. Он был как бы рожден к тому, чтобы стать ее президентом. И отечественной академии тогда действительно особенно был нужен такой руководитель — ученый разнообразных талантов и эрудит, энергичный и пытливый организатор науки. Но Татищев не стал даже членом Академии наук.

Человек независимого и решительного характера («сами ведаете о Татищеве, что ему под командою быть не захочется»,— писал современник), чуждый рутины и угодничества, он имел влиятельных врагов и много претерпел от их наветов. Последние пять лет жизни (скончался 15 июля 1750 г.) Василий Никитич вынужденно провел в своем подмосковном имении Болдино. Замечено, что всегда, когда Татищев оказывался отстраненным от государственной деятельности, он получал возможность полностью отдаваться научным занятиям. И именно результаты такой работы остались долговечными и особо ценимы потомками. В Болдине он особенно усиленно работал как «историописатель» (его выражение; позднее внедрилось в русский язык другое слово — «историограф»), то есть занимался историческими исследованиями, научной разработкой отечественной истории с древнейших времен по первые десятилетия XVII века (до восшествия на престол Романовых). Здесь он писал «Историю Российскую» (ученый разделял ее на четыре части). Ее предваряет «Предъизвещение», где обосновываются понимание самого предмета и задач истории, научная методика автора и характеризуется источниковая база.

Приступая к изложению истории, он отказался от мысли сочинять истории, то есть сводить свидетельства из разных лет к одному делу, как он выразился... Заслуга Татищева состоит в том, что он начал дело, как следовало начать: собирал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями, географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей название России, одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей.

С. М. СОЛОВЬЕВ

Рассуждая о «пользе истории», он очерчивает круг научных интересов исследователя. Это не только общественно-политическая, то есть история государства, нравов, быта, но и история научных знаний (в том числе и естественнонаучных, медицины и пр.). Татищев полагал, что «и вся философия на истории основана и оною подпирается, ибо все, что мы у древних, правые и грешные и порочные мнения находим, суть история к нашему знанию и причина ко исправлению».

Написанный тяжеловесным языком, этот труд как бы предвосхищает «Историю государства Российского» Н. Карамзина (также, кстати, доведенную до событий начала XVII века). Любопытно, что Карамзин во многом следовал Татищеву: тоже начал свою «Историю» с «предисловия» и главы об исторических источниках; и порядок его изложения определяется последовательностью событий государственной истории, точнее сказать, временем правления государей; и даже на полях страниц также отмечается важнейшее в изложении.

Татищев не ограничился сведением воедино фактов истории, выявленных им в отечественных (прежде всего в летописях) и зарубежных источниках, но постарался определить и характер самих источников исторической информации. Он понимал, что историку важно знать не только кто, что, когда, почему, где сделал, но и откуда мы это знаем, насколько достоверны наши знания.

Его по праву называют также и родоначальником отечественной археографии, то есть науки о выявлении, собирании и издании письменных памятников. Много места этому уделено в «Истории». Но его особая заслуга в подготовке к печати, причем с научными объяснениями, знаменитого свода законов Древней Руси «Русской Правды» (XII в.) и Судебника царя Ивана Грозного (1550 г.). Он заложил основы научного изучения русских летописей и перевода сочинений иностранцев, писавших о России.

В «Истории Российской» имеются известия, не встречающиеся в других исторических источниках. Это вызывает споры. Откуда эти сведения? По-

черпнуты ли они из древних рукописей (и если да, то точен ли перевод на язык XVIII века), а может быть, это плод своеобразного авторского истолкования или даже выдумки? В последнее время все больше приводится доказательств того, что он пользовался не дошедшими до нас источниками, возможно, это были рукописи из его личного собрания, сгоревшего вскоре после его кончины. Уже в наше время академик М. Н. Тихомиров (сделавший вместе с А. И. Андреевым и особенно с С. Н. Валком много для организации академического издания «Истории Российской») поражался «исторической проницательности» Татищева, в частности тому, что его выводы в «Несторовой летописи» в некоторых случаях значительно опережают свое время и даже построения историков XIX века.

Татищева можно признать и основателем научного краеведения в России. Он разрабатывал вопросники — анкеты о прошлом и современном состоянии отдельных областей страны, ее народов, собирал и истолковывал пословицы. Составлявшийся им «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» (оборванный на букве «к») — первый краеведческий словарь, содержащий наблюдения о разных сторонах жизни. С этого сочинения берут начало наши историческая география и ономастика, история права и история делопроизводства. Изучая своего рода словник «Лексикона» — «звания словарных обозначений» (городов, урочищ, рек, озер, чинов, фамилий, денег и «обстоятельств в России употребляемых»), убеждаешься в том, что в замыслах Татищева было, по-видимому, и составление особого исторического «Лексикона». Работа над «Лексиконом» сопутствовала и написанию «Истории Российской».

Еще не завершив «Историю» на русском языке, он задумывался о переводе этого труда на один из европейских языков. В 1748 г. Татищев просил, чтобы посвящение к намеченному изданию первой части «Истории Российской» поручили написать М. В. Ломоносову, и тот сделал это.

Но труды Татищева издали лишь посмертно. Тогда стала приходить к нему и слава. Полагают, что биографическую статью к 150-летию со дня рождения ученого в последний год своей жизни подготовил Пушкин. К 200-летию со дня его рождения о его жизни и деятельности еще в XIX веке была написана по архивным материалам подробная монография. Недавно основные сочинения Татищева изданы Академией наук СССР; книги о нем вышли и за рубежом.

Ученый-энциклопедист и государственный деятель, всесторонне образованный и даровитейший из младших сподвижников Петра I, Татищев первым из русских стал в ряд крупных европейских ученых. Его имя стоит у истоков не только исторической науки, но и ряда других современных научных направлений России.

Сигурд ШМИДТ,
доктор исторических наук

В. ТАТИЩЕВ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СОЧИНЕНИИ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ

Известно каждому благорассудному человеку, колико гистория в мире пользы приносит, ибо чрез то может ведать, как великие, художественные благочестивые своими знатными учеными поступками себе бессмертную славу и наследников своим похвалу, а отечеством или всему миру неоцененные пользы учинили, которые мы читая, елико каждого способность к тому явится, сердцем увеселяяся в действиях добрых, видя из того похвалу и честь предков, желание возыметь тому подражать и себя обучая к тому предуготовляем; другия же обстоятельства в истории показывают людей робких, и боязливых, ленивых, страстями сластолюбия, сребролюбия, роскошности побежденных, протчими злочестиями известных которые как сами погибли, так многократно великие отечествам разорения нанесли и погубили, наследникам же своим бесчестие и стыд оставили; и тако, как первые для научения и поохочивания к честным и полезным, так другия для устрашения читающему с рассуждением полезны, ибо видя, какой злочестивых конец последовал, весма хранится своих детей и подчиненных рассуждениями и прикладами от таких поступков удержат, а ко благочестию склонить способ и возможность возымеет.

Гистория же всякая хотя действа и времена от слов имеют нам ясно представить; но где, в каком положении или расстоянии, что учинилось, какие природные препятствия к способности тем действам были, тако ж где какой народ и прежде жил и ныне живет, как древние городы ныне имянуются и куда перенесены, оное география и сочиненные ландкарты нам изъясняют: и тако гистория, или деесказания и летописи, без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут...

...Он поставил науку русской истории на правильную дорогу собирания фактов: он обозрел, сколько мог, сокровища летописные и указал дорогу к другим источникам; он тесно связал историю с другими сродными ей знаниями.
К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

По методу своего мышления — прошу читателя заметить: по методу мышления, а не по отдельным взглядам,— Татищев является как бы главою многочисленного рода просветителей...
Г. В. ПЛЕХАНОВ

ДОНЕСЕНИЕ В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ О СВОИХ ЗАНЯТИЯХ РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ

Известно Государственной Коллегии, что древняя Российская гистория во многих знатных делах и обстоятельствах темна и неисправна, что не токмо междо разными писательми, но и у одного об одном деле по разным местам разно писано, наипаче же в летах и званиях народов, якоже и владетелей не малые погрешности, которю я, с 1727 году начав, колико возможно с европскими, а паче с польскими и немецкими гисториками согласовал и несколько с латинского велел перевести, как то Кромерова о Польше, Гельмолдиева и Арнольдова о славянех, Плиниева География, Кирхеровы примечания о татарской хронологии, да с татарского две гистории переведены и в Академию посланы; да Академии просил чтоб Персицкой гистории находящейся тамо манускрипт велели перевести моими деньгами, а ныне еще переводятся Страбонова география с латинского и Абулгаси-хана с татарского; токмо оных еще не довольно, а мнится мне чтоб и калмыцких гисторей ко изъяснению употребить. И для того я не жалея денег старался калмыцкие книги достать, но никак добиться не мог...

ПРЕДЪИЗВЕЩЕНИЕ О ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СОБСТВЕННО О РУССКОЙ

...Гисториа не иное есть, как воспоминовение бывших деяний и приключений добрых и злых, потому все то, что мы пред давным или недавным временем чрез слышание, видение или осчусчение искусились и вспоминаем, есть сусчая гистория которая нас ово от своих собственных, ово от других людей дел учит о добре прилежать, а зла остерегаться. Например, как я вспомню, что я вчера видел рыбака, рыбу ловясча и немалую себе тем пользу приобретша, то я, конечно, имею в мысли некоторое понуждение равномерно о таком же приобретении прилежать; или как я видел вчера татя или другаго злодея, осужденнаго тяжкому наказанию или смерти, то меня, конечно, страх от такого дела, подтвержденнаго погибели, удерживать будет. Равномерно все читаемые нами гистории так дела древние иногда так чувствительно нам воображаются, как бы мы собственно то видели и осчусчали.

Посему можно кратко сказать, что никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже коелибо правительство, меньше человек единственный без знаниа оной совершен, мудр и полезен быть не может...

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

БИБЛИОГРАФИЯ

Татищев В. Н. История Российская. ТТ. I—VII. М.— Л. 1962—1968.

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л. 1979.

Татищев В. Н. Избранные труды по географии. М. 1950.

Гордин Я. А. Хроника одной судьбы. М. 1980.

Дейч Г. М. Татищев. Свердловск. 1962.

Кузьмин А. Г. Татищев. М. 1981.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ ПРАЗДНИКА

ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ

«Осьминог» по-испански — «пульпа». «Пульпу» жарят и подают на стол как закуску. Нежное, чуть кислое мясо с розоватыми розетками щупалец — гордость испанской кухни. Попробовать его случалось в барселонском парке Монжуик, на празднике газеты «Авант!». Вовсю работали павильоны, толпами передвигались от стенда к стенду посетители, где-то на эстраде выступали артисты,

Набиашая нам оскомину фраза о контрастах западных городоа уходит сегодня даже с эстрады.

Другое дело — сами контрасты. Ночной пульс Мадрида, изысканные витрины и мужество этой женщины, которая должна накормить саоего ребенка,— кадры из потока жизни, какой ее каждый день аидят испанцы.

но неисправный репродуктор, прикрученный к дереву, выдавал только хрипы и глухое буханье барабана.

На «осьминога» меня пригласила немолодая пара. Я познакомился с ними у стенда «Правды». Им обоим под семьдесят, и опыт прожитых лет, кажется, делает их еще старше. Они помнят республиканскую Испанию, интербригады и горящий Мадрид; помнят советских летчиков и танкистов; оба считают «По ком звонит колокол» лучшей книгой в мировой литературе.

Почти двадцать лет прожили Хусто Родригес Гарсиа и Амелия Гонсалес дель Кампо в Советском Союзе. В Испанию вернулись в конце пятидесятых, с первой волной эмигрантов. Их судьба оказалась слитой с судьбой страны, на долгое время заменившей им родину. В Советском Союзе и сейчас живут их друзья, и, если хватает сбережений, дон Хусто с женой проводят две-три недели в Москве, не менее дорогой для них, чем Мадрид и Барселона. Чуть наморщив от усилия лоб, с характерным «латинским» акцентом — очень мягко, слегка растягивая слова — дон Хусто произносит несколько фраз по-русски. Потом, улыбаясь, спрашивает, хорошо ли я его понимаю.

Барселона. Здесь есть все: улицы, где яблоку негде упасть, и уединенная скамья для красавицы испанки; уличные художники на тротуарах; невидимые террористы и элегантные стражи порядка в бронежилетах с оружием наготове...

Фото Михаила НАСБЕРГА

Да, я понимаю дона Хусто. Те годы подернуты дымкой добрых воспоминаний. Ведь это свойство человеческой памяти — плохое забывается, хорошее остается. Остается широкая улыбка Гагарина, стремительный хоровод русского танца, вымытые весенним дождем просторные московские проспекты и «маленькие лебеди» в Большом... Об этом и говорит сейчас дон Хусто, сбиваясь на испанский, ожидая моей поддержки и понимания. Он приветствует перестройку, хотя и следит за ней с чувством восторженной озадаченности: уж больно велики масштабы перемен. Конечно, он верит в возможности нашей страны, потому что своими глазами видел, «с каким энтузиазмом умеют работать русские». Ведь это правда?

Это действительно так. Но в словах дона Хусто слышался за потоком воспоминаний легкий оттенок неуверенности, словно терял он почву под ногами. Даже для людей, мыслящих честно и прямо, новое оказывается порой настолько неожиданным и пугающим, так не совпадает с устоявшимися представлениями о правде и лжи, что воспринимается с известной долей недоверия и настороженности. И дон Хусто, уверяющий сам себя в правоте собственных же мыслей, почувствовал, что утрачивает привычные ориентиры, хотя вряд ли воспоминания могут служить надежным компасом. Но так повелось: каждый пытается сверить исторические часы с ритмом собственного сердца.

У каждого поколения своя борьба и своя правда. У каждого — свои идеалы. Тот, подошедший к стенду «Правды» старик смотрел на меня в упор красноватыми, слезящимися глазами. Его руки, привыкшие к тяжелой работе, не раз державшие винтовку, сейчас сжаты в кулаки.

Сорок лет он был убежден в правоте того, во что верил. И сражался за свою веру как мог. Он знал, что далеко на севере от его родной Испании есть страна, где сбываются надежды. Где утро встречает прохладой. Где в неимоверно трудной битве рождается новое общество добра и братства. Он был убежден в этом сам и убеждал своих детей и внуков, отмахиваясь от рассуждений о «железном занавесе» и «красном тиране». Он много повидал, и эта убежденность помогала ему жить.

Старик разжал кулак. На ладони лежала потемневшая от времени пятиконечная звездочка.

— Это подарил мне советский летчик в тридцать седьмом,— сказал старик.— Он погиб потом. А звезда осталась.

Мне так и не удалось убедить старика, что эта звезда и сегодня наша. Ему кажется, что у него отняли веру, которую не спрячешь в кулак, как фронтовую реликвию. Он не захотел назвать своего имени, потому что не видел во мне друга и считал правду о сталинизме предательством революционных идеалов.

Безнадежно махнув рукой, он повернулся и медленно побрел прочь, а я смотрел ему в спину и думал, что такой старик не один на всю Испанию, их не десятки, а сотни коммунистов старой закалки, которым трудно понять логику того, что происходит сегодня в нашей стране. А вокруг старика, не принимая его боли, шумел праздник, и красные флаги полоскались по ветру, и молодежь в ротфронтовском символе сжимала пальцы в кулак на митинге, и замок короля Альфонса XII на вершине холма уплывал в вечернюю темноту на лучах мощных прожекторов.

ТЕ, КТО ПРОТИВ

Рок-группа была средненькой, но играла старательно и громко. Гремел «металл», публика заводилась — ограничений на продажу спиртного в Испании пока не ввели. Очередной день фестиваля подходил к концу, в парке осталась преимущественно молодежь — дотанцевать, допеть, довеселиться. «Коричневые» со спрятанными под кожаные куртки цепями, уже порядком «разогретые», подошли к эстраде сзади и потому миновали пикеты охраны порядка. Они — за твердую власть, против «цветных» — любых, черных и «красных» — в жизни и политике. Драка вспыхнула неожиданно, и основная масса зрителей не разобралась до конца, что случилось. Концерт продолжался, и на фоне многодецибельного рока все происходило как бы беззвучно: «кожаных» сначала оттеснили, а потом выкинули за изгородь. Полиция так и не появилась — коммунисты взялись сами обеспечивать порядок, так что вмешиваться было ни к чему.

Молодые — это резервуар протеста. Быть в оппозиции к любой системе заманчиво, это, пожалуй, первый способ самоутверждения. Но политические дороги запутаны, на них легко заблудиться.

Почти пятнадцать лет прошло после официальной «кончины» франкизма. Но с уходом диктатора не умерли идеи диктатуры — фашизм в Испании еще жив и напоминает о своем существовании. И дело не столько в том, что в киосках свободно продается «коричневая» пресса, а на придорожных столбах и шлемах мотоциклистов замечаешь франкистскую символику.

В стране продолжается поляризация политических сил, и после десятилетия относительной индифферентности все более социально активной становится молодежь, которая, кажется, возвращается к бунтарским традициям конца шестидесятых годов. Что и говорить, беспокоиться нынешним двадцатилетним есть о чем. Главная проблема — конечно, безработица. В Каталонии, например, свыше половины от общего числа людей, зарегистрированных на биржах труда,— молодежь в возрасте до 25 лет.

В нашей прессе об «их» безработице писали и пишут предостаточно. Раньше ее квалифицировали почти однозначно, как злой умысел правящих кругов западных стран, теперь порой проявляют даже некоторое уважение к буржуазному государству, сумевшему обеспечить хотя бы минимальные социальные гарантии для людей, выставленных за ворота предприятий. Естественно, чтобы в полной мере ощутить тяжесть положения безработного, нужно очутиться на его месте. Но для себя я сделал вывод: еще больше, чем материальное неблагополучие, людей волнует моральная и психологическая сторона дела. К тридцати годам квалифицированный рабочий вполне может заработать на собственный автомобиль, да и вообще в разных странах жизненные стандарты настолько отличаются, что сопоставлять их, пожалуй, не имеет смысла. А вот почувствовать себя лишенным того, что имеют все, ощутить отсутствие жизненной перспективы — тяжело. И тот, кто сегодня имеет работу, суеверно боится ее потерять, даже если успел завести банковский счет. Кстати, многие молодые люди предпочитают после окончания школы идти «на производство», а не продолжать образование, скажем, в университете: с дипломом место найти куда сложнее.

Многих безработица деморализует. Поэтому ухудшение жизненных условий часто сопровождается всплеском неофашистских настроений, возникновением многочисленных полувоенных-полуфашистских организаций. Понятно, откуда отчаяние в глазах молодых людей, далеко не бедствующих, по нашим понятиям, коротающих вечера на дискотеках и в ночных барах за кружкой пива.

Социальная апатия, грозящая взрывом,— так, пожалуй, можно охарактеризовать состояние многих молодых людей. Вопрос в том, кто пробудит их от спячки, поднесет к пороховой бочке тлеющий фитиль. Не дай бог, если это будут те «коричневые», что пришли поздним вечером в парк на холме Монжуик...

Феликс Алонсо на стрекочущем, как пулемет, мотоцикле дожидался меня на углу улицы Таррагона. Феликс работает наборщиком в типографии газеты «Мундо депортиво». Газета вроде бы спортивная, к политике прямого отношения не имеет, но консервативную ориентацию выдерживает четко и с «левыми» не церемонится.

После прошлогодней забастовки под разными предлогами из типографии уволили четверых рабочих. Теперь угроза остаться без дела нависла и над Феликсом, активно сотрудничающим с каталонскими коммунистами. Так что сегодня Феликс мрачен, несмотря на то, что в кошельке есть деньги, что не барахлит мотор у новой «Хонды», что день вроде бы складывается неплохо.

До Центрального комитета мы добрались быстро. С площади Каталонии хорошо виден отделанный блестящей черной плиткой дом, опоясанный сверху донизу легкими дюралевыми пролетами. Красный флаг с эмблемой компартии развевается рядом с вывесками банков и страховых контор. В комитете полно народу — шел фестиваль партийной газеты, и работы хватало всем. В небольшом лекционном зале заседали, кто-то тащил кипы отпечатанных программ, на лестнице курили и громко спорили. Разгоряченные, молодые, как правило, люди звонили по телефону, рисовали плакаты и лозунги, клеили, писали, решали по ходу возникавшие вопросы и пили кофе из крохотных чашечек. Было шумно, тесно, и только вахтер у стенда с пропагандистскими брошюрами безучастно следил за происходящим с таким видом, словно отдыхал на скамейке в парке.

Феликс немедленно исчез — его отправили отвозить какие-то срочные документы, а я оказался в большой компании, бурно обсуждавшей программу завтрашнего митинга протеста. Через несколько дней, в течение которых удалось понаблюдать, как работают молодые испанские коммунисты, стало понятным то, что раньше как-то ускользало из сознания. Я наконец сформулировал для себя, чем они отличаются от нас. Речь идет не о теоретической подготовке или жизненном опыте, взглядах на мораль или манере одеваться. Они умеют работать бескорыстно, во имя идеи, от чего большинство из нас давно отвыкло или чему не училось вовсе. Политика для них — не газетные статьи и выступления с трибун. Субботников здесь не проводят. Здесь работает тот и тогда, кто и когда хочет. Эти ребята выбрали свой путь, видят цель и умеют отличать друзей от врагов.

Мы вышли из комитета, когда уже стемнело. Улицы утонули в черноте.

Город существовал в особой, ночной жизни, где поток автомобилей похож на лавину плывущих огней, где дремлют фонтаны на площадях, где башенные часы измеряют продолжительность снов. Мимо нас, обгоняя, прошла шумная ватага юнцов, скандируя собственного изобретения боевой клич.

Они тоже — против. Против чего?

Андрей ШАРЫЙ
Барселона — Москва

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

САША ЛЮТИКОВ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Который день разыскиваю одного человека в Сан-Франциско. Звоню и звоню по разным телефонам и все попадаю не туда — то на бывшую жену, то в шумящий множеством голосов ресторан. И чем меньше остается надежды, тем становится грустнее: кончается командировка, а когда я снова сюда попаду?

Сижу в номере, нервничаю. Телефонный звонок, снимаю трубку.

— Гена? Это Саша,— раздался русский голос. Мы здесь, ждем тебя на тридцатом этаже вашего отеля в баре «Шерлок Холмс».

— Иду,— ответил я русскому голосу, казалось, знакомому мне с детства: говор чисто московский, причем особенный. Так разговаривают коренные москвичи, воспитанные старой, давно исчезнувшей московской улицей.

Было около семи вечера. За столиками, что шли вдоль стеклянной стены бара, сидело уже порядочно посетителей. Заманчивое место: отсюда открывается вид на весь город, башни нескольких небоскребов, светлые домики, а дальше — голубизна залива.

Где же он, Лютиков?

Из-за стола, прямо перед выходом из лифта, поднимается невысокий коренастый человек в коричневой кожаной куртке. Знакомимся.

— А это моя подруга Кэролл,— говорит Лютиков.

Улыбчивая жизнерадостная женщина протягивает мне руку.

...Разговор между незнакомыми людьми начинается обычно трудно. А тут все пошло как-то быстро и легко. Очень уж знакомым кажется мне Лютиков, будто мы встречались с ним когда-то или вместе росли. Это открытое, не по возрасту молодое лицо, а ведь он 1924 года рождения, потертая курточка, обтягивающая крепкие плечи, тихая скромность в разговоре — все так знакомо мне, выросшему в одном из районов Москвы.

Лютиков и впрямь оказался пареньком с московской окраины, из района, который здесь, в Америке, называли бы «таф нейборхуд» — жесткий район, где надо уметь постоять за себя.

— Вы откуда? Тоже из Москвы? — Лютиков просиял.— Из Марьиной Рощи? А я из села Всехсвятское, знаете, там, где трамвай номер шесть делает круг. Тогда нам друг друга легко понять. Конечно, Всехсвятское не Марьина Роща, но все же... А как вы жили?

— Тесно,— говорю я.

— Ну, а мы с мамой обитали в комнатушке, которая была устроена вместо несостоявшегося лифта. Можно сказать, жили в лифте.

Он продолжает рассказывать, а я думаю: до чего же все похоже, предвоенное наше детство совпадает даже в мелких деталях.

...Жил в Москве перед войной мальчик Саша Лютиков. Подрос, окончил школу, стал работать на фабрике «ИЗО», где изготовляли скульптуры и прочий культурно-просветительский инвентарь. Мечтал стать художником, после работы занимался спортом — футбол, городки, лапта.

— Особенно я увлекался борьбой самбо. Учился у замечательного тренера Анатолия Аркадьевича Харлампиева. В 1941 году занял в соревнованиях третье место среди юношей. Первое взять никак не мог — Чужаков был очень сильный парень, а вот то, что Андрееву проиграл, до сих пор обидно. Его я мог победить. Боролись мы в зале Дворца спорта «Крылья Советов». Знаете, где это?

— Да как же не знать! Каждый день проезжаю мимо.

— А во дворце что?

— Все то же самое, спортсмены тренируются...

— Мы до войны тренировались помногу, да и Харлампиев любил с нами возиться.

Лютиков рассказывает, а у Кэролл в глазах восторг: самбист, чемпион, вот они какие, русские мужчины! А русские мужчины действительно неплохие. И в подтверждение этого Саша нежно целует ей руку.

...Жил-был в Москве юноша Саша Лютиков, работал, ездил на тренировки, пил квас, который наливали в большие кружки из деревянной бочки, ходил на Сельскохозяйственную выставку. Началась война. И в семнадцать лет пошел Лютиков в военкомат записываться добровольцем на фронт. Сначала его не взяли: молод.

Я вспомнил своего старшего двоюродного брата Юру. Юра с детства мечтал о военном училище, пытался поступить туда много раз. Не получалось, говорили — хлипок, здоровьем, ростом не вышел. И Юра, и мы, его младшие братья, верили. Теперь я понимаю: у Юры, по-видимому, была неподходящая анкета. Моя тетя Катя (в послереволюционной Москве) вышла замуж за француза. Родился мальчик. Француз исчез. Юра остался с матерью и неудобной французской фамилией. Когда началась война с первыми неделями тяжелого отступления, Юрино происхождение уже никого не волновало. Его тут же приняли в военное училище, откуда он вышел млад-

шим лейтенантом, чтобы отправиться на фронт.

Когдв немцы подходили к Москве, семнадцатилетний Саша Лютиков добился своего — оказался в действующей армии.

— В 42-м году нас перебросили на Кавказ. Шли тяжелые бои, боеприпасов не хватало, одна винтовка на троих.

В конце того же года он попал в плен...

А мы в это время получили похоронку на Юру. Последний раз я видел его после госпиталя. Мы с тетей Катей провожали его на трамвае на вокзал, на фронт. Маленького роста, счастливый, гордый, он был в гимнастерке, ладно схваченной широким поясом, в казавшихся очень большими бутсах. Таким я и запомнил его на всю жизнь — счастливым: мечта его исполнилась, он не только стал военным, он сражался с фашистами. После его гибели тетя Катя лишилась рассудка. Жила она тихо, в своих видениях, продолжала работать. Умерла совсем недавно.

Ну, а Лютиков оказался в плену. Эшелоны, забитые голодными, умирающими советскими военнопленными, привезли его в Германию, в Лотарингию, где вместе с другими выжившими его бросили работать в шахты.

— Знаете, сколько я там проработал? Пятнадцать месяцев. Это огромный срок. До сих пор не понимаю, как выжил. Чем кормили? Только баландой из брюквы. Лагеря были на вымирание. Многие наши пытались бежать. Сделать это было просто — исчезнуть во время конвоирования на шахту. Нас и не охраняли особенно, все равно далеко не убежим. Языка немецкого мы не знали, бритоголовые, одежда... сами понимаете. Считалось, местные немцы выдадут. Они и выдавали, беглецов возвращали в лагерь, били смертным боем. А я все-таки бежал. Как мне повезло, сам не понимаю. Днем прятался, ночами шел в сторону Франции. От Лотарингии французская граница не так уж и далеко. В конце концов попал к французам в маки...

Лютиков рассказывает кратко, без деталей, очень обыденным тоном. Кэролл сияет и время от времени поглядывает на меня. Во взгляде ее и радость, и волнение — впервые за долгие годы Саша рассказывает о своей судьбе не просто соотечественнику — советскому человеку.

А за стеклянной стеной бара «Шерлок Холмс» панорама залитого предзакатным солнцем Сан-Франциско... Господи, думаю я, куда только не заносит судьба русских людей! И всюду они остаются сами собой — чаще всего скромными, нехвастливыми, застенчивыми.

Пора ужинать. Кэролл пригласила к себе. Но мне непременно хотелось побывать у Лютикова в студии. Ведь он художник. Чтобы все успеть, разделились. Высадили Кэролл у ее дома, пусть готовит ужин. Сами поехали к Саше, на его старой-престарой машине, не то бывшем «форде», не то «крайслере». Едем по Гери-стрит. Лютиков показывает на огромный щит на фасаде одного из домов: изображение аккуратно подрумяненного батона.

— Это я рисовал.

Саша работает в компании, которая занимается изготовлением красочных щитов: «Курите сигареты Мальборо!», «Пейте только пиво «Будвайзер!», «Водка «Смирнофф» — лучшая в мире!». Студия его оказалась на окраине, в старом двухэтажном доме. Поднялись наверх.

— Мне повезло,— сказал Саша.— Подвернулось же такое чудо. Плачу за комнату всего триста долларов.

Студия — небольшая комната с низким потолком и не очень светлым окном. Лютиков уходит за картинами куда-то в соседнюю комнатушку, приносит, выставляет, ждет, что я скажу. Присаживается на стуле, не торопясь с объяснениями.

Ночной пейзаж, залитый лунным светом, острый кипарис, домик, горы в отдалении, ясно-ясно светящаяся синева на горизонте неба. Еще одно полотно, поменьше. Большеглазая девочка с волосами желтыми, как подсолнух. Очень похожа на мою дочь Аленку.

Не берусь судить решительно, хороший ли художник Саша Лютиков, но, как объяснили мне уже в Нью-Йорке, этот стиль называется «ретро» и спросом на художественном рынке сейчас не пользуется. Что ж, можно и подождать, мода здесь переменчива.

— Вот скоро закончу работу в рекламной компании,— говорит Лютиков,— стану получать свои восемьсот долларов. До пенсии мне совсем немного. Маленькая пенсия, зато по-настоящему займусь живописью.

Из студии мы поехали ужинать к Кэролл. По дороге все так же немногословно он рассказал мне о своих семейных делах. У него две дочери. Младшая удачливая, начинающий продюсер в Голливуде.

— Знаешь, она мне часто говорит: «Папа, настанет день, и я сделаю фильм о тебе, о твоей жизни». Ну, а старшая... Со старшей беда. Пропала без вести. Сейчас ей тридцать, если жива. А исчезла, было двадцать пять. Наркотики, компании, жизнь у нее не сложилась. Вот так, среди бела дня, каждый год в Америке пропадает около пятидесяти тысяч молодых людей.

Сейчас Саша в процессе развода со своей женой. Говорит о ней коротко:

— Тяжелый человек, невыносимая была всю жизнь.— Потом добавляет: — Жалко ее...

А вот с Кэролл они скоро собираются пожениться.

У Кэролл в доме, за обедом, или, говоря по-нашему, за ужином, Саша Лютиков и закончил свою историю — эпопею военных и послевоенных лет.

Бежал он из плена, добрался до Дижона, отшагав почти пятьсот километров. Французские власти посадили его за бродяжничество в тюрьму. Дали ему пятнадцать суток. Страна была оккупирована немцами, но отношения между администрациями были непростыми. Во всяком случае, французы его не выдали. В тюрьме Лютиков познакомился с местными жителями.

— Говорить по-французски я не умел, но удалось достать бумагу, карандаш, я рисовал портреты и пейзажи, ко мне хорошо относились,— рассказывает Саша.— Вышел из тюрьмы с одним французом, он оказался из маки. Стал потом большим партизанским лидером. Звали его командант Сэттер. С ним я и ушел в партизанский отряд. Партизанская война во Франции была совсем не такая, как у нас. Жили мы в лесу, нападали из засад на немецкие отряды, минировали железнодорожные линии. Но иногда могли сесть в машину и съездить посидеть в кафе в соседнем городке, пообедать, выпить кофе. Забавно, не правда ли? А ведь это была игра со смертью.

Слушаю Лютикова и думаю: как странно, казалось бы, я много читал о годах войны во Франции, знаю имена героев-антифашистов, с некоторыми, оставшимися в живых даже знаком, помню их рассказы о том, как много советских военнопленных активно сражались в партизанских отрядах. Об этих людях написаны очерки, книги. Правда, рассказы в большинстве своем стыдливо обрываются на описании воинских подвигов и боевых французских наград.

Что сталось после войны с так называемыми возвращенцами из числа бывших белоэмигрантов? Как складывались на Родине судьбы бывших советских военнопленных, участников французского Сопротивления? Об этом, за редким исключением, мы почти ничего не

знаем. Об этом начинают писать только сейчас.

Лютиков продолжает свой рассказ:

— Война была для нас, бывших советских военнопленных, очень, ну, как бы лучше сказать, очень пестрой, что ли. Вместе с фашистами на их стороне сражались и «русские» отряды. Вербовали так: «В лагере ты умрешь с голоду, а тут есть шанс выжить». Эти люди, так же, как и власовцы, в последние два года войны вели себя совершенно непредсказуемо. Третий рейх был обречен, многие предатели заметались, начали искать выход.

В августе 1944 года наша связная, монашка, принесла в отряд весть: несколько русских хотят перейти на сторону партизан. Они передали, что охраняют железную дорогу на подступах к тоннелю. Предложение показалось нам удачным: у нас давно было в планах взорвать этот тоннель.

На следующий день мы встретились с русскими. Их двое, нас четверо. Трое среди нас — французы, четвертый — я. Начинаем договариваться: ночью атака на железнодорожную станцию. Перебежчики дают сигнал, мы нападаем на немцев, взрываем пути, заваливаем тоннель. Посланцы говорят по-русски, монашка переводит. Товарищи мои ждут, когда переведут, а я все понимаю. Видно, чем-то я себя выдал: один из предателей — мордастый такой — насторожился. Побледнел, решил, видимо, что попал в руки красного комиссара. Тогда я ему выкладываю: «Да, я русский, только, как и положено русскому человеку, воюю против нацистов».

Отпустили мы парламентариев, а назавтра под вечер решили провести разведку. Приехали на машине на железнодорожную станцию, смешались с толпой, кто в пиджаке, кто в свитере, на головах береты. А потом — шасть в станционный буфет, думаем, хоть перекусим немного, изголодались в лесу. Входим, садимся. Вдруг вижу: в дальнем углу сидит тот самый мордастый дядька, отъелся у немцев. Глаза у него, как шары, на лоб выкатились, покраснел, будто его вот-вот хватит апоплексический удар. Вижу, встает он и бочком, бочком к двери. Что задумал? Предал один раз — снова предаст. Говорю своим: «Срочно сматываемся».

А командовал нашим отрядом капитан Маргаш — это известный герой Сопротивления. У остальных были клички. Одного звали Авиатер, другого Левандер, а меня просто Саша.

Выскочили на улицу, быстро в машину, дуть обратно. Едем — и, как назло, прокол шины. И снова накладка, запасной шины у нас нет. Что делать? В любую минуту на дороге могут появиться немцы. Послали одного из наших с шиной в деревню неподалеку. Сидим, курим, ждем. Вдруг вдалеке появляется немецкий грузовик с солдатами. Тут у нас нервы и сдали, автоматы в руки и в канаву. Залегли. Немцы, видно, что-то заподозрили. Грузовик остановился и повернул обратно. Ну, думаем, может и пронесло. И парень наш как раз вернулся из деревни с залатанной шиной. Ставим колесо, вот-вот поедем. Вдруг снова немцы. Решили брать нас с двух сторон, чтоб надежнее было. Я в руки пулемет — были в войну такие легкие пулеметы, которые можно устанавливать на треножнике,— нажимаю на курок, выстрелов нет: заклинило...

Тут меня и схватил немец, огромный детина. Зажал мою голову и давит. Я ведь самбист, знаю, не выкрутишься. Притворился, что потерял сознание, обвис у него в руках, чувствую, как немец разжимает свои клешни. Дал ему подножку, вывернулся, побежал. Автоматная очередь. И все. Потом уже узнал, семь пуль в меня попало.

В эту минуту и кончилась моя война. Потом мне уже рассказывали, немцы бросили меня на дороге, уверены были, что убит наповал. Местные жители подобрали, отнесли в замок, принадлежащий французской графине. В этом замке меня и вернули с того света. Первый раз, когда очнулся, решил, что я умер и уже в раю: лежу на чистых простынях... Двигаться не мог. Пришлось учиться ходить. Война кончилась, а я еще передвигаться самостоятельно не могу. Прошло три года, прежде чем пришел в себя...

Всю эту историю Лютиков рассказывает очень спокойно, а Кэролл все больше волнуется:

— Ну почему ты молчишь? Тебя же потом наградили! — упрекает его она.— Высокая французская награда.

— Да, медаль «Военный крест со звездой». Сам генерал мне вручал, руку жал.

— А за что дается эта медаль?

— За геройство, вроде нашего ордена Красного Знамени.

Почему он не вернулся домой, этот парнишка с московской окраины? Почему скитания по белу свету не привели его в конце концов туда, где, казалось бы, он должен был найти естественное пристанище? Почему сейчас доживает он свой век вдали от Родины, за которую в семнадцать лет пошел добровольцем на войну, а в двадцать был расстрелян фашистами в упор?

Почему не вернулся? Глядя в его лицо, я не задал этого вопроса. Поверхностный ответ был ясен: к тому времени, когда он встал на ноги инвалидом, было хорошо известно, что бывших военнопленных на Родине встречали отнюдь не цветами. Для тех, кто сражался в европейском Сопротивлении, особых исключений не делалось. Всех или подавляющее большинство из них ждали лагеря, длительные сроки заключения.

Какой трагический, тяжелый разговор — судьба советских военнопленных. Разговор этот едва начинается. Сравнительно недавно стали известны цифры — из 5,7 миллиона человек, попавших в плен, погибло около 3,5 миллиона. Народное бедствие, огромный, страшный пласт нашей истории. Трагедия, сама по себе взывающая к ответу. Почему это случилось?

Тысячи могил, а то и неприметных бугорков разбросано по всей Западной Европе, мест, где покоится прах советских людей, не по доброй воле оказавшихся на чужбине. Есть среди них особые могилы, те, над которыми воздвигнуты памятники, к которым наши туристы возлагают венки. Это могилы героев Сопротивления, советских военнопленных, сражавшихся в отрядах местных партизан, признанных Родиной, удостоенных ею высоких наград. Я смотрю на сидящего передо мной немолодого человека и думаю: а чем он, Саша Лютиков, хуже их? Только тем, что в тот августовский день 1944 года, простреленный очередью из фашистского автомата, он вопреки всему не умер, выжил?

После затянувшегося ужина Кэролл провела меня по своему дому. В каждой комнате висели на стенах картины Саши. Потом мы поднялись на плоскую крышу. Над городом темно-синим, беззвездным куполом нависла ночь. Вниз, под невидимую сейчас горку, уходили огни домов, а где-то там, дальше, в яркой синеве, висели светящиеся гирлянды — арки моста «Золотые ворота».

— Дома у меня никого не осталось,— сказал Лютиков.— Мать умерла, ей было девяносто, родных больше нет. Школьные друзья? Вот уж и имена их вспоминаю с трудом. Проступают откуда-то издалека, как размытая акварель.

Он отвез меня в гостиницу. Оставил свой облезлый кабриолет у нарядного, освещенного подъезда. Вышел. Мы попрощались. Потом вдруг рванулись друг к другу, обнялись.

На душе было тяжело.

Сан-Франциско — Москва

Михаил ЧУЛАКИ

Я БЫЛ ДИРЕКТОРОМ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

6. ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНТАКТЫ

Первый гастрольный выезд смешанной группы артистов балета Большого театра и Театра оперы и балета имени Кирова состоялся еще в 1954 году, за год до моего вступления в должность директора ГАБТа; в то время я работал в Главискусстве и на правах заместителя начальника Главка возглавил эту поездку.

После этих гастролей, как бы приоткрывших для западного мира занавес нашего искусства, в Москву зачастили представители театров и концертных организаций, наперебой предлагавшие посредничество для выступлений труппы Большого театра на наиболее престижных сценах Запада.

Эта пора совпала с моим назначением на должность директора Большого театра и заставила почти сразу же начать подготовку балетной труппы ГАБТа к ответственным гастролям в страны давних и богатых хореографических традиций: Англию и Францию.

Одним из первых, с кем я сблизился на деловой почве, был Жорж Сория, сухощавый, подвижный брюнет с маленькими усиками под горбатым носом — типичный парижанин, энергичный и остроумный.

Агентство Сория давно уже подбиралось к масштабным антрепризам. Сильной стороной Агентства были тесные связи с деятелями советского искусства, что позволяло Сория и его компаньонам формировать первоклассные концерты и успешно вести конкурентную борьбу с другими гастрольными организациями на территории не только Франции, но и соседних с нею франкоязычных стран.

Кроме того, Агентство Сория издавна кооперировалось с фирмой «Chanet du Monde», выпускающей диски серьезной музыки. Эта фирма, руководимая другом советских музыкантов Жаном Руаром, прославилась, в частности, изданием и распространением комплектов пластинок с записями таких спектаклей Большого театра, как «Борис Годунов», «Война и мир», и еще некоторых других.

Нет сомнения, что Сория избрал правильный путь и безусловно «поставил на ту лошадку», в результате чего благосостояние его фирмы и его авторитет росли от раза к разу, в чем я лично убеждался в каждый свой приезд в Париж...

А во Франции приходилось бывать не раз. Не считая туристских поездок по стране, мне выпало трижды возглавлять гастроли оперной и балетных трупп Большого театра, выступавших на сцене парижской «Гранд-опера́». Тут я имел возможность на деле познакомиться с рабочими взаимоотношениями подразделений внутри парижского театра, по многим своим параметрам сравнимого с главной сценой Большого театра в Москве.

Особенно поразил распорядок темошней постановочной части. Мы у себя настолько привыкли к несколько расплывчатой регламентации труда рабочих сцены, машинистов, осветителей, что притерпелись к небольшим допускам в графиках репетиционных работ, вызываемым «художественным произволом» главных творцов спектаклей. В «Гранд-опера» мы, советская труппа, впервые столкнулись с профсоюзом, неукоснительно стоявшим на страже интересов технического персонала. Для нас оказалось непривычным, что сразу же после сигнала к положенному обеденному перерыву вся деятельность французских рабочих внезапно прекратилась. Напрасно я взывал к администрации, что надо продлить работу на какие-нибудь пять минут, дабы закончить сценический эпизод; никто из директоров не захотел вмешиваться, а мне лишь посоветовали непосредственно обратиться к рабочим от имени гостей. Я так было и собрался поступить, но меня вовремя предупредили, что эти пять минут стоили бы дирекции «Гранд-опера» оплаты как за дополнительные четыре часа трудового дня.

Вскоре я привык к жестким правилам, регулирующим взаимоотношения администрации парижского театра со своими сотрудниками, и не одной только постановочной части. Кроме того, я быстро понял, что вокруг наших гастролей с самого начала стала возникать напряженная ситуация, когда какие-то давно назревавшие внутренние противоречия становились предметом торга (не подберу другого слова) между администрацией и профсоюзными организациями и грозили перерасти в забастовку.

Впоследствии мне приходилось сталкиваться с гораздо более серьезными конфликтами между администрацией и профсоюзами, и не только во Франции, но и в других странах.

Разумеется, для сложных расчетов взаимных услуг при разницах в валютах и в ценах должно быть в первую очередь уравнено число участников гастрольных трупп; в частности, для балета оно было по взаимной договоренности определено в 120 человек — артистов, работников постановочной части, административного персонала; равным должно было быть и количество спектаклей, даваемых сторонами на обеих гостевых сценах. Что же касается цен за билеты, то они в одностороннем порядке устанавливаются принимающей стороной, которая зачисляет сборы в доходы от эксплуатационной деятельности своего театра.

Словом, при проведении гастролей на основе взаимности полностью исключается произвол частных антреприз, всегда пагубно сказывающихся на выборе сценических площадок, к которым иной раз приходится насильственно приспосабливаться,— так же, как и к низкой квалификации оркестров, набираемых с бора по сосенке из числа безработных музыкантов, и особенно бесконечных изматывающих переездов, где день в пути обычно считается свободным от спектакля и должен быть компенсирован последующим «двойником»*.

Я с самого начала был против кабальных договоров с частными антрепренерами, которые за определенную мзду (зачисляемую на инвалютный счет министерства культуры) получали бы труппу в полную свою собственность.

Начать с того, что в расчете на барыши частные агентства обычно законтрактовывали труппу не менее чем на три месяца (считая летние каникулы с захлестом на начало следующего те-

Окончание. Начало см. в № 2 с. г.

* «Двойниками» в театральной терминологии называются рабочие дни, когда труппа играет два спектакля: утренний и вечерний.

«Лондонские иллюстрированные новости» (13 октября 1956 г.): «Балет Большого в Лондоне...» Вверху — первые зрители; в центре — балетная труппа Большого театра, на первом плане — Галина Уланова.

Лондонские диковинки. Балерины Большого театра на экскурсии по британской столице.

«Глобус» (6 октября 1956 г.): «Балет Большого прибыл в Лондон. После многих сомнений русская труппа прилетела для запланированных гастролей в Ковент-Гарден». Вверху справа: встреча в лондонском аэропорту. Дэвид Уэбстер, генеральный директор королевской оперы, приветствует дирижера Большого театра Юрия Файера.

атрального сезона); за этот срок они (работодатели) ухитрялись выжать из труппы по сверхуплотненному графику до девяноста с лишним выступлений, так что после окончания гастролей артисты оставались, как говорится, без задних ног и нуждались в восстановительном периоде.

В мое «первое пришествие» состоялись два гастрольных выезда балетной труппы Большого театра, которые я лично возглавил: в 1956 году в Лондон, где нас принимали на сцене королевского театра Ковент-Гарден, и в 1958 году — сначала в Париж для выступлений на сцене «Гранд-опера», а оттуда в Брюссель, для показа той же программы на сцене королевского театра «Де-ля-Моннэ» *.

Не следует думать, что в ответ на зарубежные выступления артистов Большого театра в нашу страну каждый раз должен был последовать приезд балетного или оперного коллектива; случалось, что обмен происходил между театрами различного профиля. И тут важен был уровень обмена — те гарантии и преимущества, которые из этого проистекали.

...Хлопотливые обменные гастроли постепенно теряли свой смысл и от раза к разу вытеснялись хорошо наезженными привычными антрепризами. Первое время, по инерции, что ли, руководство Большого театра пыталось выговорить у антрепренеров некоторые дополнительные обязательства по бытоустройству наших артистов, организации их питания ** и т. д. Но все это оказалось нереальным в условиях частых переездов.

Из-за неприспособленности многих предлагаемых сцен стала намечаться тенденция к облегчению гастрольного репертуара. Все чаще где-нибудь на периферии приходилось жертвовать художественными целями во имя показа отрывков. Оказывалось также возможным изредка выступать малой частью труппы, причем эти «мини-труппы» из рекламных соображений выступали под громким названием «Большой балет».

К концу пятидесятых годов гастрольная лихорадка стала занимать слишком много места в помыслах артистов; для иных попасть в число участников очередной поездки становилось целью, которой они добивались любой ценой. В коллективе, спаянном на основе благородного «синдрома театра», постепенно размывалось чувство товарищества, рождалась зависть, бывали даже случаи, когда к конкурентам по амплуа применялись недозволенные приемы...

Скоро стало ощущаться, что гастрольный «зуд» начинает мешать плановой деятельности коллектива, руководству приходилось подчас проявлять изрядную изворотливость, чтобы находить время для новых постановок, так же как и считаться с частыми нарушениями режима репетиционной работы и распорядка тренировочных занятий.

В свою очередь, о зарубежных гастролях стали поговаривать и в опере, из среды которой до той поры выезжали одни лишь «самые-самые», в основном для участия в постановках русских опер, но кое-кто и специально готовил себя (в предвидении ангажемента) для исполнения ролей ходового репертуара на языках оригиналов...

Уже тогда мне казалось, что «тяга к перемене мест» чревата опасностью постепенного раздробления гастрольных групп и, как следствие этого, преобладания в их репертуаре наскоро сколоченных концертных номеров (чем никогда не была сильна труппа «Большого балета»), не говоря уже об ухудшении качества исполнения, особенно в части кордебалетного аккомпанемента. Да и танцы под магнитофонные записи, к которым иногда вынуждены были прибегать «отпочковавшиеся» группы, также не способствовали подтверждению высокого реноме нашего лучшего в мире (как повсеместно трубила реклама) балетного театра.

Но одно дело предполагать, даже предвидеть, а другое, когда сталкиваешься с реалиями самой жизни и главной из них — материальной заинтересованностью артистов.

На этом вопросе я хотел бы остановиться особо.

Вопреки слухам, распространяемым людьми несведущими, заработная плата молодых артистов, приглашаемых в театр после завершения ими специального образования, бывает на первых порах весьма низкой; особенно это касается лиц, оканчивающих хореографическое училище и начинающих свою профессиональную деятельность в 17—18 лет,— им еще ждать и ждать, пока в результате передвижек и ухода «стариков» на пенсию они достигнут благосостояния, эквивалентного затрате физических сил и расходу нервной энергии. А ведь они не могут приработывать на стороне, как другие, ибо с первых дней работы в театре с утра до ночи целиком заняты в самом театре: в тренировочных классах, на репетициях, в спектаклях... Между тем все эти «мальчики» и «девочки» (если следовать общепринятым возрастным определениям) являются мастерами своего дела и выглядеть должны в полном соответствии со своей элегантной профессией: добротно одеваться, питаться пускай и дешево, но калорийно...

Вот и рвались они в поездки — и молодые, и кто постарше, рассчитывая сэкономить тем некую толику суточных для того, чтобы одеться, обуться, да и для натурального обмена по возвращении домой кое-что приобрести.

В этих реалиях было невозможно пустыми уговорами сдержать напор желающих принять участие в зарубежных поездках, несмотря на очень трудные условия работы, обычно во много раз превосходящей объем выступлений тех же артистов на московском стационаре, тем более что и министерство культуры было кровно заинтересовано в валютных поступлениях и всемерно поощряло расширение гастрольной деятельности.

Единственной стороной, в этом не заинтересованной, оставалась советская аудитория: она-то на себе ощущала частые оттоки артистических сил в столь массовых масштабах.

Но вместе с тем было бы несправедливо не упомянуть и о том, что зарубежные гастроли — это не только «себя показать», но и «людей посмотреть». Для наших артистов очень полезно время от времени соприкасаться с незнакомыми аудиториями, вживе ощущать реакцию публики разных стран, сталкиваться с критикой, основывающейся на иных творческих началах,— все это должно было послужить выработке иммунитета против односторонней оценки своих достижений, зачастую питаемой одной лишь априорной формулой: «Наш балет — лучший в мире!»

И уж, конечно, нельзя сбрасывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что каждое сколько-нибудь длительное пребывание в странах высокого уровня бытовых услуг, а зачастую и просто хороших «светских» манер благотворно сказывалось на повышении общей культуры поведения наших восприимчивых артистов.

7. ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНТАКТЫ (АНГЛИЙСКОЕ НАЧАЛО)

Мы собираемся в Англию. На этот раз полный комплект: балетная труппа Большого театра в составе ста двадцати человек, да и репертуар не какие-то там отрывки, не фрагменты, а законченные спектакли: «Лебединое озеро», «Жизель», «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта»... Особенный интерес вызывало это последнее название: как-то будет принят в Англии шекспировский балет? Больше всех волнуется едущий в качестве художественного руководителя группы Л. М. Лавровский, балетмейстер-постановщик этого лучшего в предвоенный период спектакля.

И мы тщательно готовимся, отбираем оптимальные (как теперь сказали бы) составы. А главное, обдумываем наиболее рациональный план репетиционной работы на сцене лондонского театра Ковент-Гарден, рассчитанный на то, чтобы за три дня (срок минимальный) подготовить к выпуску все три следующие друг за другом программы.

Но вдруг (ох уж эти вдруг!) из Англии приходит известие об учиненной там провокации против известной советской дискоболки Нины Пономаревой. Ее обвиняют в краже каких-то мелочей из магазина на Оксфорд-стрит — не то перчаток, не то тесемок. Пойманная якобы с поличным, Пономарева упорно уклоняется от явки в суд, и на этом основании ее не выпускают из Англии.

* Речь шла, разумеется, о балетных спектаклях; частные антрепризы и не помышляли о показе на зарубежных сценах наших оперных постановок, разве что выступали иногда в роли субподрядчиков.

** Должен пояснить, что мысль о необходимости организовывать в гастролях общественное питание родилась еще до моего прихода в театр. По роду своей деятельности в Главискусстве я был в свое время ознакомлен с докладными записками некоторых наших представительств в зарубежных странах, где указывалось, что многие советские артисты, получая на руки деньги на питание, экономили средства для покупки вещей, в результате чего имели место заболевания на почве истощения. Поэтому в крупных европейских театрах, таких, как «Гранд-опера» или Ковент-Гарден, где наша балетная труппа работала в стационарных условиях, нами были организованы дешевые обеды за счет средств, удерживаемых из суточных, причитающихся артистам. Благодаря этому нам с самого начала удалось избегнуть неприятных инцидентов, вроде имевшего место в балетной труппе Ленинградского театра им. Кирова, когда правительство Чехословакии вынуждено было увеличить суммы, выплачиваемые советскому театру, специально для организации бесплатных завтраков всем участникам гастролей.

(Потом работники посольства говорили, что гораздо разумнее было бы не раздувать дела, а вместо того, чтобы протестовать на всех уровнях, явиться в суд и заплатить по приговору весьма незначительный штраф.)

Когда были испробованы разные варианты вызволения нашей спортсменки из лап британского правосудия и получено разъяснение от симпатизирующего нам главы международной организации юристов-демократов Дж. Притта, что даже английская королева не может повлиять на судебную процедуру этой консервативной страны, мы решили — после консультаций в «инстанциях»,— что нам нельзя ехать в страну, где никто не гарантирован от разного рода провокаций. И опубликовали в газетах «Правда» и «Известия» заявление, что из-за сложившейся обстановки артисты советского балета вынуждены отказаться от проведения английских гастролей. Письмо это подписало около тридцати известных всему Советскому Союзу артистов, начиная с Улановой, Лавровского, Файера, Рындина...

Поскольку первая подпись была моя (как директора Большого театра), в мой адрес поступило немало писем, в подавляющем большинстве протестующих против нашего решения и обвиняющих нас в мелком политиканстве. Авторы писем (чаще всего студенты) рассуждали примерно так: нельзя, дескать, ставить на одну доску сомнительный случай с дискоболкой, хотя бы и известной, и сложный процесс налаживания отношений с такой державой, как Англия, в котором заинтересована прогрессивная общественность обеих стран. В одном письме прямо так и сказано: «Поверьте, что так думают все честные люди у нас в стране».

Но ведь мы-то всерьез считали, что не едем в Англию по принципиальным соображениям. Тем более что наша позиция в этом вопросе не раз подвергалась испытаниям на прочность. Чего стоит, например, такой казус, приключившийся за несколько дней до предполагавшегося отлета в Лондон. Какой-то репортер вытащил из своих «запасников» и опубликовал в одной из московских газет интервью со мной двухнедельной давности. В нем я описывал наши оживленные сборы и предвкушение встреч с английскими зрителями. Опубликованное в разгар нашего твердокаменного «нет, не едем!», это интервью произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Я был вызван в «инстанцию» для дачи объяснений. И лишь чистосердечное признание доставленного туда же репортера избавило меня от крупных неприятностей.

Неожиданно за двое суток до начала объявленных в Англии гастролей, когда все мы уже примирились с их отменой, поступила новая команда: «Ехать!»

— Значит, с Пономаревой все утряслось?

— Нет, но надо ехать!

— Но ведь мы пропустили все сроки репетиций на новой для нас сцене...

— Надо ехать!

И мы поняли, что нас безуспешно пытались использовать для блефа в крупной игре.

Лондон встретил серией неудач.

Во-первых, сели не в лондонском аэропорту, а за сто километров от него. Причина — за час до нашего прилета над самым аэропортом потерпел катастрофу какой-то военный самолет; отголоски происшествия достигли Москвы, и некоторое время наши родные и знакомые были уверены, что это с нами что-то там приключилось.

Во-вторых, наши самолеты приземлились на американском военном аэродроме (это ж надо?!), обнесенном колючей проволокой. Американские солдаты собрались наблюдать нашу выгрузку, а мы два часа не выгружались, сидели в самолетах, опасаясь провокаций. В конце концов деваться было некуда, и мы пересели в присланные за нами автобусы и благополучно доехали до Лондона.

И, наконец, самое главное: до начала нашего первого спектакля теперь уже оставалось меньше суток. Как за это время смонтировать — не то чтобы толком отрепетировать — все три спектакля? Задача!

И мы решились на непрерывную двадцатидвухчасовую репетицию. Чего это нам стоило! Я вспоминаю артистов балета, засыпающих в промежутках между выходами, и натруженные, растертые до крови пальцы балерин, и измученных бессонницей работников постановочной части... Посмотрели бы на это те, кто с завидной бездумностью создавал для нас столь тяжелые условия!

Но вспоминается и забавное. Когда в день премьеры трое из нас торопились рано утром в здание театра, в районе знаменитого Ковент-Гарденского рынка нас неожиданно атаковали несколько фоторепортеров и стали торопливо, на ходу, делать снимки. Хотя среди нас была «сама» Уланова, но в Лондоне ее еще не знали в лицо, и мы подивились такой обгоняющей события популярности. Однако сразу же выяснилось, что не только рынок граничит с театром, но и участковый суд, где вот уже сколько времени ждут Нину Пономареву...

Кстати, несколькими днями позже все произошло именно так, как предполагали дотошные фотографы. А само судебное разбирательство длилось всего несколько минут; судья приговорил Пономареву к 10 шиллингам штрафа, мотивируя столь мягкий приговор тем, что «речь шла о милых дамскому сердцу предметах».

Но вот и долгожданный, выстраданный нами первый спектакль. Это был настоящий «триумф», как говорил наш очаровательный в своей непосредственности Юрий Федорович Файер. Мы воспрянули духом. Второй спектакль прошел на уровне первого. Третий — это был «Ромео и Джульетта», за прием которого английской публикой мы особенно тревожились,— превзошел все наши ожидания; достаточно сказать, что восхищенные зрители провезли Уланову в автомобиле с выключенным мотором от театра до гостиницы (имитируя старинный обычай возить триумфаторов в карете с выпряженными лошадьми).

Но я не буду заново пересказывать всего, что уже было написано по этому поводу. В мою задачу входит описание событий сопутствующих, находящихся, если так можно выразиться, по ту сторону экрана.

Начну с того, что в состав нашей группы был включен заместитель министра культуры В. И. Пахомов. Собственно, слово «включен» не совсем правильно отражает утверждение в нашей гастрольной структуре столь высокого представительства. Было бы правильнее определить это с помощью оборота «напросился быть включенным». И действительно, Василий Иванович Пахомов (которого все наши артисты стали вскоре называть попросту «Чапай», и не только благодаря имени-отчеству, но и вследствие его кавалерийского обыкновения решать вопросы методом «рубки сплеча») лично приложил огромные усилия, чтобы убедить тогдашнего министра культуры Михайлова включить его в состав гастрольной группы. Даже меня он просил посодействовать этому, утверждая, что сможет во многом помочь нам на месте (как знать, ведь нет худа без добра, а в распоряжение Чапая — будем и мы его так называть для краткости — были выделены приличные суммы на премии и представительство).

Вскоре усилиями того же Чапая в руководстве группы установилась и должная субординация. Поводом для нее послужила, как ни странно, моя болезнь. Она свалила меня в самое неподходящее время; на полдень у меня было назначено деловое свидание с директором Ковент-Гарденского театра сэром Дэвидом Уэбстером, а я, как назло, уже с утра не мог приподняться со своего ложа. Осведомленный об этом, Василий Иванович пришел навестить больного, и я по простоте душевной попросил его вместо меня встретиться с Уэбстером и переговорить с ним по интересующим нас вопросам. Но Чапай гордо отверг мою просьбу. Он сказал, что ему «не на уровне» встречаться с Уэбстером (замечу, что сэр Дэвид Уэбстер был лично вхож к английской королеве, а уж там-то субординация!) и что это я могу «на уровне» общаться с директором театра, а он, Чапай, согласно протоколу, может беседовать только с членами Британского Совета.

Тут уместно сделать отступление и коснуться предмета предполагавшейся беседы с сэром Уэбстером. Накануне за обедом некоторые наши артисты обнаружили в мороженом мелкие кусочки битого стекла, и я собирался потребовать от директора Ковент-Гарденского театра немедленной смены поставщиков этого продукта. (В этой связи я не могу не вспомнить, что не впервые здоровье участников наших гастролей подвергалось серьезной опасности; так, в Париже в булочках, подаваемых нам к «пти дежене», были обнаружены обломки уголков от бритвенных лезвий...)

Между тем гастрольные спектакли шли своим чередом и с неизменным успехом. Каждый из участников был занят своим делом, каждому выпадала, кроме дел производственных, еще и добрая порция представительства. И тут, к нашему великому удивлению, один лишь Чапай оставался не у дел.

Он скучал, ходил неприкаянный и лишь изредка, выводя меня на улицу (видимо, во избежание подслушивания), полусердито-полувопросительно внушал:

— Вы себя неправильно ведете.

— ?

— Вы должны популизовать (так!), что с вами приехал заместитель министра.

— Я «популизую», но англичане не слушают...

И как не понять было неугомонного Чапая: премиальные он все роздал (и некоторое время был в центре внимания труппы), а солидные представительские так и лежали без употребления за неимением повода. А ведь он живо представлял себе, как дает прием по случаю наших гастролей, и как на этом приеме присутствуют все сплошь члены Британского Совета, и как он встает с бокалом в руке... У него даже четко вырисовывалось начало речи, с какой он обращается к собравшимся: «Леди и джентльмены!..»

Но время шло, а искомая ситуация так и не наступала. Нельзя же было всерьез занести в актив случайное ночное застолье, когда Чапай решил угостить коньяком «Двин» представительного метрдотеля, пожелавшего лично обслужить нас после затянувшегося спектакля. Да и окончилось это весьма нескладно, ибо метр, похвалив армянский коньяк, пожелал отдариться и вынес бутылочку заветного «мартэля». Чапай продегустировал благородный французский напиток и велел перевести, что это просто дерьмо; а когда переводчик, поперхнувшись, попытался смягчить формулировку, он настоял на адекватном переводе. Надо было видеть, как буквально взвился дотоле невозмутимый метрдотель, как он был предельно шокирован (мягко выражаясь) «некорректностью» чиновного клиента!

В то же время у других — и у членов руководства и особенно у исполнителей главных партий — представительских дел было с избытком. На приемах они буквально «ходили по рукам», их расспрашивали об особенностях их волшебной профессии, о житье-бытье в этой далекой и загадочной России.

Случались и события экстраординарные. Так однажды перед началом спектакля «Ромео и Джульетта» нас предупредили, что в антракте четверо из нас будут представлены королеве: два главных исполнителя, дирижер и руководитель гастролей. Церемония должна была состояться в королевской ложе, прилегающей к сцене на уровне лож бельэтажа. Уланову и Жданова сразу же провели внутрь ложи, а нас с Файером попросили подождать внизу в маленькой темной аванложе, одновременно служившей приемной. Пока Ромео и Джульетта (называю их так, потому что они оставались в своем сценическом обличье) беседовали наверху с королевой, через аванложу проследовали несколько придворных дам. При каждом новом появлении великолепный мажордом с булавой возглашал имя вновь прибывшей («леди такая-то», «баронесса такая-то»), после чего названная особа приближалась к нам; я обменивался с ней рукопожатием, а галантный Файер прикладывался к ручке. Вдруг мажордом назвал мужское имя («лорд такой-то»); однако Файер, отличавшийся слабым зрением, не успел переориентироваться и отработанным движением склонился над протянутой ему рукой. Я едва успел процедить сквозь зубы: «Это мужчина»,— но было уже поздно. Ко всеобщему изумлению, Юрий Федорович успел-таки приложиться к руке бесспорного представителя мужского пола! Слава богу, нас в этот момент позвали наверх, где королева задала несколько незначащих вопросов, на которые мы постарались почтительно ответить ей в том же ключе. О своей же аудиенции Уланова рассказывала, что с ней произошел небольшой казус: когда ее представили наследному принцу, она протянула было руку, чтобы погладить этого по нашим понятиям маленького мальчика по головке, однако тот сделал полшага назад и бросил на нее такой испепеляющий взгляд, что у нее сама собой опустилась рука...

...Но вот, наконец, осуществилось наше давнишнее желание — мы едем к Шекспиру в небольшой городок Стрэтфорд-на-Эвоне.

Ранним погожим утром для нас был подан специальный состав, и мы погрузились в вагоны сообразно занимаемому положению: Пахомов — с членами Британского Совета (сбылась-таки мечта Чапая!), я — с административным директором Ковент-Гарденского театра Джоном Тули, Уланова — с примабалериной того же театра Марго Фонтейн. Далее — солисты, артисты кордебалета, работники постановочной части — все по рангам, все по уровням...

Пройдясь по составу, я понял целесообразность такого размещения: везде велись непринужденные беседы «по интересам», везде раздавался смех. Из отсека, где были размещены Пахомов и члены Британского Совета, доносился трескучий басовитый голос Чапая. Сегодня он чувствовал себя в своей тарелке и самодовольно разглагольствовал об искусстве: «Конечно, Шостакович — это не Бетховен»,— уловил я из-за невысокой переборки вагонного отсека и понял, что все в порядке, Чапай на коне.

Через некоторое время оживленный Василий Иванович вышел в коридор и, взяв меня под руку, вполголоса стал делать распоряжения по ритуалу предстоящей встречи.

— Значит, так. Если по прибытии в Стрэтфорд приветствовать нас будет директор шекспировского театра, то с ответным словом выступите вы, если же мэр города — то я...

Вот и Стрэтфорд. От толпы встречающих отделяется сравнительно молодая дама приятного вида, на груди которой мы видим большой медальон на золотой цепи с изображением герба города Стрэтфорда. Мэр! Чапай выступает вперед, я делаю шаг назад, мэр начинает читать по бумажке приветственную речь.

Однако через некоторое время внимание мое было отвлечено какой-то возней и пререканиями между Улановой и главным художником нашего театра Вадимом Федоровичем Рындиным. Свистящим шепотом она удерживала его на месте, а он рвался поднять нечто, лежавшее у ног мэра. Наконец обманным движением Рындину удалось освободиться из-под опеки Улановой, он нагнулся, схватил это «нечто» и стал тянуть его из-под ног дамы, которой не оставалось ничего другого, как переступить раз и два,— и в руках у Вадима оказались черные шелковые дессу мэра города Стрэтфорда. (Мораль: и в Англии не все резинки бывают со знаком качества.) Незадачливому «джентльмену» спрятать бы в карман этот почетный трофей, а он, усугубляя ошибку, стал совать его ей в руки. Тут мэр, покраснев и сбиваясь с чтения, пробормотала «сенк ю» и истинно женским жестом засунула комочек тонкого шелка себе за лифчик. Кое-как закончив речь, она бежала, оставив Чапая в неизвестности по поводу ответного слова.

В шекспировском театре нам был показан специально организованный для нас дневной спектакль «Укрощение строптивой», а затем мы отправились в дом, где родился и провел первые годы жизни будущий великий драматург.

Впечатления от шекспировского мемориала я могу сравнить лишь со столь же сильным впечатлением от посещения баховского мемориала в Эйзенахе, где хотелось часами стоять у колыбельки маленького Иоганна, мысленно вызывая в своем воображении бесхитростные мотивы, которые когда-то напевала ему мать...

Так идиллически прошел один из последних дней нашего пребывания в доброй старой Англии. Мы и предполагать не могли, каков будет наш отъезд!

Поздним вечером накануне нам конфиденциально сообщили, что в утренних газетах появятся экстренные сообщения о событиях в Венгрии, в связи с чем ожидается резкая активизация всех правых сил. направленная против Советского Союза, в частности, против нашего пребывания на английской земле. Сегодня уважаемые, завтра мы могли стать нежеланными гостями страны. Следовательно, перед нами вставала задача как можно скорее и организованнее перебраться на территорию речного порта, у причалов которого нас дожидался советский теплоход. К чести нашей административной группы следует сказать, что ею был срочно разработан график сбора вещей и перевозки людей из трех гостиниц, где рассредоточенно проживали наши артисты; в нем были учтены и расстояния до гостиниц, и очередность рейсов, и отсутствие простоев автотранспорта. Этот график (по утверждении мною)

был немедленно доведен до сведения артистов, которым были указаны и места сбора вещей, и часы посадки в автобусы.

Тут бы и начаться ночной челночной езде, но вмешался Чапай. Он потребовал график, нашел его путаным и, исповедуя, что кратчайшим расстоянием во всех случаях жизни является только прямая, велел перекантовать план на прямую «погостиничную» вывозку людей и вещей. И вот в третьем часу ночи мне в номер позвонил начальник административной группы М. В. Калинкин и взволнованным голосом попросил официального разрешения «не выполнять распоряжений заместителя министра культуры товарища Пахомова». Такое разрешение было ему немедленно дано, и ко времени выхода утренних газет все мы уже выстроились в порту перед теплоходом.

Но если первая часть операции Лондон — Москва была выполнена без сучка и задоринки, то в порту мы натолкнулись на враждебное отношение некоторых портовых служб; везде уже читались вслух газеты, и никто не желал заниматься своим прямым делом: носильщики носить, а грузчики грузить огромное количество личных вещей и театрального реквизита, грудой сваленного на дебаркадере. Портовое начальство заняло нейтралистскую позицию, отговариваясь невозможностью воздействовать на свой персонал через профсоюзную организацию.

И тут, наконец, выяснилось, зачем нам был нужен заместитель министра. Как и можно было предполагать, он не израсходовал представительских сумм и теперь без колебания пустил их в ход. Мы увидели, как наш Василий Иванович подходил то к одному, то к другому бригадиру носильщиков и незаметно совал им в руки фунтовые билеты. Средство оказалось столь действенным, что через каких-нибудь полтора часа все вещи были погружены на теплоход, а мы дружно, хотя и вполголоса, пропели «осанну» нашему доблестному Чапаю, сразу заметно выросшему в наших глазах.

И все же окончательно мы успокоились лишь тогда, когда последний советский артист покинул английскую территорию и ступил на палубу советского теплохода «Вячеслав Молотов».

Все хорошо, что хорошо кончается!

8. ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНТАКТЫ (ИНТЕРМЕЦЦО)

Но завязавшиеся зарубежные контакты на этом не прервались, они развивались, постоянно напоминали о себе по самым различным поводам.

Так, с некоторого времени в Большой театр стали все чаще поступать (видимо, в порядке обмена?) художественные альбомы, посвященные постановкам оперно-балетных театров, и не только ведущих, прославленных в мире, но и еще только стремившихся к известности. К сожалению, Большой театр (как, впрочем, и многие другие театры нашей страны) не располагал высококачественными подарочными изданиями, рассказывающими о его художественной деятельности, и потому, когда нас изредка навещали званые гости, им нечего было увезти с собой в память об увиденных в Москве спектаклях.

С этой проблемой я также столкнулся с самого начала моего директорства, и потому мы (т. е. дирекция) еще в 1958 году порешили незамедлительно приступить к подготовке красочного альбома, который давал бы некоторое представление о спектаклях Большого театра Союза ССР.

Для этого была создана редакционная коллегия, куда вошли музыковеды, художники, руководящие издательские работники и еще некоторые деятели (в том числе и я), участие которых в подготовке альбома могло оказаться полезным. К написанию статей удалось привлечь авторов, ранее неоднократно освещавших в печати деятельность Большого театра и, стало быть, хорошо осведомленных о его нынешнем состоянии, были подняты архивные материалы и сделаны новые фотоснимки... И, конечно же, украшением альбома должны были явиться подлинные эскизы декораций и костюмов, а также работы известных советских художников, посвященные Большому театру.

И еще одна деталь. В целях максимальной «подарочности» решено было выпустить весь тираж в твердых обложках, оклеенных материей с узором, который в точности напоминал бы знакомый всем рисунок на занавесе основной сцены Большого театра *.

Книга, запущенная в работу в год моего пришествия к руководству Большим театром, вышла через несколько лет сравнительно небольшим тиражом: десять тысяч экземпляров,— и была распродана за считанные дни. Наконец-то и у нашего театра появилось подарочное издание, которое не стыдно было поставить в ряд лучших сувениров этого рода, распространяемых театрами других стран!

По-иному отреагировала на нее газета «Правда». На ее страницах появился уничтожающий фельетон, автор которого главный удар направил против высокой продажной цены на книгу (125 дореформенных рублей, что в современном исчислении составляет 12 рублей 50 копеек),— это, по мнению фельетониста, делало книгу совершенно недоступной для широких масс трудящихся. В фельетоне также упоминалось о недостаточно высоком уровне музыковедческой мысли в этом подарочном издании.

Так как все, что печаталось в «Правде», рассматривалось как написанное «от имени и по поручению», то и это выступление послужило основанием для привлечения к ответственности всех причастных к выходу в свет порочного альбома. Лишь я был помилован, ибо первый заместитель министра культуры С. В. Кафтанов вдруг объявил, что приказом министра я освобожден от должности директора Большого театра.

Вот в какой суматошной обстановке неожиданно для себя узнал я о своем увольнении.

Впрочем, неожиданно ли? Я давно предчувствовал, что ухудшающиеся взаимоотношения с министром ни к чему доброму не приведут и рано или поздно встанет вопрос: он или я? И тогда, конечно же, предпочтут его — высокономенклатурного, хотя и непригодного занимать столь высокий пост.

Тем более что и раньше до меня доходили сигналы, свидетельствовавшие о том, что над головой директора Большого театра сгущаются тучи.

Не придал я должного значения и тому, что редакция театральной многотиражки «Советский артист» получила указание пореже упоминать мою фамилию в связи с многочисленными внутритеатральными инициативами, к которым я неизменно бывал причастен.

А быть может, бдительность мою несколько притупила та казенная благодарность, которую в 1958 году министр подмахнул по случаю моего пятидесятилетия?

Так или иначе я не ожидал столь поспешной расправы, при которой даже преемник мне не был назначен и я не знал, кому сдавать дела, и поэтому некоторое время еще функционировал в театре, отдавал какие-то распоряжения, выслушивал просьбы и т. д.

В этот период междуцарствия — как курьез — случилось продолжение все той же истории с подарочным альбомом.

Н. С. Хрущев посетил Большой театр и привел с собой некоего почетного гостя. Тот попросил что-нибудь на память о виденном спектакле. Бросились искать «порочный альбом» — единственное, что главе правительства не стыдно было бы вручить в качестве презента на таком уровне представительства. А альбома нигде не нашли: в магазинах все экземпляры давно разошлись, в библиотеках от него постарались сразу же избавиться (от греха подальше); даже в музее театра как бы и не слышали о такой книге. Обратились ко мне: не сохранилось ли хоть одного экземплярчика?

Пришлось посылать за ним домой, и через пятнадцать минут Н. С. Хрущев уже вручал гостю этот злосчастный, хотя и роскошный альбом...

---

* К началу пятидесятых годов в Большом театре сменили главный сценический занавес. Новый занавес был изготовлен по эскизу, разработанному в театре и утвержденному в вышестоящих организациях. Для того, чтобы соткать каждое из двух полотнищ этого гигантского занавеса, на ткацкой фабрике пришлось конструировать специальный «широкозахватный» ткацкий станок. Общий вес чудо-занавеса достигал почти одной тонны.

В. КОРОЛЕНКО:

«Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе»

Наши энциклопедии, словари и даже собрания сочинений поражают иной раз необъяснимыми провалами «памяти», когда речь идет о судьбах русской творческой интеллигенции в первые послеоктябрьские годы. С какими чувствами покидали страну Федор Шаляпин или, к примеру, Александра Толстая — младшая дочь Льва Николаевича, о жизни, деятельности, книгах которой мы по сей день почти ничего не знаем?

Иной раз думаешь: а если бы живы были в то время Лев Толстой, Чехов? Неужели мы с такой же легкостью «забыли» бы и о них?

Не будем строить догадок насчет Толстого и Чехова, но вот Максим Горький, пролетарский писатель и зачинатель «социалистического реализма», принял далеко не все и не сразу. И узнать об этом мы смогли лишь сегодня, когда журнал «Литературное обозрение» опубликовал «Несвоевременные мысли», написанные Горьким целых семь десятилетий назад. Вот ведь какой провал! А уж у этого писателя, кажется, мы должны были знать все до последней строчки, читали даже его рассуждения о пользе концентрационных лагерей и похвалы в адрес устроителей Соловков...

Многого не принял и Владимир Галактионович Короленко (1853—1921). При упоминании этого имени привычно всплывают в памяти читанные еще на школьной скамье «Дети подземелья», «Слепой музыкант», «Сон Макара»... Меньше, к сожалению, читают «Историю моего современника» — автобиографическую книгу, по своей искренности, гражданской честности и полноте исторической правды не знающую равных в русской литературе. И уж совсем мало кто знает Короленко как общественного деятеля, все силы отдававшего борьбе с угнетением, насилием и произволом, за элементарные человеческие права. Прошедший царскую ссылку писатель олицетворял собой в XX веке совесть и достоинство русской литературы, его авторитет среди самых широких слоев общественности был огромен. В Полтаву, где он жил с 1900 года, шли к нему и обиженные, и преследуемые — искали защиты...

Да, Короленко выступал против террора и казней (об этом рассказывают его письма к Луначарскому, опубликованные в десятой книжке «Нового мира» за прошлый год). Да, он был невысокого мнения о хозяйственных инициативах новой власти, связывая с ее деятельностью разразившийся в 1921 году голод, как мы увидим это из публикуемых здесь писем к Горькому. Но разве не было в том же 1921-м Кронштадтского мятежа, разве не было противоборства мнений в рядах самой большевистской партии?

Мы слишком привыкли всегда и везде подменять нормальную человеческую логику логикой политической. Для точности я бы добавил: дурной, убогой логикой «единомыслия» по принципу «кто не с нами, тот против нас», прочно утвердившейся в те времена, когда свободно раздавался лишь один голос — голос «кремлевского горца».

Вдумаемся: не естественно ли предположить, что старый писатель, страстно выступавший против смертных казней в 1910—1911 годах, не сможет через каких-нибудь 10 лет их приветствовать? Или что человека, организовывавшего помощь голодающим крестьянам в царской России, не оставят безразличным голодные смерти в России советской, и к борьбе с голодом он попытается привлечь все силы, независимо от их политической ориентации? Более того: политические амбиции в этой борьбе не на жизнь, а на смерть с враждебными силами природы для него просто перестанут существовать? Не дороже ли для нас такая стойкость человеческой личности любых заверений в «преданности» народу, цену которым мы хорошо узнали...

Переосмысливая сегодня собственную историю с позиции общечеловеческих ценностей, мы должны наконец-то услышать все звучавшие в ней, этой истории, голоса. И это будет лишь первый шаг на пути к реальному многоголосию в будущем, к которому мы стремимся и без которого, как теперь стало ясно, не бывает у народа живой жизни.

Сергей ЯКОВЛЕВ

В сборнике «А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания» (М., 1957) переписка писателей заканчивается 1917 годом, хотя Горький и Короленко интенсивно переписывались в 1920—1921 годах, до отъезда Горького за границу в октябре 1921 года.

25 декабря 1921 года Короленко умер в Полтаве. В 1923 году Горький опубликовал в зарубежной печати 10 писем, присланных ему Короленко, в числе которых были четыре письма советских лет («Летопись революции», Берлин, 1923, книга I). Остальные письма Короленко к Горькому, а также все письма Горького к Короленко, относящиеся к тому времени, остаются неопубликованными.

Мы воспроизводим письмо Короленко к Горькому от 27 июля 1921 г. по зарубежной публикации Горького. Кроме того, в архиве семьи Короленко сохранились копии писем к Горькому от 9 и 10 августа и 14 сентября 1921 года. Все четыре письма публикуются в советской печати впервые.

Речь в письмах идет об участии Короленко в Комитете помощи голодающим.

* * *

Дорогой Алексей Максимович!

В настоящее время я сильно болен: у меня сильное нервное расстройство, а в последнее время к этому присоединилась инфлуэнция. Понятно, в каком я положении. Тем не менее, сегодня я уже ответил товарищам, избравшим меня почетным председателем Комитета помощи голодающим, и постараюсь сделать, что могу. Но силы у меня уже не прежние.

Мне кажется, Вы ошибаетесь, приписывая нашей эмиграции такие злобные и преступные побуждения перед лицом страшного бедствия. А бедствие надвигается действительно страшное, небывалое. Мы уже видели в прошлом году, как целые толпы слепо бредущих людей надвигались на пределы Украины с северных губерний. Тут были отцы семейств, которые сами запрягались в телеги, в которых были их семьи, и брели слепо на юг, в надежде, что там их ждет большое обилие. Но их по большей части возвращали назад. Повторяю: бедствие надвигается небывалое, может быть, с Алексея Михайловича. И Россия перед ним почти так же беспомощна.

И Вы думаете, что наша эмиграция в целом не будет не только помогать, но даже будет мешать помощи. Мне кажется, что Вы ошибаетесь. На это нужно настоящее черносотенное злодейство, а эмиграция в целом на это неспособна, я в этом уверен. Вообще я на это дело смотрю несколько иначе. Для меня, например, убийство Шингарева и Кокошкина[1] такое же злодейство, как и убийство Розы Люксембург и Либкнехта, и его безнаказанность остается таким же несмытым пятном, как и другое.

Мы затормозили ход нашей революции тем, что не признали сразу, что в основу ее должна быть положена человечность. У нас исстари составилось представление, что «великая» французская революция удалась только потому, что действовала террором. Но историк-социалист Мишле[2] утверждает, что она **не удалась именно поэтому.**

Наш дореформенный режим был режим особенный. Глупые цари держали Россию вне всякого политического прогресса, представляя такой прогресс исключительно конспирации, и этим самым подготовили такой феерический, можно сказать, провал своего режима. Затем Россия преклонилась перед террором,— на мой взгляд такая же бессмыслица. Наши революционные деятели забыли, что со времени французского террора прошло более столетия, и Европа жила в это время не даром. В ней происходило то столкновение мнений, из которого возникает новая истина, социальная и политическая.

Я не отрицаю, что во многом Европа и Америка тоже дошла до таких точек, которые могут быть разрешены только острыми столкновениями. Но у Европы и Америки есть уже практика долго действовавшего политического строя. А у нас?! Мы впали из одного насилия в другое. У нас теперь действует «административный порядок» до казней в «административном порядке» включительно.

Только из столкновения мнений рождаются новые истины и движение вперед. А что не движется, то умирает и разлагается. Правители России воображают, что они стоят во главе социальной революции, а они просто стоят во главе умирающей страны. И мы видим это умирание в простейших процессах: люди перестают работать,— останавливается простейший обмен живых соков.

Все это я старался показать в своих письмах к Луначарскому (на которые, кстати сказать, не получил ответа и даже простого извещения о получении. В это именно время начиналась моя болезнь). У нас, вместо свободы, все идет прежним путем: одно давление сменилось другим, и вот вся наша «свобода».

Разумеется, я сделаю все, что смогу. Постараюсь написать и воззвание, но на это мне нужно несколько дней, и притом, ввиду выбора меня в Комитет, я не могу пересылать того, что напишу, иначе, как через Комитет. Самое большее — это пришлю одновременно Вам и в Комитет. Наступают трудные дни, и надо действовать в полном согласии, иначе — провал. Эти времена я уже предсказывал в своих письмах к Луначарскому. Если теперь интеллигенция опять станет действовать вразброд, тогда — полный провал наших начинаний. Нужно, чтобы «власть» показала пример единения.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко.

27 июля 1921 г.

[1] Шингарев А. И. (1868—1918) и Кокошкин Ф. Ф. (1871—1918) — видные деятели кадетской партии, министры Временного правительства. В ноябре 1917 года были арестованы, 6 января 1918-го переведены по болезни в Мариинскую больницу, где находились под стражей. 7 января 1918-го были убиты ворвавшимися в больницу матросами-анархистами.

[2] Мишле Жюль (1798—1874), французский историк.

* * *

Дорогой Алексей Максимович!

Вы обратились ко мне с предложением написать обращение к Европе о помощи голодающей России, и я принял это предложение[1]. С этих пор у меня нет покоя. Это письмо я пишу среди бессонной ночи.

Прежде всего у меня нет цифровых данных. Я уже обратился к своим приятелям статистикам, но на это нужно время. Значит, придется подождать. При писании «Голодного года»[2] я располагал бытовым материалом, который сам же собирал на месте. Положим, этот бытовой материал теснится в голову и теперь и не дает мне покоя по ночам. Но... подойдет ли он?

Недавно Уэллс приезжал к Вам и после этого написал книгу. Я совершенно с нею согласен... но... его книгу не признали ни эмигранты, ни здешнее правительство. Редакция эмигрантов снабдила ее отрицательным предисловием, здешняя цензура ее просто-напросто запретила[3]. Для эмигрантов он слишком благоприятно относится к господствующей в России партии, для большевиков вся книга проникнута презрением к России, которая, как известно, стоит во главе всемирной социальной революции. Я прочел то, что писал Уэллс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за ее презрения к нашему отечеству. Правительство честные люди, но наивные. Народ... Что сказать о народе? Но наконец, я понял Уэллса и примирился с ним. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его. Россия свергла царизм. Это верно. Но значит ли это, что она шагнула так, что опередила всю Европу и стала во главе социальной революции? По-моему, отнюдь не значит, эти чудеса случаются только на митингах. Россия свергла только царизм, который и то терпела слишком долго.

История сыграла над Россией очень скверную шутку. Россия слишком долго допускала у себя бездарное правительство и подчинялась ему. Это правительство держало страну вне всякой политической самодеятельности. Прежний режим был слеп и не замечал со своей «диктвтурой дворянства», что он растит только слепую вражду. Он надеялся на слепое повиновение армии, забывая, что армия происходит из того же народа и что повиновение не всегда бывает слепо. И дошло до того, что армия же его и свергла.

Но что из этого вышло? Лишенный политического смысла народ тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты. Они удовлетворили долго назревавшей вражде и этим овладели настроением народа. А между тем дело было не во вражде. Нужно было как можно скорее ввести жизнь в новое русло. Я писал Вам уже об убийстве Кокошкина и Шингарева и выразил свой взгляд на это дело. Сколько бы они теперь могли принести пользы. Вот к чему привело раздувание вражды. К сожалению, я видел много подобных же случаев. Самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась. Расскажу несколько бытовых случаев.

Позапрошлый год на Пасхе ко мне в городском саду подошел молодой еще человек и попросил позволения переговорить со мною. Тогда он рассказал, что с его братом случилась маленькая ошибка. Оказалось, что он участвовал в зверском убийстве одного человека с целью ограбления... «Какая же это ошибка?» — спросил я. «Человек темный,— ответил он,— необразованный... Я этого не сделаю, вы не сделаете, но человек темный сделает»...

Я наотрез отказался ходатайствовать за человека, сделавшего «маленькую ошибку» в виде убийства с целью ограбления, посоветовав обратиться к правозаступнику. Я был уверен, что ничего трагического с ним не случится, что и действительно оправдалось. Он теперь, наверное, где-нибудь совершает такие же маленькие ошибки.

В 1918 году в апреле месяце [4] ко мне пришла женщина с хутора Голтва, Байрацкой волости, Полтавского уезда и рассказала следующую историю. Невдалеке от их хутора живут два красноармейца — Гудзь и Кравченко. Они арестовали целую группу лиц, в том числе между прочим и Захария Кучеренко. При обыске у Кучеренко нащупали 500 рублей бумажками и 35 рублей серебром. Они вывели арестованных из хутора, но потом решили отпустить остальных, оставив только Кучеренко. Затем он пропал без вести... Вскоре его нашли убитым в болоте.

До глубины души возмущенный этим делом, я отправился в Ч. К. к одному из видных ее деятелей и сказал, что среди их агентов есть разбойники. Он отнесся к этому сообщению довольно холодно. Положим, он сообщил на место посредством телефонограммы, чтобы одного из них арестовать, но ему ответили, что он ушел на фронт. Об аресте другого не было и речи. Я сомневался, чтобы и другой отсутствовал. Но мне пришлось этим удовлетвориться. И действительно, Гудзь, так звали убийцу, оказался не на фронте, а на месте и жестоко избил жаловавшуюся вдову...

Это доказывает, как снисходительно тогдашняя Ч. К. относилась к убийцам, может потому, что [убитые —] это предполагаемые кулаки. Эта бедная вдова явилась ко мне еще раз или два. Между прочим, она приходила ко мне с рассказом, что, разыскивая мужа, она наткнулась на целую партию оружия и пришла посоветоваться, донести ли об этом большевистским властям. Видя, как тогдашняя Ч. К. относится к бандитам (один полицейский рассказывал мне, что некоторые чекисты предупреждали убийц), я по совести не мог поручиться за ее безопасность, и теперь я уверен, что все это оружие в лагере бандитов, с которыми Красной армии приходится воевать. Что же касается до бедной женщины, то я почти уверен, что она убита. С тех пор она ко мне не являлась.

Вообще я видел тогда, что бандитами считались состоятельные люди, и я всегда этому удивлялся. Состоятельные люди прежде всего подвергаются нападениям бандитов и являются их естественными врагами. Между тем они-то и считались первыми бандитами. Нужно было внушить, что богачи и есть прежде всего бвндиты. Все как будто столкнулось так, чтобы породить голод: самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались. Я знаю случай, когда один человек был казнен Ч. К. только за то, что поехал в Германию и изучал там сельское хозяйство по предложению местного сельскохозяйственного общества. Я хлопотал о нем, но это не помогло, мне ответили, что он уже расстрелян. «О, это у них был деятель, изучал сельское хозяйство в Германии». Звали его Шкурпиев. У меня отмечено, что у этого Шкурпиева земли 15 десятин на троих. О, как бы теперь нам нужно людей, знающих сельское хозяйство.

Я мог бы перечислить таких случаев сколько угодно. Состоятельных людей или казнили или убивали. Мой вывод, к которому я пришел с несомненностью: настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости: нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены. Теперь продолжается то же, если это не прекратится, можно ждать голода и на будущий год и дальше.

Нужно отказаться от так называемого раскулачивания. Я знаю такую историю. В одной из близлежащих волостей была семья очень трудоспособная, у нее было сорок десятин. Комнезаможи [5] половину отобрали, оставили только 20 десятин на большую семью. Но все-таки семья опять справилась лучше других и живет зажиточнее. Тогда им оставили только 12 десятин. Семья живет все-таки лучше других. Тогда комнезаможи не знают, что делать с этими «кулаками», и решили наконец... выгнать их совсем из села. Осуществлено ли это или нет, я не знаю, история свежая. Скажите, что же это такое, если не предположить, что тут преследуется окончательное обнищание России. Всех под одно.

В Константиноградском уезде была зажиточная семья, по мере того как семья росла, понемногу приобреталась и земля, приобретались и машины. Теперь машины эти разобраны и главное по разным хозяйствам: одна часть машины досталась в одно хозяйство, другая в другое. Получилось только одно разорение, а не уравнение. И это случалось не однажды.

От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться. Нужна организация разумного кредита, а для кредита нужна зажиточность, а не равнение. Иначе сказать, нужно отказаться от внезапного коммунизма. Посмотрите, соберите сведения, сколько у нас разумных коммун, и вы удивитесь, как их мало. И из-за этой малости вся Россия вынуждена голодать.

Обобщая все сказанное, делаю вывод: наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля

лежит впусте. Комнезаможи — это часть народа, которая никогда не стояла на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, т. е. теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве.

Опять повторяю: нужно вернуться к свободе. Многое уже испорчено, но если что может нас вернуть к подобию прежнего благосостояния, то только возвращение к свободе. Прежде всего к свободе торговли. Затем к свободе печати, свободе мнения, не нужно хватать направо и налево (как схватили Ляховича [6]). Нужно объединиться и общими силами постараться выбиться из тупика, в который мы залезли.

Я, как и Уэллс, думаю, что если нынешнее правительство не будет вследствие голода постигнуто каким-нибудь катаклизмом, то ему суждено вывести Россию из нынешнего тупика. Повторяю, всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет: русский народ заслужил своим излишним долготерпением большевиков. Они довели народ на край пропасти. Но мы видели деникинцев и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам и к царизму. А это еще хуже. Это значило бы ввергнуть страну в маразм. Но обращение к свободе есть условие, без которого я не мыслю даже первых шагов выхода.

Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Я на это уже указывал в своих письмах к Луначарскому [7]. Теперь повторяю.

Вл. Короленко.

9 августа 1921 г.

---

[1] Письмо Горького с этим предложением Короленко получил 23 июля 1921 г.

[2] Имеется в виду книга Короленко «В голодный год» (1893).

[3] Книга Г. Уэллса (1866—1946) в русском переводе — «Россия во мгле» — была издана в Софии (Болгария) в феврале 1921 г. Короленко познакомился с ней в мае 1921 г., когда Х. Г. Раковский передал ему это эмигрантское издание.

[4] Описка Короленко, указанное событие произошло в мае 1919 г.

[5] Украинские комбеды.

[6] Ляхович К. И. (1885—1921) — муж младшей дочери Короленко, Натальи Владимировны. Социал-демократ (меньшевик). В 1909 г. эмигрировал во Францию, в 1917 г. вернулся на родину, стал лидером полтавских меньшевиков. В 1918 г., при немецкой оккупации, сидел в концлагере. 18 марта 1921 г. арестован ЧК, в тюрьме заболел тифом. 16 апреля 1921 г. скончался на квартире Короленко.

[7] См. «Новый мир», 1988, № 10.

* * *

Дорогой Алексей Максимович!

Чувствую, что немного запоздал с «обращением». Я все хвораю и, кроме того, не мог не написать Вам того, что у меня лежало на душе: голод у нас не **стихийный**, а **искусственный**, и пока мы не избавимся от некоторых наших приемов, мы из него не выйдем. Я, разумеется, этого в обращении не напишу, но мне нужно было написать это кому-нибудь. Я и написал Вам и Комитету.

Теперь очередь за обращением. Но как его сделать,— я еще не знаю. Я, положим, уже его написал, но сам им не доволен. У меня нет свежих данных, а приятели статистики, к которым я написал по этому поводу,— до сих пор не ответили (вероятно, медленность почты, а может быть, и потеря письма). Как бы то ни было, это теперь на очереди, и надеюсь, вскоре пришлю (дня через три). Если не будет свежих данных, пришлю на основании наличного материала.

Слышал, что Вы уезжаете за границу. Желаю Вам от души успеха. Сделайте предварительно все, что сможете, для того, чтобы изменить систему. Иначе ничего не выйдет.

А теперь еще раз желаю всяческого успеха. Россия погибает.

Ваш Вл. Короленко.

10 августа 1921 г.

Простите, что это письмо за хлопотами не успел отправить с предыдущим. Исправляю это теперь.

* * *

Дорогой Алексей Максимович.

Отвечаю на Ваше письмо от 31 августа. Ранее не мог. Я сильно болен. Ранее также обращение к Европе написать не мог, а с тех пор произошло много событий.

Не верится мне, правду сказать, в измену Кишкина. Не такие люди Кускова, Прокопович и Кишкин, чтобы затевать такие штуки. Я получил от Кусковой письмо, из которого видна ее «лояльность». Не думаю, чтобы она хитрила со мною, и вообще вся эта история очень печальная. Я получаю письма с жалобами на них, с обвинениями в «соглашательстве» и с упреками в измене «убеждениям». Думаю, что и это не верно. Они держатся твердо одной линии, какую раз наметили.

Вообще, история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство и худшее из политиканств, политиканство правительственное [1].

Я сильно болен, и врачи воспретили мне всякие волнующие мысли. Болезнь затянулась, и вот почему воззвание до сих пор не написано. Врачи угрожают, что если я не поберегусь, то я могу потерять совсем работоспособность. Уже из почерка моего Вы можете это видеть. А я еще считаю, что могу еще приподняться. Поэтому решил немного поберечься..

Вл. Короленко.

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Отцу стало хуже, и я кончаю за него письмо к Вам. Его чрезвычайно волнует вопрос о судьбе арестованных членов Общественного Комитета. Обвинения против них выдвинуты очень тяжкие, а отец не может допустить мысли об их виновности. Слишком это не вяжется с характером его переписки с Кусковой. Он очень просит Вас поэтому прислать хотя кратко какие-либо данные по этому делу. В какой стадии это было и что грозит обвиняемым. Приняв на себя звание почетного председателя, отец принял его не как пустую формальность, он не позволял себе таких формальностей никогда. Он дал свое имя Общественному Комитету потому, что по существу разделяет взгляды стоящих во главе на общественную помощь голодающим в данный момент. Поэтому он считает и свое имя задетым всей этой историей,— считает, что не может остаться в стороне.

Поэтому большая личная просьба с его стороны осведомить его с положением дела Общественного Комитета.

С уважением, С. Короленко [2].

14 сентября 1921 г.

---

[1] Речь идет о ликвидации 30 августа 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим. На следующий день Короленко записал в дневнике: «Разумеется, весь инцидент рассматривается как «самоупразднение». Комитет обвиняется в желании играть в политику, а не в желании помогать действительно голодающим».

[2] Приписка сделана старшей дочерью Короленко — Софьей Владимировной

Публикация и комментарии П. И. НЕГРЕТОВА и А. В. ХРАБРОВИЦКОГО

Улица Тифлиса

ЗУРНАЧИ, КИНТО, МУШИ...

РАКУРС

Рубрику ведет кандидат исторических наук Владимир НИКИТИН

Грузинская крестьянка

Удивительная смесь древневосточной и новой европейской культур отличала Тифлис в начале двадцатого столетия. Рядом со старой частью города — с его кривыми улочками, домиками с плоскими крышами, облепленными деревянными галерейками,— уже появлялись новые магистрали, дома местной знати, гостиницы и музеи.

Приезжие спешили увидеть знаменитый тифлисский базар, только что отстроенный отель

Курящий грузин с палкой

Этот репортаж из жизни Тифлиса сделан на рубеже двадцатого столетия фотографом Владимиром Ивановичем ЕРМАКОВЫМ

«Промышленным и даже торговым городом Тифлис назвать нельзя. Фабрик и заводов насчитывается около 250, но большинство из них — мелкие кустарные предприятия...

Купцов первой гильдии не более 70, второй — 700... Торговых заведений хоть и много, более 4000, но большинство из них с мизерным годовым оборотом... Людей, владеющих миллионами, каких можно встретить сплошь и рядом в больших городах европейской России, здесь нет. Богатых домовладельцев тоже; громадное большинство тифлисских домов заложено.

Достояние Тифлиса в настоящее время зиждется на пребывании в городе центральных казенных учреждений края; не будь их, Тифлис был бы одним из самых заурядных губернских городов».

Из «Путеводителя по Тифлису», 1896 год

«Ориент», грандиозное средневековое сооружение Метехский замок, Сионский собор и церковь Давида. Среди других тифлисских достопримечательностей было и ателье фотографа Дмитрия Ивановича Ермакова (1846—1916). Оно открылось в восьмидесятых годах прошлого века и просуществовало почти сорок лет. Не богатое убранство, не изысканные интерьеры влекли

Тифлис. Оружейная мастерская

Грузин в парадной одежде

Тифлис. Сцена на рынке

деланных бархатом переплетах... В них чуть ли не весь мир — тысячи фотографий, сделанных не только в Грузии, Закавказье, но и в Турции, на Ближнем Востоке. Знамвнитая «коллекция Ермакова».

В 1896 году Ермаков издает первую, а в 1901 году вторую часть описания своего собрания — «Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции». Коллекция насчитывала более 25 тысяч пронумерованных и кратко проаннотированных сюжетов, несколько тысяч видовых, очень популярных в ту пору стереоснимков.

Курящий грузин с кинжалом

Водоносы

Сазандари. Кавказская музыка

сюда людей. Всеобщий интерес вызывали фотографии: их было великое множество — за стеклами больших шкафов из дорогого дерева, в специальных витринах и на мольбертах. Множество снимков: от маленьких «визиток», групповых фото до огромных портретов. Овальные, продолговатые, квадратные. А в центре зала на большом круглом столе, покрытом скатертью из зеленого сукна, лежали альбомы в тисненых кожаных и от-

Перелистывая каталог, не перестаешь удивляться подвижничеству фотографа, совершавшего бесконечные поездки.

В фотографию Ермаков пришел в середине шестидесятых годов прошлого века. В качестве военного фотографа в 1877—1878 годах он принимал участие в русско-турецкой кампании. Но наиболее ярко его талант раскрылся в Тифлисе.

Великолепный мастер своего дела, он обладал еще и природным вкусом, удивительным чутьем.

Рекламные вывески, запечатленные на его фотоснимках: «Виноделие Ф. Н. Челидзе. Имеретинские, шампанские, столовые и ликерные вина», «Бани князя Ираклия», «Книжный магазин «Цодна» Сосико Мерквиладзе», воскрешают сегодня давнюю жизнь города. Любимым местом съемок фотографа был майдан — старый тифлисский базар. Ермаков снимал музыкантов — зурначей, мелких уличных торговцев — кинто, переносчиков тяжестей — мушей, водовозов, которые в специальных кожаных мешках — тулухах, вмещающих по 12 ведер воды, доставляли ее из Куры в самые отдаленные районы города. Вокруг майдана на узких улочках он фотографировал мелкие мастерские ремесленников — карачохели: жестянщиков, оружейников, фонарщиков, кузнецов, ювелирных дел мастеров, продавцов фруктов, грузинского хлеба «торне», ковров, детских колыбелей, колониальных товаров и множества других изделий, без которых немыслима жизнь горожанина.

Это были не просто фотографии «на память». Для каждого тифлисца — будь то особа княжеского рода или уличный борец, кинто, музыкант — он тщательно подбирал соответствующий фон, оговаривал одежду, позы. Ни капли манерности — все просто и естественно.

Снимки Дмитрия Ивановича Ермакова сравнивают с картинами его современника Нико Пиросманишвили. Свой собственный мир на том же материале, на той же фактуре и с какой исчерпывающей полнотой!

В ту пору, когда усиленно старались разрушить документальную точность изображения, когда изобретались специальные техники — бромойль, гумми и прочие, когда господствовала подражательная пикториальная светопись, Ермаков оставался верен принципам, заложенным в самой природе фотографии: достоверность, точность передачи объектов. Это было сродни творчеству ученых — недаром мастер являлся членом различных научных объединений, в частности Кавказского отделения Московского археологического общества, членом-учредителем Тифлисского общества поощрения изящных искусств и многих других.

Архив Ермакова в основном был приобретен Грузинским обществом истории и этнографии, но еще больше «разбрелось» по миру, по частным собраниям.

Тифлис. Кузнецы, изготовляющие подковы для буйволов и быков

Грузинский продавец фруктов

Тифлис. Грузинский священник и попадья

ВОКРУГ ХРАМА

КОМУ СИЯЮТ КУПОЛА

Недавно в Москве проходил Всесоюзный семинар атеистов. Присутствовала на нем ответственный партийный работник. Ее спросили:

— Как нам вести теперь атеистическую пропаганду?

— Новую концепцию мы пока не разработали,— последовал ответ.— Но у вас должны быть собственные мысли. У нас была стройная и развернутая программа. Но вот отметили тысячелетие христианства на Руси, и от прежней концепции ничего не осталось...

Нелегко поспевать за временем. Еще несколько лет назад нельзя было и помыслить о том, что будет праздноваться всенародно дата крещения Руси. А в прошлом году она стала огромным событием всей нашей культуры. Не только христиане, но и люди различных религиозных и политических убеждений отмечали великую веху истории. Пройдя через этот рубеж, уже невозможно вернуться к традиционному мышлению. Рождаются принципиально новые позиции.

Как складываются сегодня отношения между религией и культурой, между религией и нравственностью, политикой? Интерес к этим проблемам значительно обострился. Пора, по-видимому, ответить на вопросы, поставленные временем. Прежде всего важно реалистически осмыслить проблемы религиозной жизни в СССР. Не секрет, что за многие годы их накопилось немало. Гласность позволила осветить некогда засекреченные зоны. Обнажились противоречия, сложности. Устранить их — обоюдное желание верующих и неверующих. Об этом, собственно, и говорилось на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви.

В какой мере нуждаются у нвс в пересмотре принципы и практика взаимоотношений государства и религии? Что мешает плодотворному диалогу? Конечно, в первую очередь множество стойких предрассудков.

В течение многих десятилетий воинствующие атеисты исходили из убеждения, будто религия враждебна культуре, противостоит ее созидательным и гуманистическим тенденциям. В годы, непосредственно предшествующие перестройке, некоторые советские философы предлагали даже называть религию антикультурой.

Этот стереотип вредоносен и не соотносится с исторической истиной. На Руси, например, храмы строили на народные деньги. Церковь несла в себе основы просвещения, культуры и нравственности. Академик Д. С. Лихачев рассказывает о том, как бережно хранили в монастырях крупицы знания и многовековой практики. Роль монастырей в истории чрезвычайно важна и интересна.

Культура в целом восходит к каменному веку, к неолиту или палеолиту. На протяжении многих веков религия создавала храмы, которые сами по себе были непревзойденными памятниками культуры. Сияние золотых куполов рождало ощущение слиянности с природой, с рукотворными сокровищами. В храмах хранились произведения живописи. Религиозные сюжеты воодушевляли поэтическое слово, музыкальные аккорды. Отречься от всего этого можно только во имя убогой гордыни, которая оставит после нас лишь безликие коробки и трубы котельных.

Мы знаем также, что христианство — это письменная религия. Именно она приобщила Русь к высокоразвитой мифологии, к истории европейских стран. Через христианство осуществлялся диалог культур. Еще раз сошлюсь на мнение академика Д. С. Лихачева: «Мы воспитываем патриотизм, но не знаем богатейшей древнерусской словесности, ведь она недоступна без знания христианской проблематики».

Другой стереотип, также получивший хождение в атеистической литературе: религия противостоит нравственности или, во всяком случае, насаждает извращенную нравственность. Подчеркивают, что религия отнюдь не является источником нравственного начала в человеке. Это положение полагают даже азбучной истиной марксизма, о чем говорилось, например, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1986 году.

Так ли это? Конечно, в ходе своей многовековой борьбы против гнета и насилия богачей, против аморализма и жестокости эксплуататорского общества народные массы выработали свои нравственные нормы. Но было бы наивно утверждать, что эти нормы сложились вопреки религиозному сознанию или за его пределами. Возникновение и развитие религиозных воззрений глубоко связано с социально-психологическими потребностями человека, с его нравственными исканиями.

Иначе как объяснить тот факт, что религия сопровождает человеческую историю. Нет ни одного народа, который не знал бы идеи бога. Стойкость религиозных чувств как раз и объясняется нравственным пафосом конкретных учений, по-своему удовлетворяющих потребности человека. На протяжении более чем двух тысячелетий вплоть до эпохи Просвещения религия была державной формой общественного сознания в Европе. Сегодня из пяти миллиардов людей, населяющих земной шар, четыре — верующие.

Значит, люди испытывают потребность в вере. Она для них сопряжена с нравственной жизнью. В то время как другие формы общественного сознания, особенно наука, обнаружили глухоту к ценностям, к запросам индивидуального человеческого духа, религия, напротив, выступила как хранительница нравственных заветов, святынь. Не случайно в технократических, информационных обществах Запада, где наука продемонстрировала неоспоримые успехи, политики и мыслители по-прежнему отводят религии роль консолидатора общества. Только она, полагают они, способна откликнуться на глубинные духовные потребности человека.

Разумеется, все это не означает, будто религия самым адекватным способом отвечает на человеческие запросы. Как исторически удовлетворяются потребности духа — это вопрос иной. Но то, что религия отзывчива именно на нравственные искания, не подлежит сомнению. С этой точки зрения интерес к религиозной нравственности, который проявляют многие советские писатели, вовсе не является криминалом и ни в коей мере не обуживает наше представление об общечеловеческих ценностях.

Мы нередко критикуем религию за извращение нравственности. Но люди видят, что в повседневной жизни порой религиозный человек гораздо более требователен к себе, взыскателен к нравственным нормам. Он не пьет, не нарушает этики труда, почтительно относится к истории, к отеческим гробам. Мы же в бездумной и яростной борьбе против моральных абсолютов порою сами попадаем в мир искаженных и бессмысленных представлений. Вот один пример. В конце 70-х годов в Прибалтике проводился Всесоюзный семинар по идеологическим проблемам. Выступал на нем партийный работник из Эстонии, рассказывал о том, как удачно борются, по его мнению, в республике с религиозными традициями. В день поминовения родителей, делился он «опытом», многие верующие идут на кладбища и в храмы, чтобы помолиться за умерших родственников. Мы решили поломать эту традицию, направить ее в правильное русло. Этот день мы объявили днем памяти революционера Виктора Кингисеппа. Пусть, мол, молятся и вместе с тем осваивают новый советский обычай...

Сколько же во всем этом лицемерия и душевной тупости! Разве преступно желание человеке помянуть родственника — отца, мать, дедушку, бабушку? Разве не священна память по ушедшим из жизни? Как могла возникнуть мысль разорвать эти кровнородственные связи и подменить их другими, якобы более значимыми?! И ведь такая практика оценивалась как некий положительный опыт. Продлись эпоха застоя, к каким непредсказуемым «духовным исканиям» подобрались бы мы!

У парапета набережной стояла девочка. Она завороженно и со страхом глядела в воду, потому что собиралась утопиться. Один миг отделял ее от рокового шага. Мимо шли люди, занятые своими заботами. И никто из них не обратил внимания на ее душевное состояние. Никто... Впрочем, один разглядел. Он заговорил с девочкой, утешил, наделил душевным теплом. Потом увел ее с набережной. Это был священник. Он по роду своей деятельности привык проявлять внимание к оттенкам душевных переживаний людей, к их состояниям. А мы? Так много и увлеченно говорим о гуманизме и в то же время так порой черствы, равнодушны.

Так что же, может быть, в условиях перестройки свернуть атеистическую работу, ступить на дорогу, непосредственно ведущую к храму? Не этот ли вывод следует из логики предыдущих размышлений? Нет, автор не призывает ни к богоискательству, ни к богостроительству.

Духовный плюрализм не предполагает ни свертывания, ни усечения различных тенденций культурного творчества. Нужен конструктивный диалог. Ведь к процессу обновления нашего общества имеют отношение не только носители мировоззренчески «непогрешимого» атеистического сознания.

Но стереотипы разрушаются медленно. Недавно в директивные органы позвали трех экспертов. С ними решили посоветоваться о том, стоит ли регистрировать кришнаитов, которые обратились к советскому правительству с такой просьбой. Один из экспертов, приглашенных на консультацию, высказался однозначно: нет, кришнаитов регистрировать нельзя. И привел множество аргументов. Легализация общины приведет к распространению этой веры. Ведь это международная организация, она имеет свои филиалы во многих странах. Поборники кришнаизма выступают против общественной активности, отвергают мясной рацион, что наносит ущерб здоровью людей, особенно детей. Не обошлось, конечно, и без упоминания ЦРУ... Другой эксперт оказался более осторожным. Вроде бы можно и разрешить. Но страшновато. Дело в том, что кришнаиты имеют многовековые навыки работы с сознанием. Они обладают способностью воздействовать на психику человека, делать ее податливой. Община предлагает своим единоверцам достигать «чистоты духа», концентрируя волю, постоянно контролируя чувства. Тут и безоговорочное послушание, и истовая молитва. Это как духовная эпидемия. Не окажется ли европейская культура под угрозой? Поостеречься бы...

Третий эксперт безоговорочно высказался за регистрацию кришнаитов. Поскольку этот третий — я сам, позволю себе развернуть некоторые аргументы. Наш разговор, в сущности, никак не соотносился с действительным положением вещей. Дело в том, что число кришнаитов в нашей стране множится. Если мы откажемся регистрировать их, это вовсе не означает, что движение пойдет на убыль.

Да, кришнаиты отвергают мясо, они вегетарианцы. Но почему мы решили, что наш собственный рацион — самый лучший? Откуда у нас вообще такая подозрительность, такое воинственное неприятие всего, что не совпадает с нашим стандартом? Не в этой ли агрессивности следует искать корни различных страхов?

Кришнаиты действительно действуют во многих крупных и малых городах нашей страны, они пытаются создать собственные общины и на селе. Что же нам дает регистрация данного культа? Мы получим, наконец, реальные данные о том, сколько у нас кришнаитов, как географически размещены общины. Далее, мы можем ставить условия, вести речь о компромиссе.

Мы хотим строить правовое общество, а это означает, что к Конституции надо относиться с уважением. У нас нет правовых оснований отказать кришнаитам в легализации. Стало быть, надо вести работу в новых условиях, во многом непредсказуемых.

А посмотрите, как мы реагируем на добрую волю. Индийский пророк Раджниш, община которого много лет жила в США, заявил недавно, что он приветствует перестройку в нашей стране. Казалось бы, радоваться надо такому сближению. А что мы пишем в журнале «Глобус»? «Об этом он разглагольствует в своей новой книге и специальном выпуске своего сектантского журнала». Что же не устраивает журнал? Оказывается, Раджниш в свое время написал книгу «Берегитесь социализма!». Стоит ли теперь, когда религиозный деятель ценит огромные перемены, происходящие в нашей стране, по-прежнему воспринимать его через образ врага?

Нет, такая пропаганда, направленная исключительно на дискредитацию тех или иных лидеров религиозных течений, на оценку всех их акций как заведомо злоумышленных, не принесет пользы никому. Наивно думать, будто кто-то уйдет из кришнаитской общины, прочитав строчки о том, что пророк, используя гласность, хочет обольстить советских людей. Как втолковать таким воинствующим атеистам, что от прежней лексики пора бы отказаться? Время иное.

Да ведь и религиозная обстановка в стране совсем другая. Сегодня все чаще приходится иметь дело с нетрадиционной религиозностью. Ее приверженцы не посещают церкви, не придерживаются церковных догматов. Поставив себя вне существующих церквей, эти люди отдаются поискам религиозных форм, приобретающих подчас и гротескный, и экзотический характер.

Мир культов весьма разнообразен. Он включает в себя и евангельские общины, и древние учения Востока, и дьяволоманию, и веру в сверхчудесное исцеление. Молодые люди украшают волосы цветами, ожидая второго пришествия, обшаривают глазами небо в поисках космических пришельцев, распевают санскритские матры — религиозные молитвы в честь индуистских богов.

Люди многое сделали в покорении недр планеты, в освоении Мирового океана. Они вырвались в космос. Им стала подвластна энергия атомного ядра, инженерия генов. Разгадана тайна многих болезней и недугов. Человек несет свет своей духовности на другие планеты. И вместе с тем миллионы людей на Земле охвачены мистическими чувствами. Они отправляются в пустыню и ищут там богов из суперцивилизаций. Они вдыхают ядовитые испарения, идущие из расщелины скалы, и, подобно древней пифии, возвещают крушение мира. Они нищенствуют на улицах неоновых городов, чтобы их пророки могли разъезжать в бронированных лимузинах...

Сегодня в нашей стране происходит массовое обновление старых и создание новых культов. Конечно, на распространение нетрадиционной религиозности у нас оказали влияние негативные социальные процессы, которые проявили себя в эпоху застоя. Однако вряд ли сейчас, когда происходит демократизация, устраняются многие отрицательные явления, нетрадиционная религиозность пойдет на спад. Корни ее в поисках новых ценностей, которые, как полагают юные поклонники экзотических вер, отсутствуют в господствующей культуре.

К сожалению, мы все еще пытаемся устранить духовные брожения путем чисто теоретического просвещения. Однако аналитическое сознание само по себе не способно ни утвердить, ни опровергнуть идею бога. Оставаясь в сфере чистой логики, невозможно распознать исторические судьбы религии. Вера в бога вырастает из всей человеческой субъективности. Вот почему при осмыслении феномена религии нельзя отвлекаться ни от социальных основ бытия, ни от экзистенциальных чувствований. Многие традиционно мыслящие атеисты полагают, что корни религии следует искать в нелогичности, некоторой смещенности индивидуального сознания. Стоит, мол, подправить этот частичный дефект ума, и правильное миропонимание придет во всей своей незамутненной ясности. Столкнувшись с устойчивостью религиозных чувств, такие атеисты впадают в растерянность или проявляют агрессивность.

Прогнозы — рискованная вещь. Американский социолог Даниэль Белл, развивая концепцию, согласно которой мир переживает сегодня стихийное и непредвиденное религиозное возрождение, отмечает: ни один европейский философ XIX в., кроме, пожалуй, Шеллинга, не подозревал, что в будущем религия сохранится. Белл не совсем точен. Его суждение не относится, например, к русским философам, религиозным мыслителям, которые, напротив, исходили из представления о взращивании религиозного сознания. Но XX век действительно опрокинул многие поспешные прогнозы. Обнаружилось, скажем, что сама наука имеет врожденные изъяны, которые заставляют с тревогой думать о ее непомерных притязаниях. В поисках умозрительных истин, не всегда соотнесенных с выявлением смысла человеческого бытия, наука способна, как полагают теперь многие философы, поставить мир перед катастрофой. Началась «самокритика» науки. Заговорили о том, то она нуждается в ценностной восполненности. Раскрывая се-

креты природы и истории, наука не смеет уклоняться от вопросов: «Зачем? Во имя чего? Ради каких целей?»

Мыслители прошлого столетия полагали, что человечество продвигается по ступеням духовного восхождения — через миф, религию, философию. Что каждый тип сознания, отслужив своей зпохе, уходит навсегда. Но кто мог полагать, что в наше время миф возродится, станет объектом обостренного интереса со стороны писателей, ученых, теологов? Откуда вообще столь бурный натиск архаических форм, их неожиданное воскрешение? Не есть ли зто наглядное подтверждение неискоренимости религиозных чувств?

Американский журнал «Фьючерист» специальный номер посвятил будущему религии. Про что же идет речь? Говорят о том, что традиционные кризисные религии по сути дела бессильны разрешить мировые проблемы. Рассуждают о том, как трансформировать религии, чтобы извлечь максимум пользы из универсальных ценностей. Отмечают, что сегодня имеется множество противоречивых концепций относительно природы бога.

Вера в бога сегодня может принимать тысячи различных форм, иметь бесчисленные названия. Религия меняет свой облик. Но при этом она остается специфическим мировоззрением, которое противостоит по своим исходным установкам светской гуманистической традиции.

Многие современные теологи уверены в нерушимости религии. Мы же полагаем, что никогда не утратится светский гуманизм, ибо он одушевлен социальной идеей, верой в способность человеческого рода утвердить свои идеалы, одержать победу над тем, что унижает человека, мешает ему реализовать собственное предназначение. Гуманизм базируется на философском понимании человека. Без живого индивида, наделенного телесностью, разумом, чувствами, человеколюбие утрачивает свою основу. Но человек живет не в уединении. Общественные связи служат мерилом гуманизма, отражают его специфические формы. Конкретное общество не только провозглашает гуманистические абсолюты. Оно стремится реализовать их, обнаруживая таким образом степень собственной зрелости. Наше общество провозгласило сегодня высокие ценности, и мы боремся за их воплощение, проявляя в то же время отзывчивость ко всем нравственным исканиям.

Исторически так сложилось, что вера чаще всего ассоциируется с психологической установкой, предполагающей бытие божества. Однако вера может вырасти из убежденности человекв в разумность мирв, в возможности преобразоввния жизни. Кого привлечет безбожие, лишенное окрыляющих истин, ценностных ориентаций, гуманистического пафоса? У нашего атеизма есть высокие идеалы — и в этом его привлекательная мощь. На такой основе, как нам кажется, возможен плодотворный диалог между верующими и атеиствми.

Павел ГУРЕВИЧ

КТО В ОТВЕТЕ ЗА БАНКРОТСТВО?

За чей счет живет Камчатка? По разным оценкам, дефицит ее бюджета достигает 200—400 миллионов рублей. Область-иждивенка, проедающая прибыль других регионов? И это о Камчатке, где плещет истинно золотой прибой? Автор статьи, специалист по региональному хозрасчету, приходит к выводу: так проявляет себя эгоизм ведомств, опустошающих богатейшую территорию страны. Многие позиции уступили им обком партии и облисполком. Только соединение политической и экономической реформ способно обеспечить реальную власть Советов — в интересах населения области и общества в целом.

Эдвард МАКСИМОВСКИЙ

МОЛЧИТ ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Кто хозяин Камчатки?

Жаркой выдалась самая дальняя зима страны. В декабре, и это второй раз за один год, сменился первый секретарь обкома партии на Сахалине. Вскоре был забаллотирован и первый секретарь Камчатского обкома. Эти события посвоему отражали застаревшие проблемы жизни.

Какие? Если брать наиболее крупный масштаб — острые противоречия между отраслевыми «империями», относящимися к Камчатке как к своей «колониальной вотчине» и интересами территории, которые местное самоуправление оказалось не в силах защитить. Не до жиру — не хватает средств для удовлетворения обыкновенных житейских потребностей. Люди видели: перемен вокруг нет. А перестройка грезилась как немедленное улучшение жизни. Но все так же были запущены коммунальное хозяйство, торговля, общепит, сфера услуг. А что происходит с природой — главной кормилицей камчатцев?

Гибнет нерестовая река Камчатка — крупнейшая финансовая артерия области. Лесозаготовители превращают ее берега в пустыню. Деревянные днища у сплавных рек. Лес рубят, бочки, ящики валяются по всему полуострову. Великое множество. «Это рыбный цех страны!» — приходилось, наверное, слышать такие гордые слова? Их придумало ведомство. «Цех» — место жительства сотен тысяч людей. Но раз цех — то производство, и все подчинено интересам производства.

Какую прибыль дает древесина, сведенная с одного гектара? 110—120 рублей. Но этот же гектар, охраняя нерестилища, обеспечивает ежегодный улов лосося стоимостью 3—4 тысячи рублей. На следующий год столько же... И так далее. Добавим погектарную прибыль от брусничника — до 400 рублей. Лекарственного сырья — до 90 рублей. Оценку санитарно-гигиенического эффекта — свыше 600 рублей.

Лес Камчатки — самый дорогой в стране лес: он сберегает нерестовые златокипящие реки. А горит в кострах. Я их видел на Камчатке и зимой, и летом. Казалось, заживо свиваются в дым так и не родившиеся рыбы. Оседает в долинах чадящая гарь и от 2,5 миллиона тонн топлива. Мазут, дизельное горючее, уголь. Лихо теснит природу агропром. Падает уровень грунтовых вод. Заиливаются нерестовые гнезда. Будто Мамай ворвался в пределы заповедной земли. А лосось — это камчатский Байкал. Окутанный тайнами, тончайший механизм его жизни...

Это не эмоции. Переведем разговор на другой язык. По ценам мирового рынка, 100 миллионов долларов можно выручить только за одну путину. А камчатский краб? Продукты моря, некоторые из них (гормональные препараты) на вес куда дороже золота червонного? У берегов Камчатки едва ли не самый богатый шельф Тихого океана. Но и он уже содрогается под ударами с суши.

80 процентов населения области живет за счет водного промысла. Истощится живой мир — что станет с ним? На западном берегу Охотского моря я видел разрушенные, а где и совсем брошенные поселения рыбаков. Не стало рыбы — ушла из них жизнь.

А как живут люди в прибрежных поселках Камчатки, где безраздельно властвует рыбная отрасль? Приведу свидетельство очевидца И. Тетерина: «Выглядело Усть-Хайрюзово жалкой нищенкой. Убогие лачуги, крытые выгоревшим толем. Пыль и грязь, свалки мусора, немыслимое нагромождение разбитой техники».

Усть-Хайрюзово издали — знаменитый поселок. Здесь ловят крабов, а министерство продает их за золото. Прибыли, прямо скажем, колоссальные. А рыбоконсервный завод, который и «намывает» это золото, безнадежно убыточный. Нет средств даже на уборку мусора.

— Грабят,— говорит директор завода М. Азатов.— Средь бела дня Камчатку грабят.

Население этого не знает. И в скудости, убожестве жизни винит своих первых руководителей. Впрочем, не без оснований. За этим скрывается как минимум недальновидное присвоение аппаратом обкома партии рабочих функций аппарата облисполкома. Привычка все брать на себя, что ошибочно отождествлялось с ответственностью за все.

Политика — великое искусство. Когда демократизация расшевелила людей — пусть и стихийно, сумбурно,— не все идеологи сумели распознать в толпе критиков своих единомышленников, помощников, партнеров. А вот с ними-то, видимо, и следовало поделиться ответственностью за судьбу Камчатки. Это тот способ дележа, когда сумма удваивается. На демонстрации 1988 года мимо трибун пронесли плакат «Нет ГЭС — даешь ГеоТЭС!». Отзвук борьбы против гидроэнергетиков, которые и Камчатку решили не обойти своим разорительным вниманием. ГеоТЭС — это вовлечение экологически чистой энергии подземного кипятка. Неузнанные, прошли мимо трибун защитники природы.

Момент был упущен, и пока аппарат обкома партии обсуждал по кабинетам критику с улицы, предъявляемые ему требования приобретали все более упрощенческий характер. Они подкреплялись тупиковыми рассуждениями о социальной справедливости. «Наверное, придется закрыть столовую, спецполиклинику, передать нашу гостиницу городской коммунальной службе...» — говорили мне в обкоме и облисполкоме.

Словом, откупиться. Да, этот способ широко распространен в районах Севера, изобретение не собственно камчатское. В основе такое рассуждение: пошумят, перестанут, где им еще будут платить такие деньги? И то верно — средняя зарплата в области 439 рублей, по стране 221. Двойная зарплата как откупные: за первобытные условия жизни в поселках-нищенках, «героическое преодоление» северных трудностей, нагроможденных равнодушием и бестолковостью управленческих решений.

«Двойная зарплата все покроет» — в разные годы я слышал эти слова на Камчатке, в Эвенкии, в арктических поселках Якутии, на Колыме и Чукотке. Явление массовое и с подтекстом нахлебничества. Редко где вторая зарплата обеспечивается товарной продукцией. Северный вариант выводиловки. Значит, есть северные смены и у печатающих деньги станков.

Петропавловск, бесспорно, лучший город Севера после Архангельска и Мурманска. Но это лучшее из худшего. Облупленные дома на центральных улицах, неубранные дворы. А население так и не задумывается, во сколько обходится стране его пребывание на Камчатке.

Спрашивал многих: «Известно ли вам, что область убыточная?» Ну и что, мы-то при чем? «Но ведь кем-то оплачиваются бесплатные социальные услуги — школы, медучреждения, дотации на поддержание розничных цен.»

Ответ: это наши завоевания. За чей счет?

Такое можно было услышать даже от экономически образованных людей. Завоевания? Дефицит бюджета области достиг, по разным методикам оценок, от 200 до 400 миллионов рублей. Почему такой «разброс» методик? Результаты хозяйственной деятельности регионов вообще не было принято считать. Отсюда и иждивенчество. Так проявляет себя дурно понимаемое обобществление, когда все вокруг наше и ничье конкретно. В графу доходов областей и отраслей идет «второй счет», создавая «воздушный вал». Госкомстат РСФСР упорно относит к прибыли амортотчисления, хотя они отражают издержки производства, а белорусские финансисты недавно меня удивили тем, что они зачисляют в прибыль республики средства от союзного пенсионного фонда.

Восполняется дефицит за счет национального дохода, созданного на других территориях. Есть и иные источники, в том числе инфляционного свойства. Дефицит! И это у Камчатки, которая располагает бо́льшими природными ресурсами, чем соседняя Япония.

Только объединение «Камчатрыбпром» дает продукции на миллиард рублей с гаком. В основном голимое сырье. Отрасли вполне законно забирают его и перепродают с чудовищной маржой (разницей).

Самые щадящие оценки показали: только Камчатка способна сделать прибыльным ныне убыточный Госкоминтурист СССР! Сотни миллионов долларов может притянуть к себе Долина гейзеров. Встреча с нею оставляет ощущение, близкое к путешествию на другую планету — настолько необычен этот мир. Но для иностранного туриста Долина столь же недоступна, как и Луна. Во всяком случае, на Луне граждан США побывало больше, чем в Долине гейзеров на Камчатке. Миллионы долларов остались по ту сторону Тихого океана.

Но и эту золотую жилу не может разрабатывать Камчатка.

Министерства, ведомства — вот не выбираемые населением хозяева Камчатки. В руках у местных руководителей — вечевой колокол. Почему он молчит? Не могу отрешиться от мысли, что областные органы самоуправления сами по себе — проекция центральных ведомств на территории. Они также заняты борьбой за «план и обязательства».

КАКОМУ СОВЕТУ НУЖНА ВЛАСТЬ?

Вдруг полюбился лозунг «Вся власть Советам!». Популярен он и на Камчатке. Все слои общества, все политические акценты едины в стремлении укрепить власть Советов. К тому же лозунг звучит заманчиво революционно, в чем и причина его популярности у молодежи.

И только сами Советы, на мой взгляд, не рвутся к власти.

Почему? Исчерпывающе объяснил ситуацию председатель облисполкома Б. Синетов: «Власть Советов? Надо вначале найти реальный механизм, который бы ее обеспечивал».

Никто не мешает Советам осуществлять свои полномочия государственного органа. А они не торопятся, как надстройка, они отражают существующие базисные отношения. Какие? Не покривим: связанные по рукам и ногам административно-отраслевыми путами, не предприимчивые, не заряженные на прибыль, не способные рублем отвечать за свою безубыточность. Словом, наши с вами родные базисные отношения. А мы заговорили о региональном хозрасчете.

В такого ли коня хозрасчетный корм?

Вопрос, очевидно, вернее ставить так: какой исполком Советов нужен для осуществления власти?

Мы видим объективно обусловленный путь радикальной реформы — от хозрасчета предприятий к хозрасчету территорий. В правовом аспекте — от законов о госпредприятии и кооперации к закону о государственной территории, обобщающей все типы административно-территориального деления. Это, думается, монтаж второго этажа перестройки. Если смотреть

дальше, то третий этаж — социалистический рынок, кровеносная и нервная система нашей будущей экономики в свете новейших представлений.

Хозрасчет территории — это социально-экономическая общность. Область же не является единым организмом. Это архипелаг ведомств. Иерархии подчиненности уходят в Москву, Хабаровск, во Владивосток, и ни одна не завершается в Петропавловске. Руководители области говорили мне: «Даже для создания скромного агроторгового объединения в совхозе «Заречный» потребовался приказ из Москвы. Да ведь совхоз на Камчатке, неужели в Москве лучше знают, как нам жить?» Посетовали: «Камчатрыбпромом», дающим 80 процентов вала области, ведает за ее пределами бешеный по численности аппарат».

Не видимые миру бои приходится вести обкому партии и облисполкому, чтобы хоть как-то смягчить диктат ведомств. Свободных ресурсов у области практически нет. Нет и права их создавать. Бюджет Советов в пределах спущенного регламента: доходов 78 миллионов рублей, расходов — 226 миллионов.

— Как доходная, так и расходная часть бюджета Советов устанавливается сверху.— Это слова первого секретаря Корякского окружкома партии В. Кустина. В этом округе и находится краболовное Усть-Хайрюзово.

— Принцип нормирования отчислений от прибыли отраслевым штабом чисто торгашеский — кто кого обкрутит.— Мнение Л. Андрейко, начальника областного управления финансов.— Местные Советы в особо бесправном положении.

Вот и звучит над «золотой» Камчаткой: подайте на бедность! А ежегодно сколько сотен миллионов рублей экономически необоснованно, подрывая уже нынешний хозрасчет предприятий, выкачивают московские и приморские ведомства на содержание своих аппаратов, затыкание финансовых прорех в своей «великой стратегии».

Выкачивают отсюда и амортотчисления. А как восстанавливать выбывшие основные фонды? Флот изношен. Технологическое оборудование — это испытание для мышц, но не для ума. А по каким ценам его приходится покупать? Какого качества? Плата за фонды зеркально отражает неудержимую пляску цен. Старые, еще действующие траулеры стоили 3,5 миллиона рублей за штуку. Новые — по 17!

Стоимость возросла в пять раз, а выработка не увеличилась и вдвое. Чудовищно подорожал... корпус траулера. Начинен же он допотопным оборудованием.

Посредник отодвинул рыбака, он не может экономически влиять на судостроителя. Технический прогресс, как корабль, управляемый повздорившей командой, садится на мель.

Товаропроизводитель — вот неизвестный бог экономики. Ту же мысль Закон о госпредприятии излагает так: «Предприятие — основное звено народного хозяйства». «На бога надейся, а сам не плошай» — жизненный принцип посредника. «Дальрыбсбыт» забирает крабов Камчатки и продает за границу по 18 тысяч долларов за тонну. Краболовам отдает по 13 тысяч рублей. Маневр, который показался бы высшим пилотажем для зарубежной капиталистической акулы,— посредник присвоил себе функцию и прибыль товаропроизводителя. Вроде как лихой внучок законно лишил бабку дееспособности и всласть пользуется ее сберегательной книжкой.

В. Шереметьев, начальник управления внешних связей Госагропрома РСФСР, вернувшийся недавно с Сахалина, поделился своими наблюдениями:

— Поразительно, как только на местах получили право зарабатывать валюту, сразу открылись не виданные ранее возможности. Торф, минеральную воду готовится продавать Сахалин в Новую Зеландию. Раньше никому бы и в голову это не пришло!

Но что там краболовы. Даже гигант «Камчатрыбпром» не имеет своего счета во Внешэкономбанке. Эту услугу ему «любезно» оказывают посредники, имеющие валютный счет. Почему они, а не производитель? Я был в Адыгее. Крохотный совхоз имени Ленина такой счет имеет. Миллиардный «Камчатрыбпром», равный 500 таким колхозам,— не имеет.

Мы клеймим посредников, наживающихся на квартирных обменах, торговле автомобилями, втридорога перепродающих рыночные продукты. А лучше ли узаконенные посредники?

Толк ли провозглашать власть Советов, если ее не из чего слепить, власть-то? Новая надстройка в политической системе должна получить и качественно новый механизм управления.

РЕВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ?

Поразмышляем по поводу механизма. Что есть в науке? Существующие представления в значительной степени сложены из кирпичей опорочившей себя системы политэкономических воззрений. Ученую мысль душит догматизм, она опасается потревожить «священных коров» декретированного социализма. Это понятно — они вскормили не одно поколение конъюнктурных толкователей Маркса и Ленина.

Впрочем, удивляют и некоторые теоретики-юристы. Вот недавняя дискуссия. Обсуждался вопрос, цитирую: «Как категорию «хозяин» перевести на юридический язык?» Оказывается, трудовой коллектив может стать хозяином и при наличии «управленческой деятельности со стороны вышестоящих».

Это называется — приехали. В стране все большее число коллективов берут предприятия в аренду, многие собираются выкупить их у государства и тем самым обойтись без «вышестоящих», нарастает число производственных кооперативов.

А юристы прикидывают, как бы не обидеть систему централизованного управления и при этом труженика пустить на волю. Товарно-бестоварная модель, как уж о двух головах. Подобно Агафье Тихоновне из гоголевской «Женитьбы»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

Спросим камчатского крестьянина: хозяин ли он? Да, ответит, хозяин, вот мой дом, моя корова с телком. А если директор станет вам указывать, на что вам тратить свои деньги, когда и как доить корову? Да я его и слушать не стану. А на ферме, где вы работаете? Там не мое, там чужое.

Вопрос власти — это всегда вопрос о том, кто распоряжается итогом производства — прибылью. Власть Совета, как я ее понимаю, это право собственности Совета на определенные ресурсы территории. А чтобы Совету не оказаться в роли собаки на сене, нам предстоит научиться понимать территорию как предприятие. Это и есть ленинское — участие Совета в хозяйственном процессе. Такой подход включит местный Совет в экономический механизм страны, поскольку у Совета появится потребность реализовать в прибыли свое право на собственность.

Без собственности не бывает хозяина. Собственность — ресурс для получения прибыли. Можно сказать еще короче: собственность — это прибыль. Кто ее забирает, тот и хозяин.

Таким представляется фундамент самоуправления территорией. С ответственностью за безубыточность, за банкротство. Совет зарабывает деньги, а это революция его функций. Вот какой пакет идей обсуждали мы в Петропавловске. Механизм самофинансирования и самоуправления.

1. Окружной, районный Советы объявляются государственными собственниками своей территории — держателями ресурсов. Каких? Природных и трудовых. Предприятия, независимо от вертикальной подчиненности или при ее отсутствии,— арендаторы ресурсов. Возможен и конкурс природных ресурсов. А что такое трудовые ресурсы? Это не рынок труда. Возмещение расходов советского бюджета на бесплатное социальное обслуживание работников предприятия. А плату за природные ресурсы вводим с целью их простого и расширенного производства.

Так и формируется бюджет Совета: за счет собственных средств. Конец иждивенчеству, начало активной деятельности: Совет объективно заинтересован в прибыльности своих арендаторов. Территориальный и отраслевой аспекты увязаны общим интересом. Исполком Совета может создавать и свои

предприятия, либо, имея свободные финансовые ресурсы, входить в пай. Как это намерен сделать Наро-Фоминский горисполком (Московская область), вступая в акционерное общество «Верея». При этом участвуя в прибыли пропорционально вкладу.

2. Предприятие становится юридически собственником своих фондов. Следовательно, и продукции. Оно выходит из ведомственного вертикального подчинения, которое в интересах общегосударственной стратегии заменяется экономическим управлением. Соответственно прекращаются все виды платежей за пределы района размещения. Только отчисления на содержание высших институтов государства и арендная плата Совету.

Что я называю экономическим управлением? Политика закупочных цен. Выгодная приоритетность госзаказов. Если же желают Минрыбхоз, Минэнерго и т. д. осуществлять бассейновую или отраслевую стратегию — кто же против? Вкладывайте свои финансы в ключевые предприятия, и объем пая или весомость пакета акций определит число голосов в правлении предприятия. Тип управления, при котором иерархия подчиненности заменяется иерархией интересов.

На Камчатке существовало государственное акционерное общество. Договор о его организации подписывал еще Я. Рудзутак в 1927 году. В Петропавловске сохранились его архивы. Это увлекательное чтение для современного экономиста. Можно сказать и больше — это лекция по современной нам экономике. Реформа идет тем же путем. Принцип самоокупаемости камчатского региона был сформулирован еще в 20-х годах. Цитирую документ акционерного общества: «Мало иметь наличие богатств, надо уметь их эксплуатировать».

Эта схема универсально применима к любой отрасли, а ее осуществление избавит общество и государство от вопроса, что же дальше делать с отраслевыми империями. Причем капиталы станут свободно перетекать между отраслями и территориями. Под влиянием принципа «собственность — это прибыль» изменятся представления и об основных фондах, которые потекут в сторону высших доходов так же свободно, как и деньги. Зарабатывайте!

3. Областной Совет также объявляется государственным собственником территории. Ему нет необходимости ломать голову над бюджетами низовых Советов — это их вопрос, их ответственность за безубыточность и перед избирателями. Полезно признать и возможность банкротства исполкома.

В подтексте этих поисков мне видится очень важное течение политической мысли. Национальная территория получит возможность развиваться на основе своих ресурсов и предприимчивости без столь уж нередкого для северных регионов нахлебничества. Какие причины у этого явления, угнетающе действующего на дух, нравы, трудолюбие малых народов? Колониальная политика министерств, которую Советская власть вынуждена компенсировать с помощью бюджета. Заработанное изымалось. Незаработанное подносилось.

Что остается областному Совету? Многое. Перераспределение дифренты от районов с заведомо лучшими условиями в пользу развивающихся. Создание и финансирование предприятий, имеющих межрайонное значение. Привлечение капиталов с других территорий страны, а также из-за границы. Поиск приложения свободных капиталов Камчатки не только в своем государстве, но и в бассейне Тихого океана. Неизбежно появление общего тихоокеанского рынка. В эту сторону все заметнее смещаются мировые экономические центры. Камчатке, Приморью, Сахалину, Приамурью, Забайкалью пора серьезно подумать о позициях в этом новом международном сообществе. Заранее смонтированные связи помогут выстоять в конкурентной борьбе будущих лет. Сейчас в бассейне Тихого океана имеется экономический вакуум. Но он будет заполняться все быстрее.

Самофинансируемой Камчатке не прожить без торговли и кооперации в этом районе планеты.

4. Особенности территории ставят вопрос и о ее валютной самоокупаемости. Рвется в работу принцип «Валюту зарабатывают все!». Спрос ближайшей заграницы на строительные материалы, пемзу, известь, перлит (вулканическое стекло). Урожай оленьих рогов в тундре оценивается в 150 тысяч инвалютных рублей: интерес Японии. Только собирай! Олень — фабрика валюты. В зените мировой славы замша из его кожи.

Золотое дно — прибрежная торговля, туризм, поставка на экспорт металлолома, народные промыслы. Пухлый портфель предложений у базы океанического лова: фирмы, компании, ассоциации, коалиции. Предложений масса. Когда они станут делом? Отвечу: когда ими займутся деловые люди Камчатки, а не безразличные клерки столицы и Владивостока.

5. Хозяин еще и тот, кто свободно распоряжается своими финансами. А если у кого финансы поют романсы? Сейчас бегают к министерству с протянутой рукой. Противовес: расчетно-кредитные отношения между предприятиями региона, свой валютный рынок с включением аукциона. А также региональный амортизационный банк. Для чего? Всегда было принято считать, что амортотчисления затем возвращаются на предприятия в виде новых машин, оборудования и т. д. Да вот все ли? Были годы, когда в целом по стране нв возвращалась и треть. Только специалисты знают, до какой степени изношены основные фонды громадного числа предприятий. Стоят еще и дореволюционные, и довоенные махины. А куда же девались амортотчисления? Строились новые предприятия. Где надо и где не надо. Какие надо и без которых можно 100 лет обойтись. На опаре амортотчислений взошли и долгострои. Поэтому не обойтись хозрасчетному региону без своего амортизационного банка.

6. Региональный принцип ценообразования. Это уже к вопросу о первых проблесках социалистического рынка. Принцип — цену определяет покупатель. Коммерция, договорные цены, аукционы. Это азы экономики. Пока ими пользуются частники. Видели ли вы арбуз стоимостью 100 рублей? Камчатцы видели. И брали.

7. Региональный принцип формирования заработной платы. Здесь все просто. Продал товар — вот и зарплата. А как же северные надбавки? Расчеты показывают, что камчатцы ничего не потеряют (кроме массы чиновников), а только приобретут. Все, кто занят производительным трудом, с лихвой отрабатывают зарплату № 2 (северную). На Камчатке самая высокая выработка среди рыболовных флотов страны. Это эффект особо ценных природных ресурсов. Хозрасчет региона выжмет иждивенцев, и доходы работников, зависящих только от прибыли, возрастут.

Не станет содержать лишних и хозрасчетный Совет. Конечно, побегут многие жители с острова Беринга. Поздравим тружеников Командор с такой возможностью. Полторы тысячи человек — вот и все население. На 600 работающих — 235 управляющих! Государство ежегодно доплачивает на их содержание более миллиона рублей. Райисполком с пышным шлейфом всевозможных райучреждений. Райком партии на 156 коммунистов. Комсомол тоже держит здесь свой райком. Все бутафорское, несерьезное, ощущение, что здесь играют в райком, исполком, но играют с такой важностью, словно в крохотном селе Никольском решаются мировые проблемы.

Командоры — территория с блестящим хозрасчетным будущим. Начальник отделения агропромбанка В. Яцуло и главный зоотехник зверозавода Г. Парамонов самостоятельно разработали обоснованную схему вывода района в прибыльный. Конечно, эта схема отсекает нахлебников, не найдется в ней места и председателю исполкома, и заведующей убыточной гостиницы. Наверное, и вместо райкома партии вполне можно учредить должность парторга обкома КПСС и тем самым поддержать престиж района расселения алеутов.

Если расчеты В. Яцуло и Г. Парамонова соединить с новейшими идеями регионального хозрасчета, Командоры слезут с чужой шеи. Можно провести на Командорах эксперимент. Эта территория, помоему, хорошо подходит для проверки на практике почти всех вышеизложенных идей самофинансирования. Кодовое название проекта: «Акционерное общество Командоры».

Камчатская область

НА МОЕЙ ПАМЯТИ...

Олег ВОЛКОВ

В разумно и справедливо устроенном обществе не может быть запрета на высказывание и отстаивание любого мнения, тезиса, положения, идеологии. Мы и сбились с курсв именно потому, что не стали вслушиваться в доводы своих оппонентов, попросту затыкали им рты вместо того, чтобы в честном споре опровергнуть доводы. Общество лишь ограждает себя от проповеди насилия и человеконенввистничества, апологии принуждения и подавления, изуверствв, порнографии, всего, что вызывает вражду между людьми и народами, что безнравственно.

На моей памяти были открытые диспуты, когда Лунвчарский оспривал в переполненном зале тезисы митрополита Введенского, были журнельные схватки рапповцев со сторонниками чистого искусства, публиковались Гослитиздвтом книги Шульгинв, думских деятелей, Бориса Савинкова. Я уже не говорю о первом десятилетии века, когда прогрессивно мыслящие деятели России отождествляли «благодетельную гласность» с упразднением цензуры, свободой печати, с беспрепятственным высказыванием личного мнения. В то время выпускались газеты, отражающие программы целого спектра политических партий. Огрвниченному конституцией самодержавию пришлось примириться с резкой критикой порядков, разоблачением уличенных газетчиками недобросовестных или бездарных министров и сановников, злоупотреблений полиции.

Многие десятилетия официальная оценка положения в нашей стране расходилась с тем, каким оно было в действительности. Пусть наслоившиеся годы заслонили жуткие картины обезлюдевших, вымерших от голодв деревень Поволжья и Украины с оставшимися невыключенными громкоговорителями, победно повторяющими нв немых улицах: «Жить стало лучше, жить стало веселее!», пусть официвльная пропаганда не сбивалась с раз и навсегда усвоенной оптимистической ноты,— в людях с годами все непререкаемее укреплялось сознание, что, говоря словами Шекспира, «какая-то в державе Двтской гниль!» Что нвшв стрвна все больше отстает в своем развитии от прочих стран. Что несерьезным хвастовством звучит обещание за пару пятилеток догнать и перегнать США. Что все резче обозначается выделенный слой населения, который только привитая осмотрительность не позволяет назвать паразитическим. Что все больше накапливается лжи, лицемерия, непревды...

Излишне добввлять, что деградация общества и скатывание в хозяйственный хаос оказались возможными только в условиях полного отсутствия гласности. На поверхностный взгляд могло казаться, что в стране тишь да благодать: ни критики, ни протестов, все согласно дуют в одну дуду. Всеобщвя немота исподволь подтачивала нравственную силу народа. В людях оскудевало духовное начало, глохло чувство справедливости и вырабатывалась терпимость ко злу и неправде. Между людьми росла отчужденность.

Однажды в пересыльной тюрьме в Архангельске мне встретился инженер, приговоренный к трехлетнему лагерному сроку... за Горького! «За дискредитецию великого пролетарского писателя»,— гласила выписка из постановления. Этот бедолага в приятельской компании признался, что ему не нравится вычурность языка Горького, злоупотребляющего инострвнными словами. В те годы, кстати, почиталось верхом неосторожности высказывать свое мнение при двух свидетелях...

Размышляя о прошедшей у нас в стране легкой зыбью волне инакомыслия — столь естественной после десятилетий железного «не сметь свое суждение иметь!» — я вижу в зтом вполне закономерное и общее для всех народов явление, когда кучка правдоискателей, чаще всего юных, волнуемых неопределенными исканиями истины, зачастую понимаемой вкривь и вкось, почитает оппозицию существующим порядкам своим священным долгом. В средние века таких вольнодумцев преследовали церковь, университетские деканы, в дальнейшем — светские власти, сановные держиморды; и лишь на исходе минувшего века более или менее везде в цивилизованном мире, где упрочились парламентские порядки, стали смотреть на них сквозь пальцы: попротестуют, перекипят, а там, подросши, возьмутся за дело и — чего доброго — окажутся честными, полезными работниквми, патриотами!

Но как сильны оказались пережитки упраздненного культа! Эти горячие головы уже не в сталинские годы, гораздо позже были произведены во врагов Советской власти, в злоумышленников, подрывающих устои. С ними несправедливо круто расправились, тем самым окружив их имена ореолом мученичества.

Деморализация и падение нравственности общества — прямое следствие подавления всякой живой мысли, «вышколенности» граждан, твердо усвоивших, что голосовать надо всегда ЗА, никогда не поднимать руку ПРОТИВ и неблагоразумно привлекать к себе вничмвние, объявившись ВОЗДЕРЖАВШИМСЯ... Вот почему сейчас так важно разобраться в нашем прошлом, начиная с первых послеоктябрьских лет, проследить по этапам, как формировалась всеобщая холопская психология.

В моем возрасте трудно надеяться, что доживешь до времени осуществления высказываемых ныне надежд и пожеланий, когда за словами (их разлив настораживает!) последует дело. Успех всецело зависит от того, будут ли широко и всерьез распахнуты двери перед гласностью, или мы ограничимся благочестивыми о ней разговорами, предусматривая зарвнее запреты и ограничения.

Трудно, безмерно трудно, оглядываясь на длинную череду прожитых лет, быть оптимистом...

Николай Сергеевич Плотников родился в Москве в 1924 году. Воевал, дошел до Берлина и Праги. После войны окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина. Писал, по его словам, всю жизнь. Но печатался редко. Лишь в альманахе «Охотничьи просторы» от случая к случаю появлялись его рассказы — о родной земле, о природе... Настоящее знакомство с писателем произошло в 1983 году, когда журнал «Новый мир» опубликовал его повесть «Маршрут Эдуарда Райнера». В прошлом году повесть вошла в первую и пока единственную книгу Н. Плотникова «Березы в ноябре», выпущенную издательством «Советский писатель».

Сегодня рассказом «Жребий» мы открываем рубрику «Историческая проза», которая, надеемся, станет для журнала традиционной.

Николай ПЛОТНИКОВ

РАССКАЗ

ЖРЕБИЙ

1.

Кладь походную отправили вверх водой, а сами скакали налегке — торопились: киевляне прислали гонца, просили князя поспешить — кудесники гадали и указали нужный день для жертвы и пира. С князем ехали только Слуда с дружиной во сто копий да отроки, часто меняли заводных коней, ночью пока даже не жгли костров — боялись печенегов за малолюдством.

Все еще стояли поздние жары, добела сохла трава, на припеке бугры пылились солнечным пеклом. Дорога эта по Днепру — с увала на увал — веками копытилась и скифами, и хазарами, и русью. В черноземе спеклись каменно тысячи конских следов, кое-где под кустами желтели кости, старые кострища зарастали высокими лиловыми цветами. Ехали с рассвета по холодку, а самый зной пережидали в тени, дремали, потом опять рысили дотемна. Владимир был доволен — когда там еще будет Киев да заботы,— а сейчас они, как при отце его — воителе, живут одним походом, спят на земле, едят вяленое мясо, пьют из ключа.

Под городцом Святополчем стали попадаться выкошенные пожни, потом хлебные поля, скирды, камышовые крыши. Жнивье хрустело под копытами, по рыхлой земле блестели осыпавшиеся зерна, тянуло печным сытным дымком. Отроки баловались, свистели в два пальца — пугали селян.

В лощине у ручья паслось пестрое стадо. Здесь у стогов с сеном Слуда велел делать привал. Расседлали, послали двоих в сельцо за молоком, Ивор стучал кремнем о сталь — мелкие искры сыпались на черный трут.

Губы у Ивора сжаты сурово, лоб нахмурен, и все приостановились, смотрят, точно впервые ожидая рождение Сварожича. Вот глаз его раздувается, тлеет багровой точкой все шире, злее, вот дыхание-дымок его защекотало ноздри, и уже пляшет остро прозрачный язычок, съедает завиток берестяной, а тот корчится от боли. Чудо! Дым плотным шаром относит к реке. Танцуют в дыму голубые змейки — жены Сварожичей, лижут копоть на бронзовом котле, в котором негодует, бурлит ключом запертая вода, разлученная людьми с братом своим — огнем. Ивор перестал дуть под ветки, разогнулся, улыбнулся облегченно. И все задвигались.

Владимир расстегнул пояс с мечом, бросил на траву к щиту. Брякнула сталь. Добрый щит, еще в ляшском походе копьем опробован — рубец на красной коже. Бляха граненая в середине спасла — соскользнуло острие. А по обводу травлен щит хитрым узором. Такие щиты гнули в Новгороде. А меч княжеский ковал Синько Бор — закаливал в полночь, никого не пуская в кузню,— говорят, лучшие клинки закаляют в свежей крови, закалывают храбрейшего раба из полона. А иные опускают в настой Разрыв-травы; выпей настою этого и подари клинок врагу: от первого удара переломится. Недаром рассказывал Добрыня, что Синько служил самому Хорсу-богу в русалийской дружине, что боятся его не за силу, а за ведовство.

Владимир раскопал макушку стога и лег в полувялое сено. Трещали кузнечики, сквозь обмякшую листву тополей грело белое, чуть мглистое небо. Травы мягко топили тяжелое тело, щекотали шею. Они дышали, он дышал и еще кто-то третий в полутьме сплетений. «Их срежут — живут, нас срежут — живем...» Он погружался глубже, только сердце стучало рядом. Его или еще чье-то? Опутывало исподтишка, отнимало волю, он захватил горсть сена, растер в ладонях: дурманило гвоздичной клейкой пряностью, щекотал ухо тонкий шепоток — травы говорили друг с другом. Он сглотнул горьковатую жижу и узнал вкус — настой травы Бел Таленец, который дала ему мать. Он сидел на скамье, ветер румянил скобленые половицы, чернели с потолка сухие пахучие связки. «Испей, чадушко, не бойся: все поймешь, о чем цветы шепчут в сумерки». Глаза матери неподвижны, серо-прозрачны строгой верой. А в ночь на Купалью копала она Рострел-траву. Не железом, не деревом, а голыми руками и держала под языком прохладное золото. Вот вытянула корень видом в человека с головой и хвостатыми ногами, обернула скорлатным шелком, повторяя умное слово-оберег. Он попытался вспомнить слово и не смог, испугался, сел. Прислушался: в сенной яме бормотало сонно, шелестело. Кто? Он вытащил длинный смуглый стебель, узнал: Хленовник, пошарил и вытащил другой, красно-вишневый,— Улик с головой кувшинцами и листьями лапками. Срезали Улик косой, но рот ее цвел, как желтый живой шелк. Знала Улик о любви запретной, о тайных замыслах вражьих. «Скажи, что будет мне в Киеве?» И рот-соцветие улыбнулось коварно: «Смотри!»— а тело совсем обессилилось, еще глубже провалилось в теплоту сырую. И он понял, что это родное дыхание мертвых просыпается здесь, в стогу, как на Купалью, хотя солнце уже переломилось на зиму. «Для меня вернулись?» — спросил он с изумлением и благодарностью и увидел лунно-молочную реку. Дымное серебро ее тоже дышало, шевелилось: из омутов кверху подымались бескровные лица русалочьи, лица всех ушедших

родов, плотно, густо, как стая осетров на нересте. Вода рябила кружками их дышащих ртов, а он, еще малый отрок, сидел по плечи в траве и смотрел, как темнеет роща над водой, как бродят в синих березах свечи Черной Папорти. Кто-то около щеки дул-говорил заговор на Папорть, но он не боялся: то мать его, Малуша, тоже вышла из реки на одну ночь. «Что будет мне в Киеве?» — «Молчи, чадушко, молчи!...» Тускнеет за листьями, выпью кликнула в низине Кликун-трава, сбросила злое черное семя — испугалась человечьего голоса. Стволы и сучья озарило снизу, трещат соломенные жгуты, хохочет эхо в оврагах — идет Ярило. Ближе бьют бубны, топочут ноги, мотаются груди голые, по глазам хлещут волосы, и по всей реке аукает, плещет в ладони проснувшаяся нежить. И расступаются кусты, и в них лоснится бугристый торс, на столбешее кивает венком купавным лохматая голова, щурятся светлые глаза, усмехается толстогубый рот. Это Ярило. Это Синько Бор жестоко-сладострастно раздувает широкие ноздри. «Я бог твой,— говорит он Владимиру,— я тот, кто одевает поля травой говорящей, кружит березы по лугу. Смотри, то не березы, то нагие девы. Хочу и дам тебе хлеб и приплод стадам и семени твоему неиссякаемый рост в каждой деве. Бери любую и пляши с ней и скачи в роще, хмелем обвивайся, гори, в росе омывайся, остужай члены. Хочу!»

Глаза у Ярилы-Синько студенисты, как яичный белок, в котором шевелится зародыш зрачка-желания, шевелится во Владимире ужас наслаждения и любопытства, а колени Малуши качают его вверх и вниз, все теплее в мягких огромных коленях, все глубже качание, а потом — срыв и темная пустота, тоска. Она умерла. Зачем она умерла? С тех пор, как завалило ее мокрой глиной, он один. С тех пор в его нутре поселился страх. Только она знает это. Она знала в человеке его тайный корень, умела его лечить. «Смотри, как я»,— шепчет мать. Он смотрит на Ярилу, в его глубокие ноздри, усмехаются непонятно уголки толстого рта, поблескивают крепкие клыки: это Синько Бор. В ложбине на груди выступила испарина, на кожу налипла пыльца цветочная, от духа ландышей и пота ломит виски. А соски груди все чернее, как обугленные, а усмешка все ближе, все победнее, и кудри у Синько в холодных искрах, точно подожженный стог сена в полночь.

Рисунки
Ввлерия СМИРНОВА

Владимир не вынес, потупился. Теперь он слушал голоса под стогом и узнавал их суть.

— Куный! Укороти гнедого свово, весь стог растрепал! — сипит Слуда.

Голос его — лишайник на граните, а в граните — простодушно и верно бьется янтарный окатыш, но соль морская в щели валуна, и в мороз — весь валун разорвет, если прикажет ветер, внук Стрибогов. «А что тебе до этого стога!» — насмешливо огрызается ловчий Куный. Голос его — костяной коробок построганный и рыбий студень мыслей, но в студне сгусток крови — сгусток гордости непомерной, которой бежит всякий зверь. Вот щупает рану Куный заколотого вепря, который меня чуть не запорол, и говорит, хвалит за удар, а сам смотрит на родимое пятно под редкой щетиной, бледнеет, не договаривает мыслей: «То не вепрь, то оборотень, не Ярополк ли в этом вепре искал мести на брата? Но пусть князь сам бережется — смолчу». Прячет Куный глаза, отходит боком.

«Не знал я то о Куном...»

— А князь уснул вроде,— говорит Ивор. Голос его — роса на белом песке, а по песку заря стирает соколиные следы и светятся песчинки непрочно.

«Не думай, слов не подбирай на него...»

Мать Малуша пела все печальнее, ближе из-под воды, где вход в жилище мертвых, в странную страну Ирью, и он хотел и не хотел спуститься за ней в полутьму, на дно.

— Княже, молока будешь? — спросил Ивор, и Владимир сел, выпутался из живого сена. Густое молоко голубовато колыхалось в деревянной миске, он цедил сквозь зубы его студеную тяжесть и смотрел, как мимо по жнивью к околице селяне несут последний Сноп-Полевик. Высоко качался он, трехглавый, трехбородый, наряженный в холстины, шитые алыми бусами. Несли его старики. Толпа шла медленно, пела разноголосо, впереди плясали молодые девки с колосьями и лентами. Волотки — праздник жатвы — начался.

— Пошли им серебра от меня да тиуну меда,— сказал Владимир Ивору.— Чье сельцо-то?

Ивор не знал.

— Бабки твоей Ольги было,— ответил за него Слуда,— а потом отказала его матери твоей Мале.— Он сидел на земле, заплетал махры уздечки и серьезно наблюдал за шествием.— Тому лета четыре пожгли их печенеги, да наши из Святополча отогнали.

— Пошли им серебра на праздник. Да побольше,— сказал Владимир.— Ему хотелось всех их одарить. Слуда только головой качал.

— Пора седлать — вроде посвежело.— Он потянул большим носом, тяжело поднялся. С юга небо затягивало летучей мглой.— К дождю парит будто.

— А надо бы.

— Теперь только пусти пал по ковылям — беда!

— Печенеги того и ждут...

— Печенегов Гурята не пропустит.

— Твой Гурята и ворота забыл навесить.

— Но, но!

Переговариваясь лениво, воины взнуздывали, подтягивали подпруги, кони трясли ушами, брыкались от злых слепней.

— Живее шевелитесь,— буркнул Слуда.— К ночи надо быть в Киеве.— И неожиданно легким махом взметнул в седло свое огромное тело.

Вскачь уходили они от грозы, но тьма нагоняла их неуклонно и нагнала на Лыбеди. Конь Владимира, поджимая зад, осторожно, боком, сносил всадника в глубоченный овраг, а над спиной уже нависала гранитно-синяя стена тучи, ветром несло в шею сорную пыль. Внизу у зарябившей воды трепало серебристые волосы ив, дымные тени бежали по болотистой пойме, догоняя солнце, и оно не могло уйти — тускнело, меркло тоскливо. Сразу посвежело. Первые раскаты пророкотали сухим железом от края до края вселенной. Воины заторопились, удила рвали закинутые морды, близко, дико глянул на Владимира розоватый неузнающий зрачок.

— Одерживай, одерживай! — густо крикнул Слуда, подхватил под уздцы княжеского коня.

Отсюда вверх по Лыбеди видны были почерневшие копья тына, замшелая дрань на теремных кровлях — Предславино — удел опальной Рогнеды. Владимир посмотрел туда, нахмурился. Спустились к броду и, нахлестывая, окатываясь брызгами до плеч, погнали на тот берег, на угор. Но белопенный закрай тучи перегонял их, сгустилась зеленоватая тьма, и вдруг треснула, ослепила вспышкой, вычернила на яру взлохмаченные дубы. И сразу хлынул ливень.

— Может, в Предславино переждем? — крикнул князю Слуда. Кирпичное лицо его побелело рябинками, вздернулись брови.

Владимир, жмурясь от секших струй, глянул через плечо влево на глухой мокрый тын.

— Нет,— сказал он и сжал челюсти.

...Рука его еще во сне перехватила ее руку, еще во сне боролся он с ее нагим хищным телом, пока нож не упал звонко на каменные плиты. Тогда он вскочил, разрывая ее волосы, опутавшие потное лицо,

спрыгнул с постели. Он стоял и смотрел в ее отчаянные глаза. Долго стоял. А она, голая, точно замерзшая от ненависти, тоже смотрела на него.

— Ты что сделала? — спросил он с изумлением: еще не было такого, чтобы жена хотела убить мужа. И казни на это не придумали.

Она ответила еле слышно — у нее свело челюсти:

— Убей меня.

— Зачем ты? — спросил он.

— Горько мне жить, не нужно... Ты, меня добывая, отца моего Рогволда и братьев убил и Полоцк сжег. А теперь набрал жен да рабынь подлых и меня не любишь, и младенца нашего, зачатого в ту ночь... Убей, или я тебя!

— Добро,— сказал он.— Одень все княжеское, как на свадьбу, и жди здесь.

Он вышел в переднюю холодную горницу, где лежала его одежда и оружие, тщательно оделся, запер дверь в сени, обнажил меч и вернулся. Ярости не было, было изумление и тошнота долга: надо было вершить суд самому. Никто не мог заменить его в этом деле.

Она была готова. Она сидела на прибранной постели в сине-лиловом тяжелом платье, затканном золотыми грифонами. В этом платье вели ее на брачное ложе.

Жемчужная нить пересекала низкий лоб, посреди которого свисала аметистовая слеза. Из-под черты бровей смотрели пристально навстречу ему бледно-зеленые глаза, неподвижно, только зрачки дышали да чуть вздрагивали глубоко врезанные ноздри.

Он все тогда заметил до мелочи: и чеканные серьги с бирюзой в ночных раскрыленных волосах, и пушок меж сросшихся бровей, и гордые покусанные губы. Все, а сына просмотрел.

— Ты думал, что один здесь? — сказал снизу ломкий от ужаса и гнева голос, и он увидел маленького Изяслава, который загородил мать. Грудка мальчика ходила ходуном под тонкой сорочкой, детская рука, дрожа, усиливалась поднять дедовский меч. На бледной коже под серыми нестерпимыми глазами выступили веснушки.

Владимир вспыхнул, засмеялся, отшвырнул свой меч и вышел, ударив дверью...

Дождь заливал веки и ноздри, водяную мглу опять прожгло каленым и за близкими дубами ахнула Перунова стрела.

— К дубам, князь! — кричал сквозь грохот Слуда.— Дубы оборонят, оборонят...,— бормотал он, привязывая коня. Они стояли под низкой толстенной ветвью, с которой ливнем сбивало листья, и слушали могучий шум ветра, воды, чью-то медную поступь в почерневшем небе. Теперь молнии полыхали почти непрерывно, Владимиру казалось, что они выхватывают и снова гасят непокоренное лицо Рогнеды, он все крепче сжимал зубы, повторял прорывающийся где-то рядом речитатив:

...Перуне, высокий богови, великий, страшный, ходящий в громе и молнии, облаки и ветры возводящий, отверзающий хляби небесные от краев земли, повелевающий дождями, да низведут нам хлеб в снедь и траву скотам...

Он не сразу понял, что это молится Слуда, который никого не боялся.

Слуда был с ним в Новгороде в тот день, когда они бежали от посадников Ярополка к варягам поморским на остров Руген. Два года там жили. Каждый день это страх рабий.

Еще один бело-зеленый сполох в дожде. Он почувствовал, как дрогнула столетняя броня дуба. Нет, Перун его не убьет — ему оказал он великую честь: где кумир выше и богаче, чем он поставил Перуну в Киеве? Из серебра отлили голову, усы и бороду — из красного золота. Город можно на это построить.

...На острове Руген в капище Святовида видели они кумира семиликого из бронзы с чашей в одной руке и мечом в другой. Курилось в чаше горьким духом сильное зелье: померяне ополчались, чтобы идти с ним на Киев. Море, сосны и скалы гудели одной грудью, пели жрецы, выводя белого коня — весь он был в пене, так загнал его Святовид, который и сейчас невидимо выехал на нем на сечу. Хоть я и не видел Святовида, но народ весь упал на лица перед ним. Правда, Добрыня усмехался, говоря, что сперва коня этого нахлестали до пены в конюшне, но то не наше дело... Сто мужей в полной броне нанял Добрыня на Ругене идти на Ярополка, а зачем? Где сейчас брат мой, Ярополк? Могила его под Родней уже вся репьем заросла.

Владимир не замечал, что гроза отходит, вода стекала по лицу на шею, на живот под платье, он не чувствовал, что трясется.

— Князь, ехать можно,— сказал Ивор.

Тьма медленно сползала на север, они ехали вслед за тьмой, светлело, густо серебрилась трава, копыта чавкали по черной распаренной пашне. На взгорье перед Берестовым дымился обугленный осокорь, на сажень кругом испепелило зелень. Воины, объезжая, сурово косились на это место. Один Владимир смотрел вперед и уже улыбался: за вымокшей соломой банек и поваллуш играло разноцветно гнездо резных теремов — двор для любовной утехи. Двести молоденьких красавиц собрал князь в Берестове и охранял их крепко за новым тыном. Двести полонянок из Греков, и Ляхов, и Поморья, и даже от Печенегов — на каждую ночь по вкусу.

Не доезжая до села, у ключа под ракитой слезли, стали прибираться: отбирали коней, мыли руки и сапоги. Сменного платья не было — ехали налегке — только Владимиру достал Ивор из переметных сум сорочку белого шелка с жемчужным воротом да алый плащ-корзно заморского сукна с каймой-кружевом из тонкого серебра.

Владимир разделся догола, отроки растерли ему спину, одели в сухое — и словно все беды свалились, так стало приятно.

Построились, подняли на копье стяг, ударили в бубны и тулумбасы. Так ехали Берестовым по растекшимся лужам мимо теремов. Владимир ямкой затылка ощущал сотни девичьих взглядов: жадных, испуганных, похотливых, ненавидящих, нежных и покорных. По шее пошли мурашки, он боролся: заехать или нет? В проулке меж теремами справа на миг открылся Днепр — темный, непокойный, ветер гнал по плёсу пенные полосы, крутило в омутах вырванные кусты. «Да и в Киеве ждут передовые мужи, обидятся если...» Владимир вздохнул, понудил коня, и отряд пошел крупной рысью.

Глубоко, до слез, дышалось черноземным паром, дождевая пыль осыпалась с листьев. Громы утихали, сонно уходили далеко впереди, туча истончилась по краям, дымно светлея, на чугунно-синем море горизонта серебряной каплей показалась голова Перуна, стоящего выше всех на Уздыхальнице. Выше всех на гóре врагам, а меня он уберег, и все мне теперь можно,— я ли не принес ему великую жертву? Вот завиднелись и крепостные стены на земляном валу, белеет камень главных ворот. Кто возьмет такой город? От Поморья северного до Корсуни Понтийской, от Хорват до Касогов горных — все мое. Серебряная капля росла под сырой бездной туч, улыбалась гордо. Кто?

Снова зачирикали птицы в затопленном лозняке, желтые ручьи с поля несли через дорогу соломенный мусор, щурились, ликовали глаза. Владимир вздохнул, расправляя плечи. И тут с края жидкого тучи опять мигнуло жарко, ахнуло, конь пал на колени, и Владимир через голову вылетел из седла в навозную лужу. Покатился с головы шлем, лопнула перевязь.

Его подымали, уговаривали, он не отвечал — ослеп и оглох, стояла под веками раскаленная трещина, мерзкой жижей забило ноздри, рот, волосы, он рвался из рук, хрипел, грозился кому-то. Ивор отер его лицо,— полоски слез размывали грязь, безумно шарили по небу голубые глаза.

— Князь! Князь! — звал Ивор.

Владимир только тяжело — всем телом — дышал.

— Князь, мы здесь, здесь мы,— повторял тревожно Ивор.

Владимир стал узнавать, но все озирался: в глазах стояло раскаленное пятно, где стрела Перунья — в двух шагах — пробила Мать-землю. «Меня, мою мать... За что?!» Белый шелк сорочки, корзно — все было в липкой грязи. Владимир рванул яхонтовую запонку, отшвырнул плащ, схватил повод, прыгнул и погнал вскачь. «Меня срамом покрыл перед всеми... За что?!» Губы его коверкал яростный стыд, он ничего не видел, кроме серебряной головы над крепостной стеной.

Дружина скакала за ним, смешав ряды. Он съехал с главной дороги в город и погнал в сторону Подола.

— Куда, князь, куда? — Тяжелый жеребец Слуды сначала отставал, потом, озверев от плети, стал нагонять.— Не туда, постой! — Слуда поравнялся, потянулся к поводу. Владимир ударил его локтем в лицо, бешено глянул плачущими глазами:

— Прочь! Пусти! Сам с Перуном жри падаль!

Слуда отшатнулся, побелел рябинами. Владимир поднял коня на дыбы и выпустил во весь мах,— только затрепались кудри по белой сорочке.

— Ивор! Угоняй! — прохрипел Слуда.— И ты еще, и ты тоже! Догоняйте, езжайте следом, головой за князя, ему ум отбило... О боги! — кричал он им вслед.

Когда они скрылись, он отер пот со лба, вздохнул мрачно и повел дружину по главной дороге, размышляя, что он скажет в Киеве тысяцкому и старейшинам. С городских стен их уже должны были заметить на чистом поле перед въездом. Разгневал чем-то князь Перуна, и тот отнял у него разум. Но чем? Широкое лицо Слуды стало жестоким, немым, толстые губы шевелились,— он молился. Воины боялись с ним заговаривать.

2.

Мокрый ветер прохватывал спину, Владимир остывал, гнал потише, оглядывался: серые тыны и кровли лепились по краю размытого яра. По суглинистым оползням сочились струйки, с какого-то двора соломенный дымок сладко голубел в чистом затишье, выплыло солнце, и каждая песчинка и капля — все вспыхнуло мелкой россыпью. Но глаза его смотрели на это без радости, сухо: плавало перед ним черное пятно, как тоскливая мысль. И не мог он ни отогнать ее, ни понять. Где я?

Это было предградье, здесь жили послы да торговые гости. Он узнал новые сосновые ворота с коваными лапами-петлями — греческое подворье. Раньше Ярополк селил здесь послов из Греков, а теперь жила вдова его — Елена. Сюда Добрыня выселил ее из киевского терема, чтоб не сносились с ней враги, хотя Владимир в такое не верил — была она тиха и покорна во всем. Привез ее Ярополку еще отец из болгарского полону, взял ее за нездешнюю красоту из храма греческого — была она служанка непорочная их странному богу. Убив Ярополка, Владимир взял ее в жены по совету Добрыни. «Ей честь, а тебе слава, что все отнял у Ярополка»,— сказал Добрыня.

«Зачем попал я сюда?» Дрожь не унималась, но сердце стукало медленней. Он отер рукавом лицо, сплюнул заскрипевшую на зубах землю и решился — въехал во двор. «Одну ночь только и спал с ней. Зачем я заехал? Ладно, хоть платье переменю от срама...»

Во дворе никого не было — все попрятались по клетям от грома. Он замотал повод за балясину крыльца, взбежал в темные сени. И здесь никого. Постоял, послушал: ничего — уши заложило точно под водой. Он вошел в темноту — перед глазами сразу отпечаталась змеистая трещина и стало снова мерзко от страха. Нога запнулась о ступеньку, он шел то вверх, то вниз, пальцы попадали в паутину, тыкались в глухие углы. Ему казалось, что так теперь будет всегда, но это было как-то безразлично. Сколько времени прошло — он не знал. Ладони нащупали дверную скобу, нажали, и он шагнул через порог низенькой светелки.

В теплом полумраке перед золотистой иконой стояла на коленях женщина. Мигнул язычок в розовом стекле, она обернулась — черные огромные глаза медленно стали тонуть в бледности ужаса.

— Иль я страшен так? — сказал Владимир и усмехнулся криво.

Она встала, не отрывая взгляда, худенькая как подросток, тяжелый венец кос оттягивал ей голову, из опущенной безвольно руки развернулся свиток с греческими письменами. Он посмотрел на эту руку — узкую, голубоватую, опять с усильем усмехнулся, потрогал засохшую грязь на груди:

— Вишь, изгваздался как! Принеси умыться да одёжу сухую.— Она не ответила.— Не бойся, я не пьян, Елена...— Она все не отвечала. Он глянул быстро: нет, губы ее бескровно шевелились — она говорила что-то, это он не слышал ничего. Страх паутинный проник сзади, липко притронулся к шее, опять из страха вырастала ярость — трещина в мозгу. Через трещину заглянул он, стискивая волю, на пятно-мысль: оно растворялось как кровяной сгусток, в багровой мгле на мокрой дороге лежал ничком труп в княжеском плаще, молодой, горячий. *Таким я больше не стану — молодым*,— понял он вдруг, и его передернуло.

— Нет, князь, у меня одежды по тебе нет,— терпеливо повторяла Елена, но, заметив, что он ничего не видит и не слышит, вышла из светелки.

Когда опять колыхнулся огонек от сквозняка, Владимир оглянулся: он был один. Он прошелся по ковру, потрогал стену, обитую желтой тканью, сел на лавку. Но что-то мешало — кто-то еще был здесь, кроме него. Золотился пылью закатней греческий образ, смотрели скорбно тени непонятных глаз. Странно писали греки своих богов — не как все. Матерь бога Царьградского и сам Он, младенец неспящий, которого на крёсте повесили за его правду, как он того хотел. Ему молилась Елена и другая моя жена — болгарыня, и Адиль, мать Мстислава, и не только они, но и мужи смелые при Игоре клялись на кресте, а не на мечах. Где же правда? Владимир пересел, чтобы выйти из-под взгляда,— печаль затененная эта смущала его, поднимала злобу. Но взгляд был везде. Чтоб отвлечься, он подошел к низкой печи, выложенной корсунским изразцом. На ней стояли две тонкогорлые плавные амфоры, а меж них — серебряная древняя ваза. Он взял тяжелое серебро в руки, взвесил, вгляделся: в чеканных травах два грифа терзали оленя, а ниже, по поясу, люди исчезнувшие — скифы —

обуздывали диких коней. Владимир и сам их ловил, и удивился искусству: вот две лошади степные пасутся — одна щиплет траву, другая, отдыхая, положила ей морду на спину. Вот рвется конь с арканов, ловчие тянут, упираясь ногами, вздулись бугры на руках, сжаты брови. А вот валят коня наземь, чтобы взнуздать. И наконец объезжен конь, оседлан, скиф треплет его по холке, ласкает... Где теперь эти скифы? Круг замкнулся, и опять Владимир ощутил чей-то сострадающий взгляд. Он дернулся, отворачивая лицо, прошел в ту дверь, куда ушла Елена, и оказался в темноте теремного перехода. Из прорубленного оконца дуло зеленым дождевым светом. Разогнулась чья-то тень — свет сверху вниз разделил мраморное лицо Елены, влажный глаз о чем-то его умолял.

— Не гоже тебе это платье, князь,— отчетливо услышал он, точно раскупорило уши. Слух вернулся. От радости он не спросил ничего, только вгляделся под ноги: на полу стоял открытый сундук с Ярополковой одеждой. Видно, давно стоит здесь Елена, не знает, что делать.

— Почто не гоже? Мне теперь все гоже. Был Ярополк и не стало, был Владимир — и не станет...

Из сундука пахло слежалым шелком, кислым шитьем. Сверху лежала шапка лазоревая с вытертой собольей опушкой — он выкинул ее на пол, потянул, разорвал какую-то паволоку, а из-под нее вытащил сорочку травяного полотна с плетеньем золотым по ожерелью и подолу. Встряхнул, поднес к свету:

— Вот эта и мне по плечу, а ты отговаривала! — и застыл: со спины под мышками тонкая ткань была пропорота острым, замытые края побурели ржавыми пятнами. В этой сорочке два варяга подняли Ярополка мечами под пазухи, когда шагнул он через порог в его, Владимира, палату. Шагнул и взглянул. От сорочки пахнуло слабо мужской испариной, телом брата, с которым спали на одной постели у бабки Ольги. Пальцы разжались, сорочка упала, а вместо нее он увидел истонченное страданием совсем бескровное лицо, разрубленное тенью сверху вниз. «Насмеяться вздумала!» — хотел он крикнуть, но не крикнул: была она покорно готова, тихо дышали ее агатовые глаза — один в свете вечернем, другой из тени смертной, а узкая рука медленно поднялась ко лбу и очертила знак защитный — крест. Он замахнулся, ударился о косяк, рванул дверь и загрохотал по ступенькам вниз. Только во дворе заметил он, что кулак его стиснут судорогой, с трудом расклеил пальцы. Все крутилось в голове, как гривы на скачке, он отвязал коня, выехал за ворота. Все равно куда было ехать, только бы на него не смотрели. «Что со мной?» — подумал он, как о чужом. За яром близко громоздились валы, позеленевшие дубовые стены на Перуновом холме, но он не хотел туда, потянул повод вправо, через Боричев Взвоз на Подолье. Оно широко открывалось отсюда под вечерним светом. Блестела в сочных лугах тихая Почайна, торчали мачты кораблей, пестрое стадо брело на покой,— он услышал отдаленный щелчок бича. Все равно на что смотреть... У берега в тополевой роще серел драночный шатер храма Ильи, христианского кудесника, а за поймой в болотистом оболоне чернело сквозь низкий туман капище Велеса. Там ярко цвел рыжий костер.

«Так надо было — убить Ярополка. Не ты его, так он бы тебя, сказал Добрыня, когда скитались они по Ругену у поморян. Так и деды мстили и прадеды — зачем Ярополк убил Олега, старшего в роде? Да и не я его убил, а воевода Блуд. Но зачем так посмотрел Ярополк с порога? Я не хотел его смерти. Но и хотел... Что со мной: весь я в коросте от пыли, все готовятся к пиру, а я еду мертвый».

Полнизины было уже в тени от киевских круч, но дальний край, за Почайной, медно и четко высвечивало по сосновым опушкам. Толкалась мошкара над навозом, стрижи пронеслись над самой землей у конских копыт. «Поеду в объезд через Подолье, низом, на Вышгородскую дорогу, заеду в город с севера, украдкой, там не ждут».

Украдкой. Как изгой! Он покраснел, стегнул коня.

У самой Почайны, где покачивало лодки меж осклизлых свай, его догнал топот, и он услышал:

— Не гони, княже!

С опаской подъехал Ивор, за ним поодаль еще трое.

Владимир не ответил, но и не прогнал, только прибавил рыси. Слева на страшенные крутояры громоздилась засыпающая листва. Въехали в овраги, здесь совсем смерклось, конь всхрапнул на гадюку, шмыгнувшую в лопухи. По извилистому руслу стали подыматься к свету, на закат. Тропа вышла наверх к дороге. Владимир остановился.

За лысым курганом на Щековице, за Олеговой могилой, догорали тихие тучки, оранжевый закат похолодел прозеленью, стыла напитанная ливнем земля.

С Вышгородской дороги доносило голоса, смех, топот — в город зачем-то густо валил народ, у Подольских ворот на мосту сбивался тесно, кое-где посвечивали острия копий.

— Накинь хоть мой, князь,— тихо попросил сзади Ивор, и Владимир почувствовал, как плечи ему окутал верблюжий плащ. Стало теплее, он потерся шеей, накинул шлык на голову.

Ворота были почему-то не заперты на ночь, толкались, лезли нечесаные головы, колпаки, шлемы — и холопы, и огнищане, и просто смерды с немытыми руками. Воспаленно-весело поблескивали глаза и зубы, молодежь пощипывала баб, и бабы визжали притворно. Владимира затерли с конем, прижали ногу к повозке: медленные волы тащили воз дубовых дров. Владимир, морщась, высвободил ногу, рассеянно разглядывал сухие полусаженные плахи: «Зачем это? Не печи же летом дубом топить!» Чего-то не хотелось вспоминать, но вспоминалось, и он сглотнул слюну — густую, точно от горелого жира человечьего, сплюнул.

Из города часто, медно колыхался вечевой набат,— все смотрели туда: люди жадно, а стража с усмешкой.

Владимира стража не узнала.

3.

Бабин Торжок — площадь меж палатами княжей — кипел головами тысячной толпы. Владимир проталкивал коня к позолоченной кровле своего терема, но его сносило влево, всасывало, как в грязевой омут, и он отдался течению. Впереди вспыхнул крик, задние нажали, он увидел серые дождевые горбыли варяжского двора, узкий конек крыши, с деревянной мордой. Слышался треск, забор раскачивался все сильнее и рухнул под гиканье и смех. Владимира с толпой внесло во двор, конь его, прижав уши, всхрапывал, мелко дрожал кожей. Вслед за князем пробились Угоняй и Ивор.

Перед высоким на столбцах крыльцом толпа сдержалась, люди шумно дышали, смотрели в упор на запертые двери с медными скобами. Потом сзади кто-то крикнул надрывно: «Выдай!» — и множество ртов подхватило с веселой жестокостью: «Выдай!» — и стихли выжидая.

Владимир из-под шлыка озирался удивленно: что за люди, почему всюду мутные, жаждущие глаза? Чей это двор? Он начал узнавать многих — теремных холопов, конюхов, псарей, поваров. Но больше было мастеровых: гончаров и кожемяк с Копырьего конца. Ни стражи, ни людей знатных не было видно, только где-то сзади неподвижно посвечивали шлемы верхоконных — они сидели, как истуканы, с непонятной усмешкой наблюдали.

— Что это? — спросил он.— Чей двор? Это ж двор Альвада! Ивор!

Ивор кивнул шлемом, не отводя глаз от двери сказал:

— Да, князь, Альвада, отца Эгиля.— Он гневно и растерянно щурился, пальцы мяли конскую гриву.

— Да зачем они двор ломают? — спросил он громко всех. К ним обернулись, Владимир надвинул шлык на глаза.

— А вы-то откуда взялись, ратнички? — сказал насмешливо толстощекий русобровый кузнец в кожаной безрукавке, прожженной окалиной. Разбойные светлые глаза его щурились подозрением, от грубых волос несло прогорклой коноплей. Владимир узнал его — то был Синько Бор. Князь отодвинулся в тень.

— Гости, надо быть, с пути только? — спросил Синько, оглядывая грязных по брюхо коней.— А у нас вот что: жребий пал, а он не отдает добром.

— Кто не отдает, кого? — уже догадываясь, запинаясь, спрашивает Ивор.

— Альвад, пес варяжский, сына своего Перуну пожалел. Да мы и сами возьмем,— сказал Синько Бор.— Руби сени! — закричал он так страшно, что шарахнулись кони, а по толпе прошло нутряное рычание.— Руби!..

Он поднял топор на длинном топорище. Масляно залоснились бугры воловьей шеи. Толпа качнулась вперед и встала: двери отворились, и на крыльцо вышел Альвад с сыном.

Стояли они оба спокойно, прямо, в холщовой домашней одежде, раскрытой на груди. Отец держал Эгиля за руку. Оружия при них не было.

— Что надо вам, мужи киевские? — властно и раздельно спросил Альвад.

Голос его дошел в тишине до задних рядов. Никто сначала не ответил, потом в разных местах зашевелилось мерзко, кто-то пронзительно свистнул, заорал с издевкой:

— Спихни его с крыльца-то!

Многие засмеялись. Кузнец Синько, расклинивая толпу литым плечом, пробился вперед, поднял голые руки, налившиеся силой.

— Чего надо, того надо! — густо закричал он в лицо Альваду и повернулся к Эгилю:— Ты! Сам иди, понял? Не то неволей возьмем!

— Возьмем! Возьмем! — подхватили голоса.

Сверху, с крыльца, Эгиль странно смотрел на него, пристально темнели зрачки на бледнеющем лице. Потом губы его слабо шевельнулись, и он сделал полшага. Толпа качнулась навстречу.

Альвад поднял руку.

— Стойте! — сказал он тихо, но ясно.— Вот мы вышли без мечей и холопов говорить с вами — не хочу вашей крови. А вы?

— Отдай сына! — тоже тихо, угрожающе ответил Синько Бор.— Боги ждут.

Альвад выпрямился, поднял голову.

— Боги ждут сына моего? Нет! — Все замерло. Он обвел прямым взглядом закинутые лица, знакомые терема, деревья. Уже сильно стемнело, только верха старых ветел светились листвой, в ветвях грачиными гнездами чернели ребятишки.

— Нет! — повторил Альвад грознее и громче.— У вас не боги, а дерево — нынче есть, а завтра сгниют. Боги! Вашими руками сделаны, а вы тех рук от кала не отмыли. Не дам сына своего бесам!

По рядам прошел ужас — это было неслыханное святотатство.

В синеющем мраке над всеми белели двое — отец и сын, близко, но как будто меж ними и всеми расселся непроходимый ров. Взметнулся смолистый огонь — кто-то зажег факел,— и Владимир отчетливо увидел лицо Эгиля — прекрасное, покорно-суровое, как у Елены, когда стояла она над сундуком с окровавленным платьем. Эгиль поправил рукой длинные волосы, и от этого толпа опять молча подвинулась к нему. Кто-то напряженно икал у Владимира под ухом. Сейчас, еще чуть-чуть, и что-то сорвется: Эгиля разорвут. И все почувствовали это.

— Кто ж твой-то бог? — спросил тонкий от яро-сти голос.

Толпа подождала ответа.

— Бог един,— устало ответил Альвад и глубоко вобрал вечерний воздух.— Един...— Голос его опять окреп.— Он сотворил вас всех, небо, землю и звезды.— Альвад посмотрел вверх — и все посмотрели невольно в свежую черноту, полную мелкой стеклянной россыпью. Там сорвалась искра и погасла сразу.

— Выдай сына! Выдашь? — крикнул прежний тонкий голос. Слышно было, как сопит Синько-кузнец у самых ступеней.

— Нет! Если боги ваши деревянные могут, пусть придут и возьмут сами!

Владимир уловил стук острия: копье воткнулось в дубовую притолоку, закачалось, содрогаясь, и сразу ревом вздыбило всю площадь. Альвад обнял сына, отступил в дом и захлопнул дверь. Еще два копья впилось в доски.

— Руби сени! — могуче звал Синько, подымая топор. Врубались со свистом в столбы, летела щепа, хрястнуло, покачнулось крыльцо, осело, выворачивая венцы, и в пролом, растаскивая бревна, полезли озверевшие люди. Факелы пылали густым кольцом, потом отступили, и Владимир увидел, как по раздавшемуся проходу бегом влекут за ноги два тела. Одно, огромное, еще жило, билось. Его подняли стоймя,— это был голый по пояс Альвад, секунду стоял он над головами, улыбаясь упрямо,— а потом телом ударили оземь и опять поволокли. С факелов срывало огненные капли, голова Эгиля моталась по растоптанной грязи, а он спал, сжав губы, с синевой под закрытыми веками. Лицо его стало снежным, морозный холод пахнул на Владимира, была зима, лед скрипел на зубах... Черные спины закрыли Эгиля, толпа, улюлюкая, удалялась в сторону капища, а Владимир все стоял на месте, вцепившись в сорочку на груди, словно хотел до капли выжать сорвавшееся сердце. Но оно отвердело, стучало в нежилой пустоте.

Кто-то взял его коня за повод, он смутно различил кольчужные плечи Слуды, шлемы его воинов — они тесно окружали его.

— Слуда, братья! — плачуще просил Ивор, хватался за руки.— Что ж это? Отымите его, посеките их! Всех, всех!

— Опомнись, Ивор, нельзя, сынок, молчи! — сурово, глухо уговаривал его Слуда, мягко тянул за собой княжеского коня.— В терем, князь, в терем,— приговаривал его простуженный голос.

Медленно переступали копыта по опустевшему Бабиному Торжку, мимо Ольгиных подгнивших хором, мимо чьей-то перевернутой телеги с побитыми корчагами. На западе, за могилой Дира, гас последний отсвет. Владимир вспомнил голос ярла Олава:

«Если тебя ударят, что легче, конунг: вынуть меч или не вынуть?»

«Легче вынуть. Но почему ты спросил?»

«Потому что, если вынешь — победишь врага, а если не вынешь — себя победишь».

«Зачем мне себя побеждать?»

«Затем, конунг, что тот, кто себя победил, тот победит всех...»

Это было вон за тем оконцем в его спальной палате, где горит свеча. Сейчас он опять будет там, чтобы никто не видел его лица. Он выпьет полную братину, чтобы спать, спать, не думать, не видеть. Копыта зацокали по мощеному двору, забелел резной камень дверной арки, высоко полыхали факелы, и Слуда держал ему стремя: он приехал домой. Но ничего не изменилось внутри. Гриди бережно сняли его с коня, расступились, и Владимир увидел Добрыню. Загорелый, седой, крутогрудый, он открыл руки, обнял его,— близко увидел Владимир умные тонкие морщины под железными глазками, верными всегда, щекой почувствовал остроту чеканной запаны на груди дяди и оттолкнул его. Впервые в жизни. Добрыня отступил.

— Здрав ли ты, князь? — спросил он с тревогой.— Я гнал и ночью, хотел поспеть к пиру.

Владимир странно глянул, не ответил, прошел мимо дяди, мимо всех на крыльцо, скрылся. Только Ивор кинулся за ним. Нежата и Слуда переглянулись. Добрыня в роскошной длинной одежде стоял один с непокрытой головой, опустив глаза. Потом он поднял их, и все отвели взгляд.

— Слуда, подойди сюда,— сказал он негромко.— И ты, Нежата. Что с князем?

Слуда смутился.

— Громом его зашибло,— сказал он неуверенно.

— Молчи! Все молчите о том!

Слуда упрямо насупился.

— Все видели: как въехали на перевесище, так...

— Молчи! Князь здрав и силен. Понял? Лучше бы берег его. На что вы поставлены? Почему князь один скитается ночью? А ты, тысяцкий,— повернулся он к Нежате,— почему ворота не запер, почему голь по теремному двору рыщет?

Нежата сдвинул на нос куную шапку, полез в затылок.

— Так оно... Ведь народ захотел, так мы думали...

— Думали! Ступайте удвойте стражу, берегите от огня город. А ты, Нежата, возьми гридей, поезжай по дворам варяжским, уговаривай их. Понял?

— Как не понять, да я и сам... Эх! — Нежата Волчий Хвост сплюнул ожесточенно и отошел, стуча подковками сафьяновых сапог.

Слуда мрачно ожидал чего-то ожидал. Добрыня мельком из-под бровей проткнул его отяжелевшее лицо.

— Не кручинься, Слуда,— сказал он мягче.— Не

может Перун разбить князя. Против князя не может никто, верь мне.— Слуда посмотрел с сомнением.— Иди к дружине, делай свое дело. А потом приходите все ко мне — подумаем, как быть.

Он стоял в своей любимой спальной палате и смотрел в темноту окна, где гасли черточки падучих звезд. За спиной в углу плакал Ивор. Медная светильня колебала тени, на низком потолке шевелились узорные травы, птицы с женскими ликами, по стене снаружи изредка, бряцая, проходила стража. Мыслей не было — только плакал Ивор. Владимир подошел, постоял над ним,— нет, мыслей не было. Он тронул вздрагивающее плечо, Ивор отнял руки, глянул мутно — весь он как-то сразу по-детски опух от слез, но видно было, что он не стыдится этого, хотя был воином. И Владимиру — странно — не было за него стыдно. «Брате мой, брате..!» — глухо приговаривал Ивор. Владимир вспомнил, что Ивор с Эгилем были побратимами, но отогнал и это,— сегодня не надо мыслей, ночью они опасны, как тать. Сегодня впервые он остался один на один со всей ночью. А она должна быть чистой.

В окно дуло грозовой свежестью земли и реки. Он опять стал ходить по палате.

Вот на этой скамье сидел Олав, сын Трюгвия, племянник Сигурда — гридня Святославова. Он и сейчас будто сидит здесь, изредка скупо отпивая из чаши. Взгляд его неуловим, занят какой-то думой.

«Второй раз я у тебя, конунг Вальдемар,— говорил Олав,— но сам я совсем не тот, чем прежде. И ты, я вижу, это заметил».

«Да, заметил — не тот. А в чем — не пойму».

«Когда я выпил воды этой у гроба, то проглотил как бы ледяной алмаз, и он остался в груди, вот здесь.— Олав положил руку на то место под вздохом, где живет дух.— А вся утроба моя, и голова, и веки, и мысли — все стало от чистоты этого алмаза словно голубым насквозь и застыло. Я не мог пошевелить губами, не мог ни с кем говорить о прежнем. Все мне стало не нужно, и я испугался самого себя».

— Да, вот как и я сейчас,— ответил Владимир пустой скамье, на которой год назад сидел Олав, его бывший дружинник, а потом князь венедов поморских. Тогда заехал он по пути домой, на север, из Царьграда, и всю ночь до зари проговорили они здесь. Непонятные думы остались после Олава в этом покое, но потом я забыл все. Помню только: на окне лежал тогда тонкий осенний снег.

В дверь постучали, Ивор привстал, слепо тычась, искал руками стену. Владимир отворил сам.

Вошли Нежата Волчий Хвост, Добрыня и двое ближних старейшин: Будый, который требовал жертвы, и варяг Сигурд, дядя Олава. Сзади всех высился в полутьме Слуда. Только он был в походной сбруе, на остальных сверкали шитьем и каменьями разноцветные одежды.

— Не прогневайся, князь,— сказал Добрыня, стараясь не замечать порванной сорочки Владимира и глины в его волосах.— Не дали тебе прибраться, но дело неотложное: тела варягов пропали.

Владимир смотрел на него открыто, но слепо, будто не видел.

— Неведомо куда и делись, а народ ждет утром жертвы и пира. Надо думать вместе: как быть? — продолжал Добрыня, все пристальнее вглядываясь в князя. Владимир молчал.

— Мужи кричат на требище: мечите новый жребий! — торопясь и тряся бородой, заговорил Будый.— Кто ж их знал, Альвада и Эгиля, что они втайне другой веры. Говорил я тебе, князь, а ты не слушал! — Будый нездорово покраснел прожилками дряблых щек, ожесточился.

Сигурд отодвинул его, стукнул прямым мечом в пол под ногами. Стальные волосы его дрогнули по плечам.

— Князь! — сказал он тихо, сурово.— Альвад еще с отцом твоим славу в походах искал. Под Переяславцем болгарским был ранен и на порогах тоже. Я сам там был. А теперь что же? Разрушен его очаг и сам он отдан псам. Мы будем мстить за него.

Владимир не шевелился, будто и не дышал. Добрыня не спускал с него занавешенных бровями глаз.

— Эх! — крикнул Нежата и покосился на плачущего Ивора.— Воля твоя, князь, а я б велел выбить всех из града вон! Дворы начали ломать у лучших мужей. Жертвы им, как же!

Но Владимир и ему не ответил — он почти и не слышал их слов, только понял: «тела пропали». Он хотел бы им помочь — ведь все они ждали его слова, но он не мог говорить. Все их дела и все его дела казались ему сейчас ничтожными. Они смотрели на него, сначала выжидающе, а потом растерянно. Слуда что-то шепнул Добрыне. Тот еще раз вгляделся и кивнул:

— Умойся, князь, и ложись, спи,— сказал он негромко.— Я все устрою, не кручинься. Пойдемте, гриди, князю нужно лечь.— И уже за дверью загремел:— Я им покажу, как ворота рвать!

Шаги их стихли по переходам. Владимир постоял, перешел к стене, встал перед круглым греческим щитом — еще с Олеговых походов. Кругом по кайме мелко, четко плелись узоры: среди лоз виноградных змеи боролись с могучими мужами, кони с человечьими руками похищали обнаженных дев. А посреди из тусклого сиянья, как из омута медного, смотрело на него больными зрачками чье-то чужое опавшее лицо. Он пошевелил губами — и оно пошевелило. «Чего ты хочешь?» — с тоской подумал Владимир, и лицо повторило с мучением: «Чего ты хочешь?»

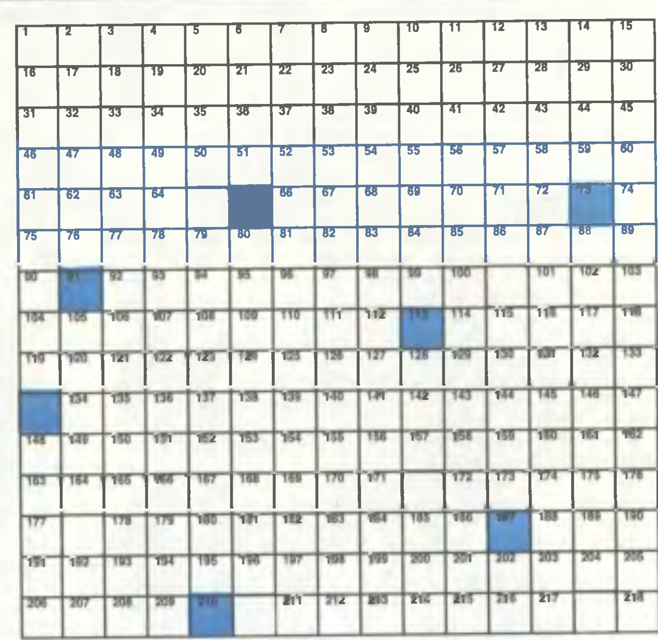
Кто-то бережно обнял его ноги, прижался, он почувствовал сквозь ткань воспаленную щеку Ивора, и голодное лицо в омуте водянисто колебалось, расплылось, и под веками и в ноздрях прорвалась горячая соль. Владимир закрыл глаза.

— Княже, не молчи так, скажи мне что-нибудь, княже! — молил Ивор. Владимир нагнулся, поднял отрока, рукавом отер ему лоб, поцеловал в теплые волосы.

— Поди, вели истопить баню,— сказал он с трудом, прислушиваясь и не узнавая своего голоса.— Хочу омыться: грязен я весь — с головы до ног...

Он глянул в окно поверх головы Ивора и осекся: что-то неуловимо изменилось там, он сначала не понял — что, а потом шагнул туда, помедлил и шагнул снова. В узком проеме чуть брезжили заречные туманы, бледнела над ними россыпь звезд, и еще раз, еще острее дохнуло оттуда грозовой свежестью земли и травы. Владимир коротко вздохнул и неуверенно провел ладонью по своему лицу, словно пытаясь узнать самого себя во сне. С лица его не сходило изумление, но глаза осмысливались, успокаивались, все пристальнее вглядывались в рассвет, клубящийся в пойме, как в пропасти.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
1—5. Дворянский титул. 6—9. Герой повести А. Рыбакова о современной молодежи. 9—13. Сильный порыв ветра. 13—15. Закрывающееся крышкой отверстие. 16—20. Трава, выросшая на месте скошенной. 18—21. Представитель древнего племенного союза VI—конца VIII веков. 21—27. Совокупность линейных элементов в картине. 27—30. Наказание. 31—38. То же, что латинский алфавит. 38—41. Река на Дальнем Востоке. 42—44. Самец кошки. 46—52. Самый крупный остров архипелага Рюкю в Японии. 50—54. Денежная сумма, выдаваемая в счет предстоящих платежей. 54—58. Белый журавль. 58—60. Титул в государствах Ближнего и Среднего Востока. 61—64. Запрет. 65—70. Часть государства, со всех сторон окруженная чужой территорией. 70—72. Вареная смола. 71—74. Корабль, на котором, по легенде, Ясон совершил путешествие из Греции в Колхиду. 75—77. Глаз. 76—80. Государство на Дальнем Востоке. 80—82. Страшная колдунья в русских сказках. 83—85. Деятель армянского освободительного движения против иранского и турецкого ига. 86—89. Женская одежда в Индии. 90—94. Древнерусская единица счета. Употреблялась для учета мехов. 95—100. Лесной сторож. 101—103. Гидротехническое сооружение для защиты порта от волнения. 104—105. Река в южной Сибири, правый приток Енисея. 105—109. Религиозная группа, отколовшаяся от господствующей церкви. 109—112. Представитель ираноязычных племен, живших с I века в Приазовье. 111—115. Вид лица спереди. 115—118. Зимняя повозка на полозьях. 119—123. Легкое пирожное. 124—126. Крюк для поднятия тяжестей на судах. 126—129. Остров в Средиземном море. 126—133. Стихотворение А. Пушкина. 134—135. Командующий армией южан во время Гражданской войны в США. 135—138. Денежная единица в Японии. 139—143. Шоколадное дерево. 144—147. Правый приток Индигирки. 148—149. Нота. 149—151. Тропическое растение со съедобными клубнями. 151—156. Название горных хребтов с зубчатыми гребнями в Испании. 155—157. Зодиакальное созвездие. 157—160. Пьеса В. Маяковского. 160—182. Элемент конструкции печи. 163—164. Город V тысячелетия — IV века до н. э. в Месопотамии. 164—166. Очертание и разрез губ. 167—168. Крутой берег, обрыв. 168—171. Денежная единица Ирана. 172—175. Иудейский царь, которому христианская мифология приписывает «избиение младенцев». 176—183. Советский физик, академик, один из основателей физики низких температур. 183—185. В греческой мифологии бог подземного мира. 185—187. Город в Псковской области. 186—189. Официальный дипломатический документ. 189—190. Единица площади. 191—193. Словенский живописец XX века. 194—196. Старое название реки Урал. 196—199. Порт и курорт на юге Франции. 199—205. Река в Северной Америке, пограничная между США и Канадой. 206—209. Ильная рыба. 209—210. Жвачное животное. В диком виде встречается в Тибете. 211—214. Бумага с тисненым узором на поверхности. 213—217. Арабское название Албании Кавказской в VI—IX веках.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—75. Топкое место со стоячей водой. 31—90. Южное водное растение с красивыми цветами. 90—119. Город и порт на востоке Туниса. 148—206. Ямка. 2—62. Вид боевых действий. 76—149. Род небольшого оленя. 149—164. Глубокий заросший овраг. 192—207. Единица сопротивления. 3—92. Посадник в Переяславле и Тмутаракани в 1079—1080 годах, киевский тысяцкий. 106—178. Русский серебряный рубль, чеканенный в 1654 году. 176—208. Буква греческого алфавита. 4—49. Строение для сушки снопов. 64—107. Работа, заданная для выполнения в определенный срок. 107—166. Птица хвойных лесов. 151—194. Группа животных, держащихся вместе. 194—209. Река в Западной Сибири, левый приток Чулыма. 5—50. Роман Э. Золя. 79—167. Совокупность молитв, читаемых дьяконом или священником при каждом богослужении. 180—210. Заостренная вершина горы. 6—80. В математике: каждая непрямая линия. 80—95. Рабочая и учебная шлюпка. 95—124. Прибор для определения скорости судна. 124—168. Балаганный шут. 153—196. Старое, заросшее русло реки. 7—62. Озеро в Абхазии. 52—110. У христиан — посланец бога, покровительствующий человеку. 110—197. Лекарственное растение. 8—62. Манера держать себя. 97—155. Поселок городского типа в Чарджоуской области. 155—170. Название Волги у античных авторов. 183—212. В шумерской мифологии — одно из трех верховных божеств. 9—39. Звук с неясно выраженной тональностью. 54—98. Самое крупное наземное животное. 112—156. В Древней Греции — персонификация победы. 141—213. Кустарник с красными горькими ягодами. 10—55. Ремень, прикрепленный к рукоятке. 55—113. Ставка оплаты чего-либо. 128—157. Морской лед не менее трех метров толщины. 185—214. Полулегендарный киевский князь — убит князем Олегом. 11—41. В старину: изменник, злодей. 41—70. Протяжный громкий крик животного. 70—114. Кормовое бобовое растение. 100—201. Средневековый свод общегерманских уголовных законов. Составлен в 1532 году. 172—215. Капитан Национальной гвардии при Парижской коммуне. С 1925 года жил в СССР. 12—71. Столица Ганы. 71—86. Выдающийся по мастерству летчик. 115—144. Крупная хищная пресноводная рыба. 144—187. Французский генерал, участник революционных войн, противник Наполеона I. 173—218. Костяные выросты на голове у некоторых животных. 13—43. Народ основное население Лаоса. 58—101. Культовое здание для выполнения обрядов. 72—116. Несущая часть машины или установки. 131—166. Недовольство, выражаемое негромкой речью. 188—217. Китайская императорская династия (618—907). 14—59. Переносное жилище у кочевых народов Азии. 59—146. Специалист сельского хозяйства. 146—189. Совокупность привычек и вкусов, господствующая в обществе в определенное время. 175—204. Подношение. 15—74. Французский математик, военный организатор борьбы революционной Франции с интервентами и роялистами. 89—118. Река, впадающая в озеро Балхаш. 133—190. Деятель венгерского и международного коммунистического движения. 176—218. Представитель обширной группы народов, населяющих Северную Африку и Западную Азию.

Сдано в набор 03.02.89. Подписано к печати 27.02.89. А 00240. Формат 84×60 ⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 174. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Каких-нибудь три десятка лет назад в Коломенском — старинном царском селе под Москвой был колхоз. Да-да! Было самое настоящее село. А волшебный шатер церкви Вознесения — шедевр русского зодчества XVI века — будто парил на крутояре над Москвой-рекой, и далеко-далеко от нее было видно равнину по ту сторону реки. Сегодняшние жители огромного микрорайона, выстроенного вокруг старинной царской усадьбы, вряд ли увидят белую пену цветущих здесь некогда фруктовых садов, и все же тянет к себе это место, где сейчас расположен музей деревянного зодчества. Может быть, поэтому и выбрали москвичи Коломенское для теперь уже традиционного праздника проводов русской зимы.

Каждый год в начале марта собираются гости у старинных ворот, где встречают их веселые скоморохи, музыканты, певцы. Принято так исстари на Руси: весело зиму провожать и весну встречать.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1-8. Лепесток. 8-11. Круг. 12-14. Рог. 15-19. Усики. 19-20. Ил. 21-24. Рожа. 23-26. Жаба. 25-27. Бас. 27-28. Су. 29-33. Герат. 33-36. Тяга. 35-37. Гак. 37-43. Карабас. 44-47. Онон. 47-50. Ника. 49-53. Касан. 54-56. Дра. 58-62. Ринит. 62-64. Тон. 64-67. Нани. 87-71. Иафет. 69-72. Фетр. 73-77. Книга. 77-81. Анива. 80-82. Вал. 83-85. Ава. 87-88. Яд. 88-92. Длина. 92-95. Ария. 95-99. Ярило. 100-102. Рур. 102-104. Реи. 104-105. Ил. 105-110. Ленино. 109-111. Ноа. 111-114. Альт. 115-118. Скот. 116-120. Котка. 119-123. Кавос. 122-124. Ост. 124-126. Туз. 126-128. Зык. 128-129. Ка. 130-134. Такси. 134-137. Ирис. 137-141. Скриб. 140-144. Ибсен. 145-148. Узик. 150-151. Ян. 152-154. Уил. 154-156. Лоу. 156-157. Ур. 159-161. Лир. 161-163. Ром. 163-167. Минос. 169-173. Айхал. 174-177. Анис. 178-183. Тапиау. 182-184. Аул. 184-186. Лат. 188-191. Рост. 191-193. Таи. 195-198. Лель. 197-201. Льгов. 202-204. Аск. 204-207. Кьят. 207-210. Тьма. 210-211. Ар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1-29. Луг. 29-86. Горка. 73-130. Карст. 130-174. Тула. 145-188. Улар. 174-202. Ара. 2-74. Есенин. 101-146. Указ. 116-189. Казино. 175-203. Нос. 3-31. Пир. 17-87. Ирония. 87-102. Яр. 102-132. Рок. 132-161. Кир. 161-204. Риск. 18-47. Кан. 47-103. Нигде. 88-205. Детскость. 5-48. Сити. 48-134. Италики. 6-34. Тля. 34-49. Як. 49-90. Кони. 78-105. Нил. 105-164. Ларни. 178-207. Тит. 35-64. Ган. 64-150. Ниневия. 150-179. Яна. 8-65. Краса. 51-92. Сава. 80-107. Ван. 107-137. Нос. 137-180. Сноп. 180-194. Пи. 9-37. Рок. 37-123. Канарис. 108-167. Искус. 167-210. Сила. 10-23. Уж. 23-53. Жан. 38-109. Анилин. 94-182. Интрига. 168-211. Гаер. 11-68. Гарда. 95-110. Яо. 110-125. Оу. 125-169. Уила. 169-197. Аул. 25-55. Бар. 40-83. Арфа. 69-111. Фара. 96-170. Разбой. 141-198. Бойль. 184-212. Лье. 12-41. Раб. 41-84. Баев. 84-127. Вилы. 112-185. Лысуха. 13-42. Оса. 71-128. Тальк. 128-213. Кератоз. 14-43. Гус. 43-72. Сор. 99-129. Ота. 129-201. Анклав.